

Клейн Л. С.
К47 Принципы археологии. — СПб.: «Бельведер», 2001. — 152 с.
ISBN 5-9259-0009-X

«Принципы археологии» — попытка аксиоматизации археологической науки, т. е. сведение ее основ к небольшому ряду принципов, из которых можно логически вывести все многообразие ее законов, методов и понятий. Автор предлагает решить эту проблему путем создания диалектической археологии: из противоположных принципов интерпретации и исследовательской логики вывести единые решения.

Книга рассчитана на всех археологов, но будет интересна и представителям других наук.

ББК 63.4

*This publication was made possible
by a grant from Carnegie Corporation of New York.
The statements made and views expressed are solely
the responsibility of the author.*

ISBN 5-9259-0009-X

© Л. С. Клейн, 2001
© Издательство «Бельведер», 2001

От автора 5

— Часть первая —

ПРИНЦИПЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

I. Археология и принципы 11

Археология как наука? (11) Ради ясности — к темным началам (18)

II. Поиски принципов 22

Фронт работ (22) Принципы Хокса (24) Аксиомы и теоремы Даннела (27)

III. Набор принципов 30

Детерминизм (30) Универсализм (31) Униформизм и актуализм (31) Системность в культуре (32) Корреляция материального с нематериальным (32) Принципиальная достаточность данных (33)

IV. Принципы в критическом рассмотрении 34

Детерминизм? (34) Универсализм? (35) Униформизм и актуализм? (36) Системность? (37) Определенность? (38) Принципиальная достаточность данных? (39) Оправдание принципов (40)

V. Противоположные принципы 41

Индетерминизм (41) Индивидуализация (41) Историзм (42) Неупорядоченность (42) Полисемизм (42) Принципиальная неполнота, недостаточность археологических данных (43) Вторая система (43)

VI. Диалектика принципов 44

Антиномии в основании (44) Аналитическая машина? (46)

— Часть вторая —

**ПРИНЦИПЫ РАСКОПОК:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ МЕТОДИКИ РАСКОПОК**

I. Теория как руководство к раскопкам 51

Правила и практика (51) Принципы раскопок (53) Кладоискательский период (54)

II. Традиционные принципы современной методики 56

Вещеведческий принцип (56) Принцип сенсационности (57) Аутентичность находок (58) Индивидуальный подход (59) Восстановительный принцип (60)

III. Принципы, нацеленные на познание общества и культуры	62
Аниматизация (одушевление) (62) Принцип комплексности (63) Всесторонность изучения (65) Принцип универсальной подготовленности (66) Выявление сопряженности находок (68) Структурный принцип (69) Стратиграфический принцип (72) Принцип бережности (74)	
IV. Общенаучные принципы и специфика археологии	76
Полнота исследования (76) Принцип обобщения (77) Принцип сохранения информации, или принцип спасательного копирования (79) Принцип протокольности (82) Принцип проверяемости (83) Принцип целенаправленности (85) Профессионализм и специализация (86) Принцип пурификации (88) Принцип перспективы (90)	
V. Система принципов	92
Поиск структуры (92) Противоречия в реализации (95) От интерпретации к раскопкам (97) Партийность, компромисс и анализ ситуации (101)	
Заключение	105
Summary	111
Библиография	115
Предметный указатель	123
Именной указатель	128
Приложение	131
<i>Аникович М. В.</i> Историческое познание и принципы археологии (133)	
<i>Вишняцкий Л.</i> В защиту беспринципности (144)	
<i>Трифонов В. А.</i> Полевая археология: Принципы и приоритеты (по поводу доклада Л. С. Клейна «Принципы полевой археологии») (146)	
*** (150)	

Более 160 лет назад вышла книга Чарлза Лайеля «Принципы геологии» (Lyell 1830). Подзаголовок гласил: «Или современные изменения Земли и ее обитателей, рассматриваемые как пояснительные для геологии». Этот заголовок показывает, что имелся в виду прежде всего принцип *актуализма* (понимание прошлого исходя из современных, ныне текущих жизненных процессов) и что книга была вкладом в *теоретическую* геологию — выдвигала общие объяснительные теории. Книг, посвященных принципам науки в археологии, до недавнего времени не было. Теоретическая археология сформировалась только к середине 70-х годов XX века (см. Klejn 1990: 3–4), и сразу стали появляться книги с подобными названиями (см. Browne 1975).

Что принципы той или иной дисциплины принадлежат к ее теоретическому разделу, ясно определил Альберт Эйнштейн в своей работе 1914 года «Принципы теоретической физики»: «Для применения своего метода теоретик в качестве фундамента нуждается в некоторых общих предположениях, так называемых принципах, исходя из которых он может вывести следствия... До тех пор, пока принцип, могущий служить основой для дедукции, не найден, отдельные опытные факты теоретику бесполезны...». По мысли Эйнштейна, деятельность теоретика, «таким образом, разбивается на два этапа. Во-первых, ему необходимо отыскать эти принципы, во-вторых, развивать вытекающие из этих принципов следствия...».

Эйнштейн хорошо сознавал, что для решения первой из этих задач «не существует метода, который можно было бы выучить и систематически применять для достижения цели. Исследователь должен скорее выведать у природы четко сформулированные общие принципы...» (Там же: 5–7). Если даже для физики, давно теоретизированной и методически строгой, не существует такого

метода, то что уж говорить об археологии! Отыскать... Найти... Выведать...

Эйнштейн оставил нам лишь один ориентир в этом деле (сформулированный в другой работе): «Основные понятия и принципы, не сводимые уже к другим, составляют неизбежную, рационально неуловимую часть теории. Сделать эти основные элементы максимально простыми и немногочисленными, не упустив чего-либо содержащегося в опытах, — вот главная цель любой теории» (Эйнштейн 1965: 63).

Но вправе ли мы относить это к теории любой науки или только к любой теории физики? Или к теориям родственных ей точных наук? Решая вопрос о принципах, не обойтись без разбора методологической природы археологии как науки, без определения ее места в системе наук. Это само по себе труднейшая задача, требующая самостоятельного разбора (см. Клейн 1977; 1992). В этой книге ей будет уделено лишь самое необходимое место.

Чтобы пояснить структуру и стиль этой книги, мне придется кратко осветить историю ее создания. Книга состоит из двух частей. Первая посвящена принципам археологической интерпретации, вторая — принципам полевой археологии, в частности раскопок.

Первая из них была подготовлена для торжественной лекции в Кембриджском университете (Англия) — первой в серии Кларковских лекций, учрежденных как регулярное событие (раз в два года) в память Дэвида Кларка, замечательного английского археолога-теоретика. Выбор темы был предоставлен мне. Лекция под названием «Принципы археологии» состоялась 26 января 1993 года в театре колледжа Питерхауз, старейшего в университете (осн. в 1284 году). В этом колледже и работал Дэвид Кларк. Я весьма признателен ученым Кембриджа за приглашение, теплый прием и оказанную мне честь выступить с этой лекцией. Хотя особое внимание в лекции к Дэвиду Кларку было, таким образом, в известной мере обусловлено характером лекции, я оставил это здесь в неприкосновенности, потому что обращение к работам Д. Кларка вполне соответствует теме и отражает мое действительное уважение к этому ученому (что видно и по другим моим работам — см. Клейн 1975; Klejn 1977: 10–12; 1982: 250–253; Клейн 1991б: 211–214).

Но подготовленная работа превысила объем, так что на лекции был обнародован лишь сокращенный вариант. Напоминаю, однако, что, хоть лекция и носила название «Принципы археологии», она и в полном варианте не совпадает с данной книгой: речь тогда шла лишь о принципах археологической интерпретации, что

составило теперь первую часть книги. В процессе подготовки полный текст работы использовался мною для докладов и лекций в университетах Швеции (Стокгольм, Лунд, Упсала, Гётеборг), Норвегии (Осло, Трумсё) и Англии (Оксфорд, Дарем, Ньюкасл, Шеффилд и др.). Я проверял и, так сказать, обкатывал текст перед ответственным выступлением. Доклад о принципах археологии был сделан также 8 декабря 1992 года в теоретическом семинаре Л. Б. Вишняцкого и Е. М. Колпакова в Санкт-Петербургском государственном университете и 23 декабря 1992 года — в Институте истории материальной культуры РАН. При обсуждении и родилась идея издать текст работы отдельной книжечкой на русском языке (английское издание подготовлено в Глазго).

Обсуждение работы, однако, шло трудно. Нередко полемика, особенно в Скандинавии, разгоралась по явно побочным, хотя и более привычным темам (о предмете и методологической природе археологии), но туго входила в самый вопрос о принципах. Многие коллеги выражали заинтересованность и готовность выступить с замечаниями в печати, но, приступая к этому делу, как выразился один из них, «застывали с поднятым пером».

Учитывая новизну и непривычность темы, я почувствовал необходимость дополнить анализ принципов интерпретации, как мне кажется, фундаментальных и исходных для всей археологии, разбором принципов какого-либо ее раздела, так сказать, менее теоретичного. Я избрал полевую археологию, точнее — раскопки. Над формированием этих принципов я много думал в экспедициях и при подготовке курса лекций по методике раскопок, который читал в 60–70-е годы в Ленинградском университете. Многие принципы раскопок были тогда сформулированы мною на основе традиции, намечены были их соотношения (указаны и противоречия между некоторыми). Уже тогда они были сведены мною в систему, но общая концепция, в которой они поданы здесь, сложилась в процессе работы над этой частью книги. Концепцию эту я обобщил в докладе на своем семинаре в Европейском университете в Петербурге 15 ноября 1995 года, через месяц после открытия этого университета. Таким образом, если первая часть книги была доложена в одном из старейших университетов мира, то вторая — в самом молодом. Я признателен участникам семинара за обсуждение доклада.

Поможет ли эта моя новая разработка сделать подход к принципам археологии более операциональным? Если ограничиться первой задачей Эйнштейна — выводыванием принципов, то они остаются пассивным итогом не очень эксплицитных

поисков. Суть дела, однако, в переходе ко второй задаче — к дедукции следствий, образующих корпус теории.

В одном из своих афоризмов Гегель отразил эту потенциальность принципов: «Принцип содержит всё в скрытом виде, но лишь в скрытом виде, латентно, пустое формальное понятие, но не сам предмет. Он подобен скупому, который держит в мешке все наслаждения как возможность, в действительности же избавляет себя от утомительности самого наслаждения» (Гегель 1970: 537).

Таким образом, от нас зависит, как мы реализуем найденные принципы, активизируем ли скрытые в них потенции и что увидим в работе с принципами — утомительность или наслаждение.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРИНЦИПЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

- I. Археология и принципы
- II. Поиски принципов
- III. Набор принципов
- IV. Принципы в критическом рассмотрении
- V. Противоположные принципы
- VI. Диалектика принципов

I. Археология и принципы

Археология как наука? У Дэвида Кларка была мечта — сделать археологию строгой наукой (a strict discipline). «Не имея эксплицитной теории, — писал он, — археология остается интуитивным мастерством...» (Clarke 1968: XIII). Он приветствовал применение методов, заимствованных у естественных и технических наук, но, отмечал он, «средства точных наук не более делают археологию точной наукой (a science), чем деревянная нога делает человека деревом...». Он, однако, надеялся, что применение теории, моделей, математики, вводимых в самое нутро археологии, сделает ее аналитической дисциплиной, которая уже сопоставима с точной наукой, близка к ней по статусу (Clarke 1968: 635).

И все же в представлении Кларка это еще не будет точная наука. «Нужно удержаться от соблазна, — писал он, — видеть в этом аспекте археологии археологическую науку (archaeological science). Аналитическая археология — не точная наука, а дисциплина, ее первичный механизм — скорее математический, чем научный (sic! — таким образом, для него математика — не science. — Л. К.). Тяга археологов к миру науки долго оставляла в тени тот факт, что исследование может быть основано на эмпирическом наблюдении, эксперименте, индукции и формулировании гипотез — и все это без того, чтобы непременно быть наукой» (Ibid.: 663). А учитывая, что и аналитическая дисциплина — еще не наука, выходит, и аналитические операции — теории, модели, применение математики — также не дают права на статус науки. Кларк пояснял: наука отличается высокой степенью достоверности (certainty), а в археологии регулярность — «более, чем случайная». Но тогда и социология с антропологией — не точные науки.

То, что Кларк описал как аналитическую дисциплину, другие смело отнесли бы к науке. Даже к точной или строгой науке в узком смысле слова, хотя разграничение между точной или строгой наукой и неточной или нестрогой очень расплывчато, особенно если для него использовать степень достоверности. Для Кларка физика и химия явно были образ-

цами, а археология — любовью. Почему он все же не претендовал на термин «наука» для аналитической археологии? Это, пожалуй, уже психологический феномен, который очень хотелось бы раскрыть. Мы можем спокойно утверждать, что Кларк мечтал о превращении археологии в нечто подобное точной науке.

Как ни странно, эту мечту разделял с ним и даже был более радикален в этом Кристофер Хокс, от которого, по всему его образу мышления, уж казалось бы, этого никак нельзя было ожидать. Тем не менее он выступил в антропологической секции Британской ассоциации с президентским обращением, которое было названо им «Археология как (точная) наука», и выступил за десятилетие до «Аналитической археологии» Кларка. «Моя тема — не археология и наука, но археология как наука», — заявил он (Hawkes 1957: 94). При этом он признавал, что до осуществления этого идеала еще очень далеко, так как в археологии царит «сухая неразбериха» (Ibid.: 95).

В Америке Роберт Мак-Ниш в 1976 г. опубликовал книгу, озаглавленную «Наука археологии?» — с вопросительным знаком (MacNeish 1976). «С тех пор, — написал он позже, — я перенес сердечное заболевание и операцию на сердце. Я провел часть своего периода реабилитации, пересматривая теоретические вопросы, и результат — эта вторая книга». Но и вторая книга оказалась с тем же названием и опять с вопросительным знаком. «Надеюсь, — добавил он на сей раз, — что каждая очередная попытка будет успешнее и успешнее, и, возможно, в какой-то день я смогу убрать вопросительный знак из названия этой книги» (MacNeish 1978: 47). Кажется, этого не сделано до сих пор.

В Польше Збигнев Кобылиньски, вдохновленный примером Новой Археологии, выступил с призывом номотетизировать археологию — сделать ее наукой, выявляющей законы и пронизанной теориями (Kobyliski 1981). По сути, речь у него идет и об аксиоматизации — о достижении системы, в которой всё логически взаимосвязано.

Иные археологи относятся к этой перспективе негативно. В «Антиквити» мисс М. Меррей на исходе первого столетия своей жизни (она умерла в начале второго) заметила: «Нас всех нынче увлекло это заманчивое словечко “научный (scientific)”, и “научная археология” — в повестке дня. В этой пылкой жажде представляться “научной” археология оказывается утратившей свою гуманитарность. Она утрачивает свою истинную цель...» (Murray 1961: 12). Как видите, негативное отношение выражено, но сам процесс трансформации констатируется и здесь.

То же и в отклике Пшемыслава Урбаньчика на призыв Кобылиньского, хотя это отклик сугубо скептический. Урбаньчик признает: «Идеалом было бы иметь теорию, научную в полном смысле — в виде

упорядоченной системы утверждений, связанных очерченными логическими отношениями. Но трудно ожидать, что это будет дедуктивная система, как в математике. Такие дедуктивные науки, полностью абстрагируясь от конкретных объектов, не расширяют наших знаний о реальной действительности. Речь может идти лишь о теориях эмпирических наук — таких, как электромагнитная теория света или классическая механика. Роль аксиом в них исполняют детерминативные и статистические законы. В таких науках, как термодинамика, — главным образом статистические законы. Но в археологии они еще не получили точного количественного выражения и в обозримом будущем вряд ли получат. Эмпирическая теория археологии еще остается в сфере мечтаний» (Urbanczyk 1981: 58–59).

В целом эта позиция, позиция констатации происходящего преобразования археологии из гуманитарного знания или даже искусства в науку, оказывается средней между двух крайностей (схема 1).

Схема 1

С одной стороны располагаются те (особенно американские) исследователи, для которых археология — это часть антропологии (как номотетической социальной науки), или те, для кого (как для большинства советских археологов) она часть социологически ориентированной истории. «Американская археология — это антропология или ничто» (Willey, Phillips 1958: 2); «Археология — это социальная наука или ничто» (Deetz 1970: 115); «Археология как антропология» (Binford 1962); «Археология с прописного S» (Flannery 1973) — с буквы S начинается Science (точная наука).

А вот схожие высказывания из отечественной археологии. «Археология — это история, вооруженная лопатой» (Арциховский 1941: 3), а «История становится наукой лишь постольку, поскольку ей удастся объяснить изображаемые ею процессы с точки зрения социологии» (Плеханов 1957: 15). Следовательно, «цель археологического познания — исследование закономерности развития социальной структуры конкретных обществ прошлого...» (Генинг 1983: 217).

Другую крайность представляют те, кто настаивает: «Археология — не точная наука» (Амальрик, Монгайт 1959: 252). Вы помните, какую чисто гуманитарную перспективу нарисовала для археологии Ж. Хокс — как «подобающее изучение человечества» (Hawkes 1968).

30. Нужно признать, что обе крайности выглядят более последовательными и логичными, чем средняя позиция. В самом деле, дисциплины вряд ли могут менять свою методологическую природу по произволу — как люди не могут менять свой пол (теперь они меняют, но лишь с воображаемым успехом). Ведь методологическая природа дисциплины обусловлена ее предметом, задачами изучения и местом в системе наук, а если это изменить, то просто перед нами окажется совершенно другая дисциплина, обычно при этом у нее и имя будет другое. Скажем, вместо астрологии — астрономия. Значит, либо археология по своей методологической природе — science, либо humanity (или даже art, искусство).

Что же тогда могут означать разговоры о ее трансформации из humanity в science, из гуманитарной науки в точную? То же, что разговоры о превращении мужчины в женщину. Либо она и раньше была science, только это было не очень ясно видно, потому что она была плохой science (бывает ведь, что и мужчину называют бабой, да и сам он сознает себя женщиной, оставаясь все-таки каким-никаким мужчиной). В этом случае археология просто осознает свой истинный пол. Либо она humanity, которая лишь хочет казаться science, но никогда не сможет стать такой — ей суждено оставаться humanity всегда. А стать псевдонаукой (pseudoscience) — так ли это привлекательно?

Попытка К. Ренфру и П. Бана примирить стороны, предложив считать, что археология одновременно и humanity, и science (Renfrew, Bahn 1991: 10), представляет этих исследователей как искусных политиков, но, как мы знаем, политика не дает устойчивых результатов, если мир поделен на две части.

Однако весь этот расклад верен лишь, если:

а) природа археологии действительно определяется альтернативным родством: с антропологией (соответственно социологией или социологически ориентированной историей) или же с идиографической историей, и если

б) оба эти блока действительно представляют две разных половины исследовательского знания: science и humanity.

Но это не так.

В общей форме я разделяю мнение У. Тэйлора, что «археология не есть ни антропология, ни история» (Taylor 1948: 44). Я вполне разделяю и настояние Д. Кларка, что «археология это археология, это археология» (Clarke 1968: 13). Кларк очень просто объяснил причины, по которым она не может считаться историей: поскольку «природа археологии такова, что нет простого способа уравнивания наших археологических восприятий с... утраченными событиями» (Ibid.). Можно еще добавить, что у них различно ориентированный пафос познания: история стремится проникнуться неповторимостью событий и героев, тогда как археология одержима обобщением, типизацией, и «тип» — ее центральное понятие. Но археология не может считаться и антропологией или социологией, потому что система археологических данных мертва, и нет прямых соответствий между нею и жившим некогда обществом или его живой культурой. Регулярности, отмечаемые нами в археологических данных, — это не то же самое, что законы, действовавшие в живых обществе и культуре.

Я должен также добавить, что для меня археология (даже преисторическая) не равна преистории, хоть Д. Кларк допускал такое уравнивание (Ibid.: 12). Для него понятия «археология и археолог... содержат в себе преисторические исследования и преисторика. Из этого следует, что преисторик — это всегда археолог... археология — это часто синоним преистории». В этом вопросе более логичной мне представляется позиция учителя Дэвида Кларка — Грэйема Кларка, который четко различал археологию и преисторию. В его книге «Археология и общество» первая глава так и называется: «Археология и преистория» (Clark 1957: 9).

Мне очень нравится афоризм Чайлда «археология — одна» (Childe 1957: VI). С этим афоризмом вполне согласуется декларация Д. Кларка насчет центральной теории, «которая объединяет внутри дисциплины исследования вне зависимости от региона, периода и культуры» (Clarke 1968: XV). Он имел в виду «широкий охват археологии, простирающийся вне периметра преисторических исследований», и он упоминал такие ее аспекты, как «классическая, средневековая, нынешняя колониальная и промышленная археология» (Ibid.: 12). Если Чайлд и Кларк правы (а я думаю, они правы), то мы должны трактовать в составе археологии преисторические времена точно так же, как мы трактуем античную древность, классику. Если мы делаем четкое различие между классической археологией и древней историей, то почему мы должны сливать воедино преисторическую археологию с преисторией? Есть и другие

аргументы за разграничение этих отраслей знания, но краткости ради я отошло к моей работе «Рассечь кентавра» (Клейн 1991).

Согласно Д. Кларку, современное развитие «уклонилось к опасному злоупотреблению этими терминами. Сейчас наблюдается тенденция воспринимать термин “преисторик” как обозначающий “составителя истории, охватывающей периоды без письменных источников” — подразумевается, что “преисторик” — это кабинетный синтезатор аналитической работы “археолога”. Здесь термин “археолог” сужен до обозначения неинтеллигентного “раскопщика” или узкого “специалиста”...» (Clarke 1968: 12).

Но ведь *археолог* есть и в самом деле раскопщик и узкий специалист; он не может быть иным из-за узости, ограниченности и неполноты его источников, а как только он обращается к другим видам источников, он выходит за границы своей компетенции! *Преисторик* же должен быть синтезатором, потому что необходимо сравнивать и комбинировать результаты исследования разных видов источников — не только археологических, но и этнографических, физико-антропологических, лингвистических, фольклорных и т. д. А сравнительное исследование и междисциплинарный синтез — это особый вид научного знания; он обладает своими методами, требует своеобразной эрудиции, нуждается в особой подготовке, в специализации. Никто не запрещает археологу делать также и преисторию, но при этом он должен сознавать, что это другая профессия и что ему предстоит овладеть второй профессией.

Главной причиной, по которой Кларк выступал против этого разделения, было, видимо, его опасение отдать преисторию в руки людей, привыкших делать нечто очень близкое к описательной истории вместо того, чтобы делать строго научные исследования типа социологических или биологических. Но это совсем другой вопрос. Тут все зависит от того, как мы определим методологическую природу самой истории. Но как бы мы ее ни определили — как идиографическую науку или как номотетическую, — придется учесть, что объект *преистории* все-таки располагается на полдороге между биологической эволюцией и социокультурным развитием.

Относится ли *история* к гуманитарному знанию? Она разделяет лишь некоторые черты с другими гуманитарными дисциплинами, коренными для гуманитарного знания, — с искусствоведением и литературоведением. Подобно им, она изучает свои факты как уникальные объекты (пусть и обобщенные — народы или страны), уникальные ситуации. Она не открывает и не формулирует общих законов, она лишь выявляет их выражение в конкретных фактах, чтобы объяснить эти факты. Но есть черты гуманитарного знания, которые она не разделяет с ними: право на субъективный подход, оценочные суждения.

Мое основное замечание по этому вопросу состоит в том, что традиционная дихотомия в разделении совокупности наук на точные (sciences) и гуманитарные (humanities) слишком упрощает дело и является слишком жесткой. Уже давно замечено, что есть дисциплины, которые не укладываются в эту жесткую схему. Предлагались и другие классификации наук (в частности, Ф. Бэконом, Контом и др.), которые предусматривают разделение между абстрактными науками и науками конкретными. Моя собственная схема развивает именно эту традицию (схема 2). Целью конкретных наук является дать нам хорошую ориентацию в том конкретном мире, в котором мы живем. К этим последним и принадлежат география и история. Первая помогает нам определить нашу позицию в пространстве, вторая — во времени. Что касается истории, то она разделяет эту функцию с учением о природной эволюции.

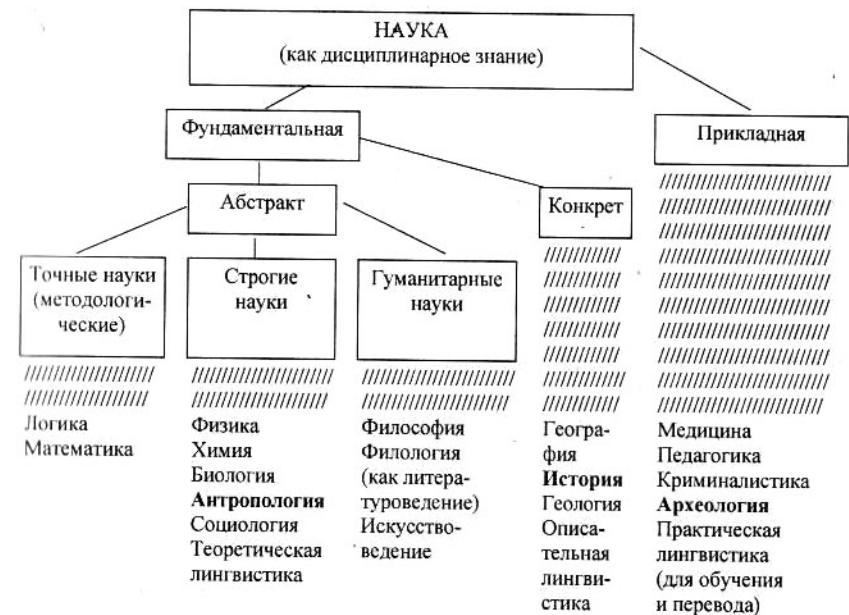

Схема 2

А как насчет археологии? К которой группе наук она принадлежит? Конечно, она работает для истории и (пока еще в меньшей мере) для социологии, возможно, для антропологии. Но это не говорит ровным счетом ничего о ее методологической природе. Это открывает лишь ее рабочие контакты, ее связи, ее партнеров. Но сотрудничество с историей не больше делает из археологии разновидность истории, чем контакт с людьми превращает в таковых лошадей (или наоборот — людей в лошадей). Археология — это археология... Когда же мы обратимся к

поискам ее ближайших родственников среди дисциплин, то мы обнаружим, что среди них нет ни истории, ни социологии, ни антропологии. Мы найдем схожие методы, принципы, задачи в криминалистической трасологии, в профессиональных знаниях и навыках полицейского инспектора и судебного следователя. Единственная разница заключается в том, что детектив обслуживает познание лишь патологической стороны общественной жизни, и в том, что он приходит на место событий без такого чудовищного опоздания.

Аналогию с деятельностью детектива использовали многие археологи при описании своей профессии (см. Clark 1957: 20–21; Braidwood 1960: 5–6; Клейн 1967; 1978: 48; Adams 1973; Shanks 1992: 53–56), но они предлагали это как метафору. Нет, это не метафора, это лежит в самой сердцевине вещей. Как заметил Бартель Хроуда, «в основе археология есть разновидность криминалистики» (Hroudа 1978: 15). Не случайно археология заимствовала так много приемов своей работы у криминалистов и особенно обогатилась ими в ходе судебных процессов по поводам археологических подделок (например, во время Глозельского скандала).

Другое схожее занятие — это реставрация предметов искусства и древностей. Сходство нет надобности доказывать. Единственное, что нужно оговорить, это что реставрация — не просто искусство или ремесло. У нее есть обоснованные правила, принципы, методы и система понятий, так что это тоже научная дисциплина.

Что же это за дисциплины, какого рода? Полагаю, что они принадлежат к широкой группе прикладных наук. Такова и археология. Это означает, что У. Тэйлор был недалек от истины, когда утверждал, что «археология сама по себе не более, чем метод и ряд специализированных техник для сбора культурной информации. Археолог как археолог и впрямь не что иное, как технар» (Taylor 1968: 44). И все же археология — это не просто методика или техника. У нее есть система понятий, теория, принципы.

Ради ясности — к темным началам. По мысли физика Т. Герца, есть два пути развития физики — вавилонский и греческий. В первом варианте ученые устанавливают большое число конкретных фактов, частных регулярностей и множество связей, а во втором стараются выявить несколько аксиом, из которых можно вывести все остальное (Герц 1980: 173–203). Это называется аксиоматизацией археологии. Европейская наука — имея в виду ее точные дисциплины (sciences) — пошла по греческому пути. Три принципа составляют ядро классической термодинамики. Классическая механика основана на трех фундаментальных законах движения, сформулированных Ньютоном в «Математических началах натуральной философии».

Ньютон же сформулировал общее представление о принципах или началах: «Вывести из явления два или три общих начала (principles) движения и после этого изложить, каким образом свойства и действия всех телесных вещей вытекают из этих явных начал, было бы очень большим шагом в философии, хотя бы причины этих начал и не были еще открыты» (Ньютон 1954: 304). Эйнштейн утверждал: «Фундаментальные понятия и законы, которые дальше не могут быть сводимы, образуют неотъемлемую часть теории... Важнейшая цель любой теории состоит в том, чтобы этих основных элементов было как можно меньше и чтобы они были как можно проще — вот главная цель любой теории» (Эйнштейн 1967: 183). В его теории относительности два таких начала.

Так рассуждают физики.

В биологии и психологии, а также в гуманитарных дисциплинах основные принципы обычно не выделяются явно, хотя и подразумеваются (Рузавин 1978: 15) — просто, очевидно, их время оформиться еще не пришло.

Что же касается прикладных наук, то в отличие от фундаментальных они по природе своей больше ориентированы на обслуживание других наук и практики, поэтому менее теоретичны. Их объекты структурно менее четко выделены и поэтому труднее охватываются единой теорией. Соответственно им труднее отстаивать статус научности, доказывать, что они — нечто большее, чем набор методов. Что у них есть своя строгая теория, стройность, устойчивое единство, системность и что все это не искусственное, не внесенное извне, а коренящееся в самой дисциплине, связанное с ее предметом. Поэтому для этих наук вопрос об исходных принципах особенно важен.

Кристофер Хокс так изложил эту констатацию применительно к археологии. Он перечислил ряд примеров использования естественнонаучных методов и анализов в археологии, а затем заключил: «Но к какой бы отрасли археологии или преистории вы ни принадлежали, ваши претензии на научный (scientific) статус для вас самих покоятся только на мерах, которые вы применяете, чтобы представить по возможности более точно гарантированные, ненарушенные, несмешанные образцы для соответствующего исследования. А что это действительно претензия (на научность), а не просто принятие предосторожностей здравого смысла против того, чтобы вещи перемешались, сломались или спутались, — тут должны сказаться п р и н ц и п ы, которые коренятся в вашей части, в нашей части, в археологической части и н т е р п р е т а ц и и находок (разрядка везде моя. — Л. К.). Если они научны (scientific), тогда мы — в той же мере — ученые, если они не научны, тогда мы тут всего лишь старательные и пытливые личности, которые ухищряются получать

информацию от других людей, являющихся учеными (scientists), тогда как мы — нет» (Hawkes 1957: 94).

К познанию «неких общих принципов, управляющих археологическим мышлением и зависящих в большой мере от признания реальной природы археологических фактов», призвал и Стюарт Пигготт (Piggott 1960: 12–13).

В недавней книге Льюиса Бинфорда мы находим похожую мысль. Говоря о выводах археологии из исследуемого материала, Бинфорд заключил: «Все эти выводы получают устойчивость от привязки археологических наблюдений к принципам и законам причинности, взятым из наук механики, физики и родственных областей прикладных технических наук... Не надо археологам ждать от других областей науки развития необходимых принципов, которые позволили бы им делать надежные выводы о прошлом. Они должны сами развить науку археологии (science of archaeology)» (Binford 1983/1988: 17).

Правда, в более ранней работе Бинфорда, в его статье 1968 г., содержались совсем другие высказывания. Там он призывал не надеяться, что можно «читать» археологические остатки «в соответствии с рядом априорных правил или принципов интерпретации, применение которых позволило бы подготовленному интерпретатору “реконструировать” прошлое» (Binford 1968: 11). Можно, конечно, воспринимать этот контраст как отказ Бинфорда от своей прежней идеи. Но скорее здесь, в этой ранней работе, шла речь не о самых общих принципах интерпретации, а о некой разработанной заранее схеме однозначных соответствий видов археологических находок историческим событиям, соответствий, с помощью которых можно было бы «читать» археологический материал. Такие схемы действительно выдвигались. В противоположность этому Бинфорд предлагал рассматривать археологические остатки «как сведения о прошлом и как источники данных для проверки предположений, выдвигаемых нами относительно давних событий» — он имел в виду гипотезно-дедуктивный подход. Но ведь это тоже принцип.

Гай Гиббон в книге «Антропологическая археология» помещает раздел «Методологические принципы и правила». Он отмечает: «Чаще всего эти принципы и правила суть недоказуемые или, по крайней мере, недоказанные предложения, молчаливо принятые и скрытно присутствующие в нашем мышлении» (Gibbon 1984: 93).

В книге «Объяснение в археологии» (Gibbon 1989: 3–4) он делит эти принципы на два ряда.

Первый составляют «первичные предпосылки», без которых вообще никакая археология, как ее обычно понимают, немислима. В пример Гиббон приводит такие банальные истины: «Археологические комплексы — это материальные остатки человеческой деятельности в прошлом»

и «Изучая эти остатки, мы познаем историю человечества». Такие первичные предпосылки «могут рассматриваться как конечные оправдания археологии и прямо ведут к общим методологическим директивам» типа: «Сохраняйте и исследуйте археологические памятники и материалы!». «Отказ от этих первичных предпосылок... повел бы к краху археологии, какой мы ее знаем».

Второй ряд принципов образуют «вторичные предпосылки, т. е. предположения, дополнительные к первичным и подчиненные им». Например: «Археологические комплексы — это зеркало прошлой человеческой деятельности». Не будучи необходимыми для самого существования археологической науки, такие предпосылки определяют стратегию интерпретации: отражается ли прошлая деятельность человечества в археологических памятниках адекватно, как в зеркале, — вопрос спорный, но как-то она обусловила же их создание, и от определения характера этой связи зависят приемы интерпретации. Эти принципы отнюдь не банальны. Ими-то и стоит заняться.

Во всяком случае ни *необходимость* неких общих принципов археологии, ни их *априорность*, ни то, что это должны быть прежде всего принципы *интерпретации*, отрицать не приходится. Об их необходимости здесь сказано достаточно. Остановимся на двух других характеристиках.

Именно прикладной характер археологии, ее нацеленность на обслуживание других наук — об обществе и культуре — делает интерпретацию главной ее частью. В ее теоретической системе главными оказываются принципы интерпретации, управляющие ее связью с этими науками, делающие ее релевантной для этих наук. Интерпретация — на выходе из археологии, но именно ради нее археология и существует.

Что же касается априорности этих принципов, то она связана с их аксиоматичностью. Как мы видели, таковы же и принципы других дисциплин, явно относящихся к точным наукам. Ньютон допускал неизвестность их обоснований. Что эти принципы аксиоматичны, было ясно еще со времен Аристотеля: «существование начал следует принять, все остальное — доказать». Вообще большей частью оправдывается замечание Милля, который сказал: «В каждой науке нет ничего более темного, чем основные принципы самой науки» (цит. по: Регирер 1966: 90). Фундаментальные понятия и принципы любой науки потому и являются фундаментальными для нее, что они в ней самой не находят обоснования — наоборот, она основана на них. Обоснование покоится либо в других дисциплинах, либо в практике и здравом смысле. С обоснованием имеет дело философия. Иными словами, раскусить аксиомы трудно, оставим это философам.

Нам-то важно обеспечить, чтобы они были надежны, разумны, устойчивы и чтобы прочие положения нашей дисциплины эксплицитно выводились из них по строгим правилам логики.

II. Поиски принципов

Фронт работ. Сколько же и какие именно принципы лежат в основе археологической интерпретации, делая ее научной?

В поисках аксиом трудно предложить какой-либо предварительный порядок, разве что отправляться изнутри дисциплины, от предполагаемых производных. Если же некий задел уже есть, можно начать с обзора существующих версий, с опыта науки, затем откорректировать накопленные положения и посмотреть, чего не хватает.

В своей книге «Основы археологии» Джейсон Смит, американский археолог-марксист, пишет, что научности можно достичь, если придерживаться следующих четырех допущений (assumptions):

- 1) что мир и вселенная реальны и независимы от человеческого сознания,
- 2) что вещи прямо или косвенно взаимосвязаны как причины и следствия,
- 3) что нет вещей, непознаваемых по своей природе, т. е. сверхъестественных или магических,
- 4) что изменения — это всеобщая константа.

Можно спорить о составе набора и о корректности формулировок (скажем, мир как предмет познания все-таки зависит от человеческого сознания, или: почему указаны только причинно-следственные связи, а не системные — части и целого и т. п.). Однако вне зависимости от того, хороши ли формулировки, эти «допущения» нельзя считать археологическими: они применимы ко всем наукам и к познанию вообще. Это, как сам Смит отмечает, «основа материалистической философии» (Smith 1976: 391). В марксизме сталинской чеканки первый и третий из этих принципов относили к материализму, второй и четвертый — к диалектике. В том и другом разделах числились и еще некоторые принципы, которые мы должны были зубрить и отвечать не только в положенном порядке, но и вразбивку.

В сущности, марксизм воспринял и четко сформулировал традиционные положения материалистической философии, близкие здравому смыслу естествоиспытателей нового времени, привыкших уважать опыт и факты. Каждый из этих принципов нуждается в оговорках, но в целом они приемлемы. В своей действительной повседневной научной практике все археологи, независимо от их философских убеждений,

придерживаются этих принципов, так сказать, бытового материализма. Это показано в дискуссии по работе Лаудзера (Lowther 1962) и в моей критике некоторых положений Даниела (Daniel 1982: 208–211; 1991: 176–178).

Так или иначе, принципы эти (по крайней мере, в такой форме) нет смысла здесь учитывать, они слишком общие для нашей темы, в них не выражена специфика археологии.

С марксистских позиций строил теоретические основы археологии и В. М. Массон (Массон 1969). Он просто взял три основных принципа исторического материализма — такими, как они выглядели в стандартных учебниках (историзм, детерминизм и примат производства), — и, перенеся их на археологию, рассмотрел соответствующие воплощения (социологическая ориентированность, предпочтение массовому материалу, интерес к функциям, учение о стадильности и т. д.). Он связывал это «с методологической функцией исторического материализма, которую тот осуществляет по отношению к гуманитарным наукам. Главные принципы в этом направлении были разработаны в конце 20-х — начале 30-х гг. ленинградскими и московскими археологами... Фактически в данном случае имела место разработка оснований археологической науки путем выведения теоретических положений из суждений другой науки, носящих более общий характер, что является достаточно обычным путем формирования оснований науки» (Массон 1978: 32).

В советской археологии и впрямь действовала эта схема. Беда не столько в том, что эти принципы были узки и догматизированы, сколько в том, что они главным образом определяли конечный облик реконструируемого культурно-исторического процесса, а не путь от материала к нему, не способы реконструкции. С этими принципами было заведомо ясно, каким должен быть результат, а как его получить, было неважно и оставлялось на долю здравого смысла, хитрости или молчаливого соглашения с авторитетом.

В цитированной книге Смит перечислил 7 других принципов, но они слишком конкретные, узкого значения и относятся только к установлению стратиграфии. Столь же частный (да притом еще и сторонний) характер имеют 12 принципов Джеймса Гриффина — «аксиомы культурного процесса» (Griffin 1955). Эти, правда, имеют некоторое отношение к интерпретации — задают некие ориентиры: как должен выглядеть культурный процесс в результате реконструкции, каким условиям удовлетворять, чтобы получить признание научной общности. Если, конечно, она будет придерживаться «аксиом» Гриффина. Но и эти «аксиомы», вне зависимости от того, верны ли они и удачно ли сформулированы, ничего не говорят о том, как проводить реконструкцию, как интерпретировать археологический материал.

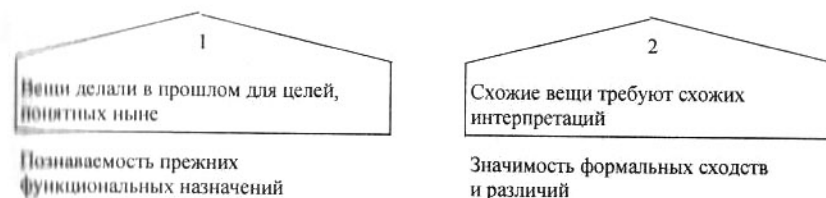
В отличие от этих ученых Эдуард Зангмейстер считал, что у археологии всего один фундаментальный принцип. «Единственной предпосылкой, с которой работает всякая археология.., — писал он, — это то, что между вещью, сделанной людьми, и ее изготовителем и пользователем существует отношение, о котором можно делать высказывания» (Sangmeister 1967: 201). Отношение не определено, а высказывания можно делать о чем угодно. Предпосылка Зангмейстера настолько расплывчата и слаба, что опираться на нее бесполезно. Этот ученый оказался чересчур осторожен.

В первой из упомянутых книг Гиббона принципы интерпретации не составляют системы, но примеры приводятся, и среди них есть очень меткие: «В прошлом действовали те же процессы, что и в современности (принцип униформизма)»; «Люди в прошлом делали вещи по тем же причинам, по которым вещи делаются сегодня (принцип культурного единства)» (Gibbon 1984: 93–97). Последний принцип у Гиббона назван также «принципом Роу» — следует ссылка на работу Роу (Row 1976). Но Роу лишь сузил, уточнил принцип, сформулированный раньше Хоксом.

Наиболее вдумчивыми и серьезными представляются мне две работы по этой теме — Кристофера Хокса (Hawkes 1957) и Роберта Даннела (Dunnell 1978). Анализ проблемы удобно провести именно на разборе этих работ.

Принципы Хокса. В президентском обращении Хокса интересны не только рассуждения о методологической природе археологии и о необходимости выявления фундаментальных принципов интерпретации, но и сам выбор принципов. «В чем же принципы археолога, которые воплощены в его интерпретации раскопок, измерений и сравнений? — спрашивает Хокс. — Я часто задавал себе этот вопрос...» (Hawkes 1957: 95). По мнению Хокса, исходных принципов, управляющих археологической интерпретацией, а значит, фундаментальных для археологии вообще, только два: 1) «Люди в прошлом делали вещи для целей, которые в большинстве случаев, — а может быть, и во всех — могут быть поняты», и 2) если «разные люди делали одни и те же или очень схожие вещи.., то это не случайно, а имеет одно... общее для них объяснение» (если только эти схожие вещи «не очень сильно разделены во времени или пространстве»).

Если приглядеться (схема 3) к первому принципу Хокса, то можно увидеть, что критерий простоты не соблюден. Здесь в одной формулировке слиты, по крайней мере, два принципа — *принцип познаваемости функций в материальной культуре* (можно понять цели, для которых вещи сделаны) и принцип *связи эпох* (цели, существовавшие в древности, могут быть поняты современными людьми), как его сформулировал Роу.

По К. Хоксу (Hawkes 1957)

Схема 3

Если взять второй из исходных принципов Хокса — принцип *неслучайности сходств* (и соответственно различий) в вещах, то он тоже не так уж прост. В нем могут подразумеваться два разных утверждения: первое — что формальные сходства вещей важны, поскольку они не только формальные (мыслится некая *корреляция между формой и смыслом*), а второе — что *схожие вещи имеют нечто общее в своем происхождении*: Хокс имеет в виду реальную общность происхождения — из одного культурного источника с последующей диффузией, но ведь может предполагаться и конвергенция, ибо в ней действует тоже нечто общее: общие причины, общие закономерности.

Таким образом, там, где Хокс видел два исходных принципа, их по меньшей мере четыре. Рассмотрим их по очереди (схема 4).

Развитие схемы Хокса

Схема 4

Первый из этих принципов оказывается очень общим: он относится ко всем наукам о человеке и культуре. Я бы даже сказал, что он не очень аксиоматичен: он сам основан на каких-то других. Например, принцип познаваемости не мог бы действовать, если бы каждая вещь была абсолютно уникальна и создавалась с абсолютно новыми целями. Значит, для опоры на этот принцип нужно принять существование неких регулярностей в культуре, неких законов удовлетворения основных потребностей. То есть нужен принцип *детерминизма в культуре*. Нужны и другие.

Таким образом, за этим первым из принципов, подразумевающихся у Хокса, но не названных им, должны помещаться не менее трех очень важных, действительно фундаментальных принципов: единство человеческой природы и общность культуры человечества, наличие законов общества и культуры, системность культуры и т. д.

Обратимся теперь ко второму из принципов, на которые пришлось разбить первый принцип Хокса. Этот второй хорошо известен как принцип актуализма.

Третий среди вычлененных из схемы Хокса принципов, не указанных им прямо, это как раз отмеченный уже здесь принцип *корреляции материальных элементов с нематериальными*.

Четвертый принцип у Хокса не детализирован — не указано, как определяется неслучайность, зачем определяется, но из контекста ясно, что за таким *различием* Хокс видел *чужеродность*, а соответственно за *сходством* — *родство*, вызванное распространением. За этим публично высказанным размышлением явно стоит имплицитное рассуждение, очень напоминающее гребнеровский *критерий формы*, разработанный тем для оценки сходств этнографических объектов при определении родства (гомологии). У Гребнера, однако, вопрос был более разработан. Критерий Гребнера требовал наличия редкой комбинации признаков, не вытекающих с необходимостью из природы объекта. У Гребнера был еще и другой критерий — количества: сочетание должно не быть единственным, повторяться неоднократно (см. Graebner 1911).

Но у Хокса есть в этом деле предшественники и в самой археологии. Еще Софус Мюллер писал: «Где есть сходство, там должно быть родство (отношение), того или иного рода связь» (Muller 1884: 185).

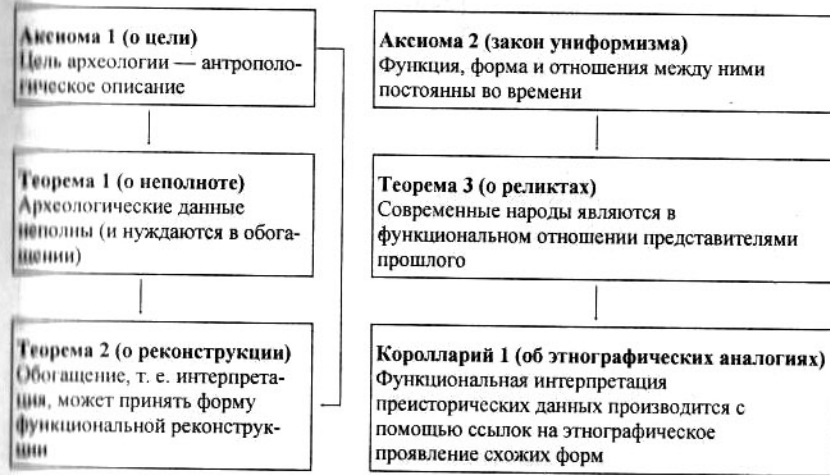
Принцип этот не выглядит исходным, аксиоматичным. Это принцип выводной: он совершенно очевидно выводится из признания неких закономерностей в обществе и культуре, т. е. какого-то детерминизма. Ведь если существуют регулярности в материале, повторяемость, закономерность, то должны существовать и сходства, а различия, само собой, не случайны — они говорят либо о проявлении разных закономерностей, либо о вмешательстве каких-то других факторов. А если регулярностей нет, то различия естественны — хотя бы от случайного разброса, — и отличить случайные от неслучайных невозможно. Правда, сам Хокс не видел необходимости прибегать к закономерностям для объяснения неслучайности сходств и различий, т. е. он готов был искать объяснения в тождестве и разнородности, вытекающих из распространения. Но и в этом ведь есть свои закономерности.

Кроме того, важность сходств и различий в материале зависит от признания неких регулярных соответствий материальной формы куль-

турному и социальному значению вещей, их смыслу. Всё это ведет нас к другим принципам, более глубоким.

Аксиомы и теоремы Даннела. Весьма серьезная работа, посвященная этой теме, — статья Роберта Даннела, точнее раздел в ней (Dunnell 1978). И статья, и раздел озаглавлены иначе — без указания этой темы, а с концентрацией внимания на функции, но по сути речь идет именно об исходных принципах функциональной интерпретации археологического материала.

Даннел строит систему оснований интерпретации (схема 5) из двух аксиом и вытекающих из них трех теорем и одного короллария (следствия). Все выглядит строго и логично, как в математике (и хоть математика для Д. Кларка не наука, но столь структурно представленная в своих основаниях археология приобретает очень внушительный научный облик). Даннел предложил впечатляющий опыт организации оснований археологии.

Р. Даннел (Dunnell 1978)

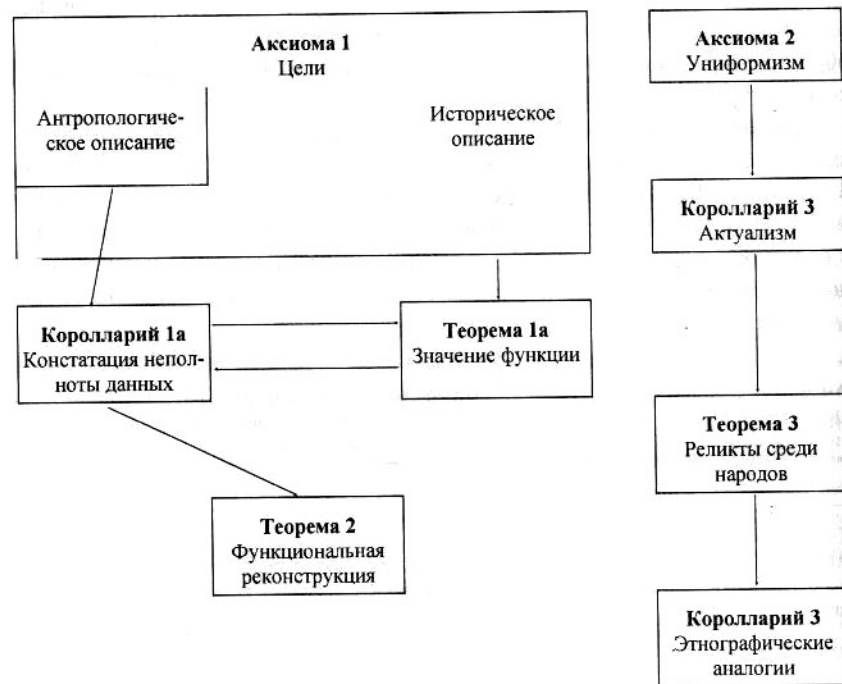
Схема 5

В одной линии его рассуждений — первая аксиома. Она гласит: цель археологии — *антропологическое* описание. Из нее последовательно вытекают две теоремы. Первая — что археологические данные *неполны*, не идентичны антропологическим, следовательно, нужно их обогащение, и оно достигается *интерпретацией*. Вторая — что антропологическая интерпретация должна получить форму *функциональной реконструкции*.

Другая линия рассуждений Даннела состоит из аксиомы и двух выводимых из нее положений — теоремы и короллария. Эта линия ведет

от признания униформизма к правомерности использования этнографических аналогий в археологической интерпретации.

Хоть построение Даннела серьезно и интересно, его конкретные заключения вряд ли могут удовлетворить (схема 6).

Исправленная схема Даннела

Схема 6

Первая аксиома Даннела сформулирована неудачно. Цель археологии заужена: выпала ориентировка на историю. Вообще, если нужно было обосновать принципиальную неполноту археологических данных, то можно было выбрать основание более точно. А именно: археология нацелена на обслуживание других наук о прошлом (истории, социологии, антропологии), так что предмет ее исследований не совпадает с конечным объектом их общего интереса, оказываясь лишь источником для познания этого конечного объекта.

Первая теорема Даннела, пожалуй, вовсе не теорема, поскольку она не требует доказательств. Это просто королларий к первой аксиоме. Ясно, что коль скоро археологические источники отражают конечный объект перечисленных наук, то эти источники дают лишь неполные

данные о нем: отражение через толщу времени выражено в следах и остатках, а они, естественно, дают меньше информации, чем сам объект.

Вторая теорема заслуживает этот статус: ее требуется доказать. Но, во-первых, для ее доказательства нужно опереться на некие положения, не содержащиеся эксплицитно в исходной аксиоме — ни в формулировке Даннела, ни в предложенной замене. Для обоснования нужны некие положения о роли функции в культуре, о ее связи с реконструкцией исторических событий. Нужно также очень широкое определение функции, включающее и семантические аспекты, и использование вещи, иначе почему реконструкция ограничивается функцией?

В целом же вся эта линия рассуждений ведет не к раскрытию механизма интерпретации, а лишь к обоснованию ее необходимости в археологии и к ее нацеленности на функциональную реконструкцию. Как проводить реконструкцию, эта линия не поясняет. Поэтому все эти положения (аксиома, теоремы, королларий) не должны входить в принципы археологической интерпретации, они скорее относятся к обоснованию структуры археологии и близки первому ряду принципов Гиббона. Из констатации принципиальной неполноты археологических данных я бы скорее извлек требование обогащать археологическую информацию неархеологической, и не только аналогиями из этнографии. Кстати, я и выдвигал такое требование (Клейн 1977: 39–44; 1978: 54–56).

Другая линия рассуждений Даннела носит иной характер. Она начинается со второй аксиомы, с постоянства законов (*униформизм*) и выводит отсюда королларий — *актуализм*.

Даннел различает эти два принципа. В отличие от эволюционистов и в соответствии с задачей своего исследования он формулирует исходный принцип очень узко и в то же время спорно: функция, форма и отношение между ними остаются постоянными все время. Отсюда он выводит теорему: современные народы функционально репрезентируют прошлое. А далее у Даннела следует королларий: функциональная интерпретация археологических данных производится с опорой на этнографическое бытование схожих форм. В этом Даннел видит обоснование применимости этнографических параллелей. Обоснование, пожалуй, недостаточное: этнографические параллели надо бы рассматривать в рамках археологической значимости аналогий вообще.

Таким образом, если иметь в виду исходные, фундаментальные принципы археологической интерпретации, работа Даннела затрагивает их лишь косвенно и неполно (а заглавие его работы и не позволяет ставить это ему в упрек). Но один принцип, давно и многими указываемый, он привлек удачно, а все построение фундамента интерпретации как системы принципов и их производных может быть образцом в этом деле.

Разбор этих двух важных статей, Хокса и Даннела, показал, что некоторые из фундаментальных принципов обоим ученым удалось наметить, другие вылезли только в ходе анализа, при котором были использованы и предложения иных ученых.

III. Набор принципов

Анализируя эти и другие работы, приходим к заключению, что в ходе долгого опыта исследований сформировались и были отобраны 6 принципов археологии. Одни ученые опирались на какую-то одну часть из этого набора, другие — на другую, но в целом фигурировали как взаимосвязанные 6 принципов. Рассмотрим их в наборе.

Детерминизм. Как пишет М. Шиффер, «археологи нашли необходимым позаимствовать широкий спектр законов поведения, чтобы обеспечить документирование и объяснение событий прошлого» (Schiffer 1976: 5). Законы эти могут выглядеть по-разному — как определяющие ход эволюции или зависимость развития общества и культуры от природных изменений или от совершенствования орудий труда и т. п. Закон Монтелиуса формулировал зависимость формальной схожести вещей одной категории и одной традиции от их хронологической близости, т. е. описывал характер развития вещей (см. Clarke 1972: 45).

Принцип детерминизма, однако, не ограничивается признанием законов. Для науки не менее важен королларий из этого признания. «Действительно, я думаю, — заявил Бор, — мы все согласны с Ньютоном: самый глубокий фундамент науки — это уверенность в том, что в природе одинаковые явления наступают при одинаковых условиях» (Бор 1932/1961: 22). Таков же и фундамент наших умозаключений применительно к культуре. Как много значит для нас уверенность в том, что в основе культурной общности или культурного сходства лежит одинаковость условий — либо географических, либо расовых, либо стадийно-социальных. Можно назвать это положение *королларием параллельности*. В нем обоснование феномена *конвергентности*.

Из короллария параллельности логически выводима применимость аналогий в археологии. Значение аналогий для археологии, значение этнографических аналогий для археологической интерпретации общепризнано. Чжан Гуанчжи даже нашел возможным заявить: «Что касается аналогии, то археология в целом и есть аналогия» (Chang 1967: 109). Л. Бинфорд, возражая против преувеличенных упований на этнографические аналогии, не отрицал значения аналогий вообще и описал применимость аналогий как отдельный принцип: если два или более явлений имеют много общих черт, они, вероятно, имеют дополнительные общие черты, и вероятность эта усиливается, если удается открыть содержательную связь между этими сходствами (Binford 1967: 1–3).

Универсализм. Это принцип, провозглашающий единство человеческой природы (стало быть, и психики) и в связи с этим общность человеческой культуры. Хааг упоминает «психическое единство человечества» среди «основных предпосылок археологов» (Naag 1969: 47). Подразумевается, что психика людей в принципе одинакова и поэтому для каждого человека существует предсказуемость поведения другого человека в конкретной ситуации. А также, что любая культура должна так или иначе удовлетворять некие основные потребности человека, а эти потребности — в пище, отдыхе, сне, продолжении рода и т. п. — в основном одни и те же. Бастиан выражал идею психического единства человечества в своем учении о «стихийных идеях» (Elementargedanken), одинаковых для психики всех людей. Принцип универсализма в общем виде сформулирован для этнографии эволюционистами (см. Тайлор 1989: 21). Мортилье в 1851 г. в своем путеводителе к археологическому отделу первой Всемирной выставки в Париже сформулировал это в виде одного из трех основных законов: Закон Одинакового Развития (Lois de Developpement Similaire).

Униформизм и актуализм. Даннел прав: идея униформизма действительно очень важна для обоснования интерпретации. Обоснование это выглядит так: только если в прошлом действовали те же регулярности, которые мы наблюдаем сейчас и которые нам привычны (принцип **униформизма**, т. е. постоянства законов), можно трактовать результаты давних процессов, опираясь на современный опыт (принцип **актуализма**). Этот второй принцип хорошо известен во всех науках, имеющих дело с изучением остатков прошлого — геологии, палеонтологии, палеоантропологии, археологии (см. Fettes 1993). Принцип актуализма заключается в том, что поскольку признается единство, общность основных черт, для процессов прошлого и современных, то, зная современные, мы можем судить о давних, иначе говоря, изучая современные, можем перенести это знание на давние. Таким образом, здесь, собственно, два принципа — аксиома и королларий.

Та же цепочка рассуждений фигурирует у Смита в числе принципов стратиграфии. Смит возводит ее к геологу Хаттону (см. Hutton 1785) и передает афоризмом: «Современность — это ключ к прошлому» (Smith 1976: 515). Правда, в соответствии с британской и американской традициями Смит покрывает оба принципа термином «униформизм», хотя с давних времен употребителен и термин «актуализм» (см. Guntau 1967) — и тоже нередко для слитного обозначения обоих принципов (что, на мой взгляд, не очень уместно). В этнографии первый принцип был выдвинут еще Дж. Леббоком и П. Эренрейхом. Второй также был общим местом у эволюционистов, принимая обычно форму: отсталые

народы — живые ископаемые (см. Тайлор 1989: 31, 36–40; Морган 1934: 9–10).

В изучении культурного прошлого выводы из этого принципа распадаются на две группы: одна охватывает сами процессы и события социокультурного прошлого, протекавшую некогда жизнь живого общества и его культуры, другая относится к процессам формирования археологических источников об этой жизни, т. е. образования следов и остатков живой культуры и превращения их в культуру мертвую, а по истечении значительного времени — в археологизированную. Для каждой группы выводов существуют свои правила, основанные на познании специфических законов, в первом случае — историко-социологических (положения об историко-социологической детерминации), во втором случае — этнографических и археологических (положения о культурно-функциональной детерминации). Этнографические законы ведают соответствиями между культурными функциями и типами вещей и комплексов в живой культуре, археологические — между культурными процессами и событиями, с одной стороны, и их следами и остатками, оставшимися памятниками — с другой.

На основе принципа актуализма вещь превращается не просто в источник информации о событиях и идеях, но о событиях и идеях прошлого, потенциально — в исторический источник.

Системность в культуре. Однако эти общие положения существуют в археологии как теоремы, для выведения которых необходим не только королларий параллельности, но и принцип системности. В общей форме этот принцип сформулирован применительно к археологии Софусом Мюллером. Этот исследователь видел в основе археологического мышления «нашу уверенность, что в этом мире есть порядок и организованность» (Mueller 1884: 185).

Новейшие авторы так детализируют принцип системности культуры: ее элементы взаимосвязаны и взаимозависимы. Этот принцип принимают не только Бинфорд и его «новые археологи», но и сторонник контекстного подхода Триггер. Он называет «основополагающим положением» идею, «что все элементы культурной системы взаимосвязаны и что изменение любого компонента отзовется изменениями различной степени во всех других чертах системы и в их взаимоотношениях» (Trigger 1973: 17).

Корреляция материального с нематериальным. Это принцип, очень специфический для археологии. Его можно рассматривать как аспект принципа системности или его королларий, но связь не так уж ясна, а специфичность для археологии исключительна. Суть этого принципа Рэймонд Томпсон выразил как признание «корреляции между археологическими материальными объектами и определенными видами

социокультурного поведения» (Thompson 1956: 329). Дж. Диц сформулировал это так: «Условием *sine qua non* археологии является утверждение отношения между наблюдаемым и измеримым воздействием человека на природу и его невидимой и менее легко измеряемой идейной жизнью. Оба фактора регулярны, упорядочены и взаимосвязаны» (Deetz 1971: 3). Хилл и Шиффер называют эти отношения «коррелятами» (Hill 1970: 63; Schiffer 1976: 12–13).

Собственно, это то же, о чем говорил Зангмейстер, но более четко и узко определенное. Можно сказать и еще более определенно: для каждого конкретного случая идеи людей и вытекающее из них поведение признаются факторами, непосредственно определяющими форму (в широком смысле) вещей и комплексов. Это принцип *опредмеченности* идей и событий в вещах.

Отсюда возможность по форме вещей судить об условиях их формирования и причинах этого. То есть возможность воспринять вещь как источник информации о событиях и идеях. Ближе к Хоксу, но более точно это сформулировал Мальмер: «физическое сходство содержит вероятность всякой другой формы сходства, например, близость по времени, имени и среде» (Malmer 1963: 264).

Принципиальная достаточность данных. Многие археологи настаивали на ней. Прежде всего это идеологи советской археологии. В признании неполноты данных они видели аргумент тезиса о непознаваемости прошлого, а это противоречило их обязательному гносеологическому оптимизму: принцип познаваемости мира — один из основных в материалистической диалектике. Для более примитивных казенных марксистов это выглядело просто покушением на идеологию: ведь марксизм всеислен, и нет того, что он не мог бы познать! Другой пропагандист этого принципа — «новая археология», у которой был свой гносеологический оптимизм: все в культуре взаимосвязано с такой регулярностью, что по сохранившимся фрагментам можно полностью восстановить утраченные части. Эти археологи — Арциховский в конце 30-х годов, Бинфорд в начале 60-х — выдвинули утверждение о принципиальной достаточности археологических данных для полной реконструкции и надежной интерпретации.

Итак, получается шесть фундаментальных принципов: 1) детерминизма в материальной культуре, 2) универсализма, 3) униформизма с его королларием — актуализмом, 4) системности культуры, 5) опредмеченности идей и событий в вещах, 6) полноты, достаточности археологических данных. На этих принципах держится вся система обоснований интерпретации в археологии (схема 7).

Схема 7

IV. Принципы в критическом рассмотрении

Увлечения опорой на какой-то из этих принципов нередко порождали оптимизм и энтузиазм, однако немедленно следовали предостережения со стороны скептиков. В 1930-е годы А. М. Тальгрэн в работе, изданной на французском и английском языках, отметил распространенное мнение, «что метод, воспринятый гуманитариями столь же достоверен и строг, как в естествознании». Успехи дарвинизма, отметил он, перенесенные на гуманитарную почву, и эволюция, подчиненная законам истории, должны были сделать историю столь же точной, как естественные науки. Но в самом ли деле формальный метод верен в применении к гуманитарной дисциплине? — спрашивает Тальгрэн. И отвечает: «Нет, я не думаю, что он верен, и, вероятно, большинство археологов, придерживающихся того же мнения, настроены скептически. Скептицизм — это мощное средство научной мысли... Надобно быть достаточно смелым и ставить под сомнение как теории других, так и свои собственные и даже основания своей науки и ее метод» (см. Tallgren 1936; 1937).

Ни один из принципов, вошедших в представленный здесь набор, не избежал критики.

Детерминизм? Детерминизмом увлекались эволюционисты, марксисты-социологизаторы, неопозитивисты. В СССР П. Н. Третьяков

как-то обмолвился, что «случайностей в развитии культуры не бывает» (Третьяков 1962: 262). Это, конечно, не могло убедить археологов-практиков, на каждом шагу наталкивающихся на странности, неожиданности и загадки.

Сам Хокс, объявляя сходства и различия неслучайными, вовсе не трактовал эту неслучайность как проявление социальной закономерности, конвергенции и т. п. в духе эволюционизма. Он видел в этом лишь родство, культурное или генетическое, — свидетельство диффузии, миграции, общего происхождения. Но еще в 1912 г. неслучайность сходств и различий, столь фундаментальную для Хокса, отвергал Р. Лауи: «Сравнение форм способно лишь установить тождество форм, не больше; что такое тождество объясняется родством, это всего лишь гипотеза» (Lowie 1912: 28). Современники Хокса развили скепсис Лауи.

Одни (например, см. Thompson 1956) напирали на то, что субъективность выбора (как в деятельности древних мастеров, так и современных классификаторов) подрывает действенность законов. Другие отвергали справедливость поговорки, что исключение только подтверждает правило в культурной реальности исключений слишком много, так много, что рушится само понятие закона (см. Koeppen 1967). Представление о стохастических процессах и вероятностных закономерностях, войдя в археологию, спасло концепцию закона, но изменило само содержание детерминизма: он укрепился по отношению к массовому материалу, но перестал определять каждый отдельный факт и, следовательно, оторвался от его причины.

И не затрагиваю здесь ориентацию археологии в рамках антропологии на поиск законов (критика этой увлеченности общеизвестна), но обращаю ваше внимание на то, что само наличие законов культурного процесса и/или возможность их использования для археологической интерпретации подвергается сомнению и критике. «Детерминизм стали избегать» — констатировал Ходдер, который противопоставил детерминизму упор на активную роль личности в культуре (Hodder 1991: 6–10, cit. 9).

Универсализм? Универсализм утвердился вместе с представлением о единстве человеческого рода и культуры, которое было очень характерно для эволюционистов и поддерживалось советскими археологами-марксистами. Эволюция рассматривалась как развитие совокупной культуры человечества, в принципе однородной. Последующие течения (миграционизм, трансмиссионный диффузионизм, экологическая концепция) подточили и размыли это представление. «Ни одно состояние культуры, — писал Тальгрэн, — ни одна стадия эволюции не является и никогда не были однородными; всегда существовали различия. В каждой культуре открываются рудименты, пережитки, архаизмы, мар-

гинальные черты, какое бы слово ни употребить. ... На каждой стадии культуры есть "диалекты", если позволительно применить филологическую метафору... Любая реконструкция определенной культуры, игнорирующая "диалекты", может повести к серьезным ошибкам... Это была бы ошибка не в применении метода, а в самом методе» (Tallgren 1937: 155–156).

Уолтер Тэйлор (Taylor 1948) пошел еще дальше и отверг сопоставительные манипуляции с типами, поставив во главу угла не тип, а отдельный артефакт и его позицию в отдельном конкретном контексте, позволяющую выявить функциональное применение артефакта. Широкое течение контекстуализма ведет свое начало от этого призыва.

Униформизм и актуализм? Принцип актуализма, первоначально утвердившийся в геологии, с самого начала встретил в ней сопротивление. Глава британских геологов А. Сэджвик в своей президентской речи назвал эту идею «непозволительной» и «нереальной» гипотезой (цит. по: Шатский 1965: 202). Немецкий геолог И. Готта привлек внимание к накопительным явлениям в геологии. Физико-химическая природа геологических процессов одна для всех времен, однако, хотя по своему геологическому содержанию процессы эти изначально одни и те же, но их результаты, накапливаясь, изменяют условия протекания этих процессов, а это приводит к изменению самих процессов (см. Gotta 1839: 428). Все геологические процессы протекали по-разному в разные эпохи, показал И. Вальтер (см. Walther 1894: 1003).

В XX веке статья Э. Кайзера (Kaiser 1931) положила начало новой дискуссии, в которой принцип актуализма был поставлен под вопрос. Как заявил не без нацистской фразеологии К. Бойрлен, современность настолько своеобразна, что абсолютно бесполезна для понимания прошлого, и «актуалистская догма должна быть разрушена» (Beurlen 1935: 37). В советской геологии, где принцип актуализма отстаивал Н. П. Страхов, в послевоенное время группа геологов во главе с академиком Н. С. Шатским выступила против этого принципа, противопоставляя ему сравнительно-исторический метод (Шатский и др. 1951; Высоцкий 1961; Яншин 1963).

Я специально подробнее остановился на ситуации в смежной науке, чтобы контрастнее выступило странное игнорирование этой проблемы в археологии. Однако неявный скептицизм по отношению к принципу актуализма накапливался и здесь, ибо из смежных наук поступала информация не только о недоверии там к этому принципу, но и об основаниях для недоверия здесь. Среди этноархеологов известно скептическое мнение Р. Гулда: «Чем меньше археолог будет зависеть от униформитарных допущений для выводов о прошлом человеческом поведении, тем более надежными будут его объяснения» (Gould 1978:

154). В археологической интерпретации Эткинсон признает надежными только заключения о технологии. Он придерживается этой позиции «потому, что нет причин предполагать, будто "законы" физики и химии изменились. Выводы делаются здесь в рамках инвариантной системы. Это, однако, явно неверно относительно социальной организации или религии, где нет однозначного соответствия между намерением и действием (или между причиной и следствием), и поэтому нет возможности уверенного вывода в обратном направлении. Здесь всё происходит в системе заключений, которая придает вес... силе выводов, проистекающих из индивидуальных данных, но не более того» (Atkinson 1975: 176–177).

Очень важен был отказ этнографов считать современные отсталые народы и слои общества «живыми ископаемыми», представителями первобытного прошлого. Этнографы пришли к пониманию, что эти популяции к настоящему времени сильно изменились, существуя в иных условиях: «несправедливо рассматривать какую бы то ни было из ныне живущих групп как наших современных предков» (Herskovitz 1949: 71). Положение М. Фуко (Foucault 1966) о своеобразии каждой эпохи и даже в ее, так сказать, замкнутости для других эпох еще больше заострило проблему. Известно стремление Андре Леруа-Гурана (Leroi-Gourhan 1964) реконструировать первобытную религию, не придерживаясь прямых этнографических аналогий. Он даже считал, что они принесли больше вреда, чем пользы.

Ныне Б. Триггер, опираясь на чрезвычайную сложность и многофакторность в обусловленности каждого культурного явления, утверждает: «Кабинетный преисторик, сколь бы он ни был сведущ в общей теории, неспособен произвести детальную реконструкцию хода человеческой преистории на основе того, что он знает о человеке настоящего времени» (Trigger 1973: 104).

Системность? Принцип системности в том виде, в каком он был сформулирован тем же Триггером (взаимозависимость каждого элемента системы от любого другого в ней), противоречит обыденному опыту каждого человека: мы часто наблюдаем явную независимость тех или иных важных элементов в системе культуры от поведения многих других в ней, а там, где зависимость налицо, она часто оказывается односторонней. Уже с самого начала, с первой же своей теоретической статьи, Бинфорд выступил против признания всех элементов системы равными и сопоставимыми — он отметил, что в системе взаимодействуют и влияют друг на друга не отдельные ее элементы, а подсистемы и что элементы получают различное значение в зависимости от принадлежности к ним (Binford 1962: 218). В 1971 г. в работе, представленной на Шеффилдский семинар, я обращал внимание археологов на принимае-

мую системным подходом структурную организованность системы, на ее иерархичность и значение позиции элемента в этой иерархической структуре для определения его роли в ней, его влиятельности по отношению к другим ее элементам (Klejn 1973: 702–703).

К этому времени даже в советской марксистской философии уже был признан принцип относительной независимости надстройки от базиса, одних надстроечных структур от других. Мир представлял менее упорядоченным и менее регулярным, чем прежде. После раскола коммунистического лагеря, после провала программ быстрого построения коммунизма и после официального отказа от них — после всего этого даже у советских ученых, обязанных декларировать казенный оптимизм, стали проскальзывать сомнения в предсказуемости хода истории и — как следствие — также в возможности ретросказания. То есть в реконструкции одних частей культурной системы по другим. Современный глобальный крах коммунизма усилил эту тенденцию.

Опредмечивание? Представление об однозначной корреляции материальных элементов культуры с нематериальными также утратило доверие. «Поскольку исторические события и существенные социальные членения преисторических народов не находят адекватного выражения в материальных остатках, — рассуждает М. А. Смит, — попытки достичь знания о них посредством археологической интерпретации неверны» (Smith 1955: 7). М. Шиффер заявил, что принцип прямой отпечатанности исчезнувших обществ в материальных остатках, признанный Бинфордом, неверен (см. Schiffer 1976: 11–12). Шиффер имел в виду, что под действием природных и культурных факторов материальные остатки дошли до нас в сильно разрушенном виде: «Принцип, который я предлагаю, — отметил он, — заключается в том, что археологические остатки суть нарушенное отражение прошлых систем поведения» (Ibid.: 12). Он не подвергал сомнению само наличие в материальной культуре «коррелятов» древним социальным структурам, процессам и событиям — наоборот, утверждал их наличие.

Но и эта идея попала под огонь критики. Хоть «корреляция между типами артефактов и различными культурными обобщениями является конечной целью археологической реконструкции» и, следовательно, в принципе мыслится возможной, она, опираясь на аналогичные отношения в этнографии, основана на суждении по аналогии (как известно, логически не обязательном) и вся пронизана субъективностью, — заявляет Р. Томпсон (Thompson 1956: 330–331).

Этнографическую обоснованность этой корреляции как таковую подверг сомнению К. Хейдер. Подобные заключения археологов «могут быть подтверждены только фактами этнографии. Хоть большей частью никогда не может быть показана их универсальная достоверность,

достаточно лишь нескольких контрпримеров, чтобы поставить их полезность под вопрос». И Хейдер приводит такие контрпримеры. Один из них — в высказывании Фукидида, который задолго до рождения археологии как бы предвидел рискованный ход рассуждений археологов: по сравнению с великолепными Афинами Спарта выглядит всего лишь большой деревней, но было бы ошибкой в будущем, глядя на их развалины, заключать о преобладании первых над второй в политике. Исследуя современных новогвинейских аборигенов, сам Хейдер нашел, что «Между формальной и функциональной типологиями орудий аборигенов, равно как и по другим аспектам культуры, есть «ряд расхождений, которые введут в заблуждение археолога» (Heider 1967: 33).

Теоретически это пояснил Ходдер: «между людьми и вещами включаются идеи, верования и значения. Как общество отражается в погребениях, ясное дело, зависит от отношения к смерти» (Hodder 1991: 3).

Проводя археологическую конференцию по аналогичной проблеме, Е.-А. Муберг назвал всю конференцию и свой вводный доклад к ней «Схожие находки? — Схожие интерпретации?». Всё — под вопросом. В этой работе он резюмирует: «Тематический вопрос в заглавии есть на деле вопрос о том, состоятельна ли археология вообще. В самом деле, положительный ответ, даже пусть целиком бессознательный и неявный, лежит в основе всей археологии: “Схожие находки действительно предопределяют схожие интерпретации”. Но мы хорошо знаем (или должны были бы знать), что во многих конкретных случаях, ответ должен быть отрицательным — пожалуй, даже слишком часто. В этой особой исследовательской ситуации схожие находки — плохие основания для схожих интерпретаций» (Moberg 1981: A12–A13). Так состоятельна ли археология вообще?

Принципиальная достаточность данных? Если бы данных было достаточно, реконструкция свелась бы к взаимному расположению компонентов. Но многих компонентов попросту нет — они исчезли навсегда. В нашей практике мы видим это на каждом шагу. Уже со времени Винкельмана отличают сохранившиеся, аутентичные части от новозданных. Флиндерс Питри оставлял свободные места в своих последовательностях условных дат. На археологических картах полно белых пятен, в типологических рядах — предположительных звеньев (историки языка сказали бы: форм под звездочкой). А Чайлд признавал, что его короткая хронология столь же гипотетична, как и длинная (последняя, однако, оказалась лучше обоснованной!). Уверенность Бинфорда в том, что компоненты культуры в силу их взаимной сопряженности принципиально восстанавливаемы, делает этот принцип, по крайней

мере, зависимым от принципа системности культуры, т. е. не самостоятельным, не исходным. К тому же сопряженность компонентов в культуре не жесткая, а многие из них утеряны, так что восстановимость остается условной возможностью, реализация которой далеко не гарантирована.

Оправдание принципов. Весь набор принципов, как видим, подвергается суровой критике. И все же реконструкции производятся, археологи, пусть с колебаниями и сомнениями, все же в основном им доверяют и на них полагаются. Принципы, о которых я веду речь, в имплицитной форме сидят у нас в головах.

Тут некоторая нестыковка между нашей теорией, в которую мы временами ныряем, и нашей повседневной практикой. В теории мы опровергаем эти принципы и время от времени над ними издеваемся (как можно ныне наивно верить в такие прописи!), но на практике мы следуем им сами и поступаем так, как если бы оправдывали их применение другими. То есть доверяем вытекающим из них результатам. Есть ли для этого основания?

Мне представляется, основания есть. Какие?

Во-первых, та однозначная определенность, которая приведенными жесткими формулировками принципов подразумевается в законах, корреляциях и выводах, как оказывается, не единственно возможная. Все больше места в наших построениях занимают стохастические законы, неполные зависимости, вероятностные выводы, диффузные множества. Вывод, принятый относительно совокупности, не обязательно распространяется на каждый отдельный ее член. Закон, неверный применительно к отдельному элементу, может оказаться верным применительно ко всему сообществу. Это побуждает более осмотрительно решать вопрос, можно ли полагаться на перечисленные фундаментальные принципы — важно определить, к какого рода явлениям мы собираемся эти принципы применить.

Во-вторых, принципы это не что иное, как главнейшие, руководящие законы. Но универсальные ли? Более века назад Э. Тайлор писал: «Тенденция новейшего исследования все более и более сводится к заключению, что если закон существует где-нибудь, то он должен существовать везде» (*цит. по:* Koebben 1967: 3). Но с тех пор тяга к формулированию универсальных законов поубавилась, и родилось убеждение, что чем закон ближе к универсальности, тем более он тривиален или несостоятелен (*см.* Trigger 1973: 102). Общеизвестна горькая ирония одного из лидеров «новой археологии», признавшего, что многие его соратники после уймы труда вывели весьма тривиальные и мелкие «законы Микки Мауса» (Flannery 1973: 51). Многие исследователи видели спасение концепции закона в его ограничении (некоторые геологи

применяли это к принципу актуализма). В своем споре с Кёббеном я указывал, что закон не будет банальным и избежит трудностей с исключениями, если будут указаны границы его применимости (*см.* Klein 1972).

В-третьих, за границей применимости принципа не просто прекращается его действие. Там можно обнаружить действие противоположного принципа. Это в общем понятно: ведь принципы формулируют самые простейшие истины, которые не имеют градаций, а выражают полярные отношения: да — нет. Значит, если некий принцип неверен, то верен противоположный.

V. Противоположные принципы

Но как только мы попытаемся сформулировать эти противоположные идеи как самостоятельные принципы, из них тотчас вырастут свои короллярии и теоремы и всё это, превратившись в сложные системы суждений, в развитые теории, лишится всякого намека на простоту и банальность. Более того, скорее всего мы обнаружим, что эти принципы нам уже известны и, давно существуя, вполне респектабельны.

Индетерминизм. Так, детерминизму противоположен индетерминизм, и принцип такой выдвигался как в истории, так и в археологии. Некоторые критики детерминизма доходили до такой противоположности. Вере Хокса в то, что цели первобытных создателей культурного материала можно понять, и надежде на разумность этнографических аналогий противостоит убеждение Хейдера: «К несчастью для археологического процесса, культуры обычно совершенно неразумны» (Heider 1967: 52). В заключительном обращении к Шеффилдскому семинару этнограф Эдмунд Лич предупредил археологов: «Подходящая аналогия человеческому поведению — не закон природы (физического типа), а игра в шахматы. Разметка доски и правила игры даны заранее, но ход игры непредсказуем... Пожалуйста, признайте ограничения для археолога... Нет законоподобных обобщений, позволяющих предсказывать будущий ход истории или реконструировать ход истории в прошлом» (Leach 1972: 764). Авторитетные археологи, особенно в Британии (Даниел, Пиготт), были склонны к такому мышлению. Еще более в Германии. Как выразился Ульрих Фишер, законов культуры не существует (Fischer 1987: 184).

Индивидуализация. Принципу универсализма противостоит убеждение в уникальности каждого явления культуры — принцип индивидуализации. В имплицитном виде он заключался уже в той страсти, с которой диффузионисты противопоставляли свой *партикуляризм* (другое название для того же принципа) генерализациям эволюционистов

(см. Buettner-Janusch 1957). Ныне этот принцип раскрыт и четко сформулирован: «каждый археологический предмет и (каждая археологическая) ситуация уникальны» (Chang 1967a: 230).

Историзм. Ну, а принципу униформизма, для которого все эпохи равны, в известной мере противостоит, конечно, принцип историзма, требующий рассматривать все явления в развитии и состоящий именно в существенном различении эпох. Этот принцип зародился еще до эволюционизма, в учениях катастрофистов и прогрессистов. Он очень пропагандировался в марксизме (у Джейсона Смита это четвертое исходное положение материалистической философии), ибо использовался для обоснования закономерности перемен, ведущих к коммунизму. Он не чужд и «новой археологии», ориентированной на изучение культурного процесса, социодинамики, изменений в культуре.

Однако само по себе признание развития еще не требует различения законов, действовавших в разные эпохи. Но и такое сужение принципа историзма, т. е. требование усматривать резкие качественные различия между эпохами, действовало в марксизме и в некоторых других учениях (из часто упоминаемых археологами — в учении Фуко, например).

Неупорядоченность. Что противостоит принципу системности, сообразить нетрудно. Это принцип неупорядоченности. Труднее найти ему соответствие в исследовательской реальности. Речь, по-видимому, должна идти не о том, что существовало до введения принципа системности, а о реакции его противников. Она редко бывает четко выраженной, но имплицитно содержится в исходных представлениях тех археологов, которые не верят в благотворность системного подхода и в безграничность познавательных возможностей. Они либо не считают культуру достаточно упорядоченной системой, чтобы это стоило класть в основу дальнейших выводов, либо, признавая живую культуру такой системой, отказывают в этом археологическому материалу: он слишком раздроблен и обрывочен. Систему в такой материал можно ввести только извне — это будет субъективное произведение археолога. Такова позиция Дж. О. Бру и Дж. Форда.

Полисемизм. Принципу опредмечивания идей в вещах, принципу корреляции материальных компонентов культуры с нематериальными и с событиями истории противостоит принцип полисемизма археологических фактов. Я отстаивал этот принцип в Шеффилдском семинаре 1971 г. (Klejn 1973; см. также Клейн 1972; 1978: 48). В своей «Теоретической археологии» 1979 года Гарден, приравнивая интерпретацию к «логическому парафразу, устанавливающему сходство между памятниками, рассеянными в пространстве и времени», советовал не забывать, «что этот парафраз почти всегда один из многих, и чем меньше мы учитываем этот простой факт, тем более правдоподобными будут

казаться такие парафразы» (Гарден 1983: 154). Ныне Шэнкс и Тилли отмечают, что материальная культура «несводимо полисемична» (Shanks, Tilley 1987: 115). Из того же исходят Статт и Шеннан (см. Stutt, Shennan 1986: 767).

Исследователи отмечают характерную для культуры разнопричинность однотипных явлений — у внешне совершенно одинаковых явлений указываются разные причины (см. Koebben 1967: 13). Для археологической интерпретации очень важна та сторона этого обстоятельства, что разные события и процессы могут приводить к одному и тому же результату. Такую эквивалентность отмечали исследователи, занимавшиеся опытами по симуляции в археологии (см. Hodder 1978; Sabloff 1981) и анализировавшие эту ситуацию (см. Moberg 1981; Watson 1986: 130; Trigger 1989: 301).

Принципиальная неполнота, недостаточность археологических данных. Археологические объекты менее информативны, чем части живой культуры — по определению (ведь это остатки и следы). Между сохранившимися памятниками и давней живой культурой — разрушительное действие стихий, умноженное на время. В археологии всё больше укрепляется понимание принципиальной неполноты археологических данных.

Признание принципиальной неполноты археологических источников чрезвычайно важно: оно ведет к необходимости интерпретации и привлечения внеархеологической информации, к междисциплинарному синтезу в изучении исторического и преисторического прошлого.

Мортимер Уилер сказал об этом очень наглядно, отметив, что археолог найдет бочку и упустит Диогена. Он напишет глубокие исследования по типологии бочек, он классифицирует бочки по категориям А, Б и В, он откроет народ бочек и нанесет его путешествия на географические и геофизические карты. ... Единственное, что он проглядит и не сможет не проглядеть, это одна существенная вещь относительно этой бочки — а именно, что она служила убежищем для выдающегося киника и символизировала его философию на все времена (см. Wheeler 1952: 180–181).

Хокс, сделавший одним из двух своих принципов принцип познаваемости назначения вещей, еще за три года до того предусмотрел существенные оговорки, построив свою знаменитую «лестницу» возрастающей недоступности разных сфер бытия археологическому познанию — соответственно возрастающей неполноте источников (см. Hawkes 1954). Он один из тех, кто сформулировал данный принцип для археологии.

Вторая система. Итак, это другая группа исходных принципов археологии, вполне противоположная той, что была рассмотрена при

анализе взглядов Хокса. Мы вынуждены признать, что эти другие принципы тоже реалистичны и разумны, отнюдь не беспочвенны, во всяком случае полезны. Они тоже образуют цельную систему, в которой есть свои производные — королларии, теоремы и т. п. И все они занимают видное место в археологии. Так, на принципы индетерминизма и индивидуализации опирается и из них вытекает требование сосредоточить изучение на контексте (еще одна опора этого принципа контекстности — интерес к функциям вещей). Контекстный принцип был внедрен в археологию последователями У. Тэйлора — Чжаном Гуанчжи, Дидцем, в ином варианте — Триггером.

VI. Диалектика принципов

Антиномии в основании. Что же получается? Фундаментальные принципы археологии расположились в логическом пространстве парами — как враждующие боги перед Битвой Богов в «Илиаде», — и в каждой паре принципы находятся в оппозиции друг к другу (схема 8).

Детерминизм	Индетерминизм
Универсализм	Партикуляризм
Корреляция материального с нематериальным	Полисемизм
Униформизм	Историзм
Системная упорядоченность	Нерегулярность
Достаточность или компенсация лакун	Неполнота

Схема 8

Вспоминается максима Нильса Бора. «К одному роду истины, — утверждал он в дискуссии с Эйнштейном, — относятся такие простые и ясные утверждения, что противоположные им, очевидно, неверны. Другой род, так называемые «глубокие истины», представляют, наобо-

ро, такие утверждения, что противоположные им тоже содержат глубокую истину» (Bohr 1951: 240). Эта идея была очень дорога Бору. Наехав Москву в 1961 г., Бор повторил мысль о наиболее фундаментальных истинах, которые настолько глубоки, что противоположные им тоже верны. Открыв подобные истины, добавил он, наука переживает свой лучший период (см. Файнберг 1988: 30). На нечто подобное в преистории указывал Мальмер: «Какому-то ученому слабый намек на политические условия в преистории может показаться более важным, чем уйма информации о повседневной жизни, но, будем объективными, весь и противоположный взгляд равным образом состоятелен» (Malmer 1963: 249). Збигнев Кобылински (см. Kobylnski 1918: 30–31, 46–47) отмечает противоположность высказанных в одном и том же 1978 году взглядов Шиффера и Р. Гулда на униформитаризм: в то время как первый призывает к формулированию универсальных законов, одних и тех же для преисторических и индустриальных обществ, второй отрицает существование таких законов, когда речь идет об уникальных сочетаниях факторов, и призывает к исследованиям, ориентированным на отдельное поселение, — и оба, видимо, правы.

В интересной статье «Аксиомы в археологии» А. Б. Юхансен пишет, что, выявив основные аксиомы и построив на их основе систему знания, хорошо бы затем развить «контрастирующую альтернативу»: «Разве не могли первобытные люди быть в одно и то же время планирующими свою деятельность и не строящими расчетов? В одно и то же время ненавидящими и любящими? Реагирующими как конструктивно, так и деструктивно на внешние толчки?» (Johansen 1984: 36).

Но если применительно к физике эта диалектика принципов остается где-то в философских осмыслениях науки, а внутри каждой физической дисциплины физикам удается построить непротиворечивые основания, то в археологии картина иная. Универсальные законы здесь несущественны, а существенные законы не универсальны, данные всегда ужасно неполны, а смысл зашифрован. Поэтому противоречий в основаниях избежать не удастся. Битва богов происходит в самой отрасли.

Когда боги сражаются, поражения и победы иллюзорны — после сражения убитых нет, а раны исцеляются, и все как ни в чем не бывало. Гибнут только замешанные в конфликт люди. Что же остается делать бедному археологу, увы, далеко не богу, при виде сражающихся богов? Напрашивается решение, которое, если бы оно предлагалось для боя, можно было бы расценить как циничное. Очевидно, самое глупое было бы принять одну из сторон и отстаивать ее до конца. Тогда гибель неизбежна. Приходится учитывать и исследовать полностью возможности каждой из сторон оппозиции, а затем применяться к ситуации —

оценивать, которая из сторон в данной ситуации сильнее. И полагаться на свою интуицию, на чувство меры.

Более того, нет даже возможности сохранить каждую систему в целостном виде. При выведении следствий принципы из двух противоположных систем могут причудливо сочетаться. Так, заключение необходимости этнографических аналогий в археологии опирается на выводы из принципов, содержащихся в двух противоположных системах (схема 9).

Схема 9

В этом и заключается, по-видимому, кардинальное методологическое отличие археологии как прикладной науки, да еще изучающей культуру от физики как науки фундаментальной, и притом изучающей природу. Это неустранимое отличие, видимо, и чувствовал Дэвид Кларк, когда задачей археологии объявлял не превращение в науку, а лишь становление *аналитической*, т. е. строго и эксплицитно действующей, объективной дисциплины.

Однако не подрывает ли полученный здесь результат и возможность аналитической археологии?

Аналитическая машина? Для Кларка, как и для всех, вдохновлявшихся аналитической философией, идеалом, несомненно, была «аналитическая машина» — логическая структура исследования, эксплицитно и однозначно, всегда и везде одинаково перерабатывающая информацию.

Этот идеал реализовался в современном компьютере. На возможности компьютера ориентируются исследователи, задавшиеся увлекательной целью построить искусственный интеллект археолога — программу, способную решать задачи интерпретации. Первое побуждение аналитика — конечно, ориентировка на прямолинейную формальную логику, основанную на непротиворечивой системе принципов (см. Watson et al. 1971; Salmon 1982). Открывшаяся картина почти шизофренического развоения в самом логическом фундаменте дисциплины способна испугать всякого, кто жаждет строгости и однозначности, непротиворечивых оснований для выводов.

Есть предложения обойти эту трудность.

Можно построить программу интерпретации как экспертную систему (см. Ennals, Brough 1982; Gardin et al. 1987; Gallay 1989), подобно существующим в медицине или геологии. Однако такая система будет мало отличаться от простого обобщения существующих оценок — она лишь облегчит их розыск. Можно построить «искусственный интеллект» на основе гипертекста (см. Stutt 1988; 1990; Stutt, Shennan 1992) — как имитацию обычного столкновения субъективных оценок, спора гипотез, но с эксплицитным обеспечением аргументацией. Однако ученого не оставляет чувство неудовлетворенности, пока логика не прослежена до самых оснований.

Если же попытаться моделировать именно мышление археолога-исследователя, то задача, как можно видеть, оказывается более сложной. И все же вывод не столь пессимистический, как может показаться.

Замечательный российский математик и лингвист В. В. Налимов в конце жизни написал две странные, не без мистики, книги. Одна называется «Непрерывность против дискретности в языке и мышлении» (Налимов 1978), другая — «В поисках иных смыслов» (Налимов 1993). В обеих проходит одна идея. В отличие от однолинейного и строго сегментированного мышления машины, удовлетворяющего правилам формальной логики, человеческое мышление, констатирует Налимов, инфузно, текуче, не лишено внутренних противоречий, но зато очень мобильно и гибко, часто неповторимо и непредсказуемо.

Думаю, это качественное отличие обусловлено тем, что в человеческом мозгу многочисленные устройства, перерабатывающие информацию, действуют параллельно. На микроуровне это выражается в множественности причудливо разветвленных и пересекающихся нейронов со случайным путем прохождения каждого отдельного сигнала. А на макроуровне это выражается в том, что мозг расщеплен на два полушария, в известной мере независимых друг от друга и способных мыслить независимо, генерируя подчас полярные целевые установки. Согласование и объединение происходит в специальном органе — в продолговатом

мозгу. В этом плане та двоичность исходных принципов, которая выявлена в основаниях археологии, делает эту часть археологической интерпретации, отвлеченной от исполнителя, ближе к мышлению человека, частично интуитивному, но очень идейно богатому и гибкому, чем к строгой, но ригидной формальной логике компьютера.

Возможно, что система из двух параллельных компьютеров (а может быть, и с третьим — согласующим) окажется способной имитировать интерпретационную мысль археолога с наибольшим приближением к действительности. Говоря о «параллельных компьютерах», я несколько огрубляю суть дела (специалисты по вычислительной технике предпочитают более точные и громоздкие формулировки, скажут о возможности использовать виртуальные системы и т. п.), но для целей данной книги этого достаточно.

Идея параллельных компьютеров сейчас активно дебатруется в науке об искусственном интеллекте, но при этом преследуются цели ускорения действия (см. Хинтон 1987; Фелдман 1987; Диринг 1987). По-видимому, на этом пути должна решаться и задача структурного приближения моделирующей системы к мышлению человека — таковы идеи Хьюита об «открытых системах», основанных на «гипотезе противоречивости аксиом» (Хьюитт 1987). Превышение некоторых качеств моделирующей системы над мозгом исследователя может быть достигнуто посредством усиления относительной мощности и роли третьего, объединяющего компьютера. Ведь у человека выбор взаимоисключающих установок происходит в значительной мере под воздействием иррациональных стимулов, индивидуально и не эксплицируемо.

Если кому-то итог показался удручающим, пусть не принимает это слишком близко к сердцу. Да послужит ему утешением афоризм Гегеля: «Изучая науку, не следует допускать, чтобы ее принципы отвращали от нее. Они носят общий характер и не так-то много значат. Лишь тот, кажется, может понять их смысл, кто ухватил особенное. И к тому же часто они плохи. ... Нужно изучать дальше» (Гегель 1970: 539).

Но тех, кто преодолевает это разочарование, возможно, вдохновят слова Давида Гильберта: «...занятия основами науки имеют особую притягательную силу, и изучение этих основ всегда принадлежит к наиболее почетным задачам исследователя» (Гильберт 1969: 36). За успехи в этой отрасли мы и воздаем сегодня честь другому Давиду — Дэвиду Кларку.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПРИНЦИПЫ РАСКОПОК: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ МЕТОДИКИ РАСКОПОК

- I. Теория как руководство к раскопкам
- II. Традиционные принципы современной методики
- III. Принципы, нацеленные на познание общества и культуры
- IV. Общенаучные принципы и специфика археологии
- V. Система принципов

I. Теория как руководство к раскопкам

Правила и практика. В 1971 году Джеймс Диц опубликовал статью под провоцирующим названием «Надо ли археологу копать?». «Археология», — писал он, — по своей формальной этимологии есть изучение древности, а древность чаще всего погребена. В результате археологи традиционно связаны с подземным миром. Как Алиса Люиса Кэрролла, они оказываются перед странным бытом подземелья и пытаются понять и объяснить его. Вполне возможно, что, вернувшись на поверхность и как следует осмотревшись, они откроют новые способы понять свой подземный мир, так что новое путешествие туда — через заячью нору или через раскопачный квадрат пять на пять футов — будет более успешным» (Deetz 1971: 4).

На вопрос о том, надо ли копать, Диц отвечал положительно и обосновывал это весьма бесхитростно: все древнее чаще всего погребено. На деле вопрос не так уж прост, и дальше будут приведены соображения по этому поводу. Но вопрос о том, как раскапывать археологические памятники, гораздо более сложен.

Мортимер Уилер начал свое руководство по раскопкам устрашающими словами: «Нет верного способа раскопок, но есть много неверных способов» (Wheeler 1954: 15). Выдающиеся раскопщики говорили, что раскопки в большой мере не наука, а искусство, и ему можно научиться только в поле, участвуя в раскопках хорошего мастера. «Мало есть видов работы, где бы результаты так прямо зависели от личности работника, как в раскопках», — считал Флиндерс Питри (Petrie 1904: 1). Друп в одном из первых учебников по раскопкам утверждал: «Раскопки, подобно хирургии, есть искусство...» (Droop 1915: VII). Андре Леруа-Гуран тоже сравнивал археолога, ведущего раскопки, то с хирургом, то с анатомом, впрочем, соглашаясь и на прозектора (Leroi-Gourhan 1950: II, 1963: 52). «Техника преисторических раскопок очень напоминает прозекторское вскрытие, — писал он, — вот почему медики часто оказываются очень хорошими раскопщиками» (Leroi-Gourhan 1963: 52).

Такие разные, несогласные во многом друг с другом археологи, как Люис Бинфорд и Чжан Гуанчжи единодушны в утверждении, что раскопки неподвластны каким-то правилам. «Нет жестких и негибких “книжных предписаний”, которых бы можно было придерживаться, есть разве что элементарные требования проводить свои раскопки аккуратно, проникновенно и нацеленно на реконструкцию» (Chang 1967: 129). Бинфорд считает учебник Хейзера и Грэйема «вводящим в заблуждение, поскольку он создает впечатление, что сбору данных можно обучиться по рецептам, вроде как из поваренных книг...» (Binford 1968: 808).

В самом деле, многое из того, что ожидает археолога в памятнике, еще неведомо науке, и эти неожиданности, не предусмотренные правилами и предписаниями, способны спутать любые планы. Вспоминается изречение Наполеона: планы сражений составляются для того, чтобы их оставить, как только начался бой...

Однако ошибочно было бы думать, что ведущие археологи считают раскопки делом только интуиции, вдохновения и свободного выбора, неподвластного никаким законам. Выступая против слепого следования стандартным рецептам, те же авторы постулируют необходимость быть ориентированным и обладать некой системой исходных установок. Тем, что принято называть *теорией*.

Правда, Друп советовал: «Не вводите теории в вашу раскопчную работу без крайней необходимости» (Droop 1915: 51). Но это было проявлением духа времени, времени эмпиризма. Теперь раскопщику советуют не надеяться только на опыт и талант. Нужна стратегия. Опять же в этом согласны старые практики и новые теоретики, единодушны такой проповедник теоретизации, как Бинфорд, и такой его противник, как Чжан Гуанчжи.

Флиндерс Питри так пояснил свою мысль о значении личности раскопщика: «Старая поговорка, что человек находит то, что ищет в предмете, очень уж верна...» А Бинфорд как бы продолжает эту мысль: «Не думаю, что вы сможете хорошо раскопать памятник, если не знаете, какой потенциал могут иметь раскопанные данные для извлечения выводов о прошлом. Например, если я не знаю ничего о технике радиоуглеродного датирования, у меня будет мало резона сохранить уголь из раскопок...» (Binford 1988: 22).

Чжан говорит о том же: «Я не согласен с... позицией, что полевая работа может обойтись без теории... В археологии хороший теоретик оказывается также и хорошим полеви́ком». По Чжану, именно теоретик лучше подготовлен к раскопкам, ибо он «знает сложную сеть отношений, в которую потенциально вовлечены каждый объект и каждый памятник. Куда бы он ни шел в поле, с ним горсть основных принципов... (разрядка моя. — Л. К.), которые можно гибко и плодотворно применять

в любой встреченной ситуации. Он может оценить любую встреченную ситуацию и выбрать наилучший начальный ход, чтобы обеспечить максимальную пользу от денег, имеющихся в его распоряжении. По ходу работы, определяя наилучшую последовательность шагов в своих действиях и решая, какой именно шаг осуществить, он способен видеть череду альтернативных возможностей.

Короче, теоретик — это тот, кто представляет себе огромный ряд возможных полевых ситуаций и обладает знанием природы материала, чтобы избрать наиболее плодотворные подходы и технические приемы, соответствующие обстановке. Во все времена он знает, почему и что он делает...».

И заключает: «Я не верю поэтому в положение, что археолог — это просто компетентный техник в поле и что нет места для теории и интерпретации, пока не окончены раскопки» (Chang 1967: 128–129).

Принципы раскопок. Таким образом, строгая методика раскопок состоит из множества запретов и рекомендаций, но вряд ли можно ограничиться тем, чтобы свести их в один учебник, изложить и затем лишь придерживаться. Полевые обстоятельства столь разнообразны, что предусмотреть все случаи невозможно, и если понимать «работу по правилам» как мелочную регламентацию, то ничего хорошего из этого не выйдет. Творчески применять разработанные методы, а тем более изобретать новые можно лишь потому, что существует некая система из немногих фундаментальных принципов, которыми археологи, часто не осознавая этого, не формулируя их четко, руководствуются в поле.

Что «существуют крупномасштабные общие принципы» раскопок, признает и Леруа-Гуран (Leroi-Gourhan 1950: 51). В «Полном руководстве по полевой археологии» его американский автор Марта Жуковский (Joukowsky 1980: 172) помещает даже целый раздел, озаглавленный «Принципы раскопок», однако на проверку они оказываются лишь сугубо общими советами рационального поведения: «археолог должен быть находчивым и здравомыслящим в использовании раскопчных орудий и должен неустанно следить за изменениями в составе грунта...». Далее следуют еще три десятка таких же «правил» — «не спеши», «тонко чувствуй грунт» и т. п. Здесь нет никакой теории и никаких оснований для выбора.

Интересна постановка этого вопроса в книге маститой английской исследовательницы Кэтлин Кеньон, известной своими раскопками Иерихона. Книга называется «Первые шаги в археологии» или, как можно перевести, «Начинающим в археологии» (Kenyon 1952, *цит. по изд.* 1953). Кеньон четко формулирует зависимость методики раскопок от методики интерпретации: «Наука раскопок зависит от интерпретации стратиграфии памятника», — пишет она. И помещает сначала раздел

«Принципы интерпретации», где показывает, как создается стратиграфия памятника и как археолог разбирается в стратиграфии, а непосредственно за этим разделом следует другой — «Принципы раскопок». Этот раздел она строит на следующем рассуждении: «поскольку разработка истории памятника зависит от интерпретации различных слоев, ясно, что методика должна быть такой, чтобы слои и разные их нарушения могли быть распознаны и чтобы найденные предметы могли быть правильно распределены по слоям» (Kenyon 1953: 75).

Отсюда она вводит следующие принципы раскопок. Первый: наблюдение за различными слоями земли и их нарушениями. Второй: интерпретация их соотношения с различными сооружениями. Третий: нельзя раскрывать весь участок одновременно — надо оставлять стоящими на небольших расстояниях друг от друга профили, разрезы через памятник.

Нетрудно заметить, что все принципы раскопок Кеньон сводит к стратиграфии. Это важно, но это не вся премудрость раскопок. Есть вещи, есть их сравнительная оценка, есть образы людей, стоящие за ними, есть проблемы. Отношение ко всему этому воздействует на методику раскопок.

Археологи склонны полагать, что методика раскопок складывалась исключительно под воздействием обстоятельств в ходе накопления полевого опыта, зачастую горького. На деле же ведущую роль в становлении системы принципов, которыми археологи руководствуются в поле, сыграло изменение интересов и запросов со стороны реконструкционной деятельности, следовательно, развитие теоретических идей и понятий. Эта система принципов складывалась постепенно, но в основном, в конце XIX — начале XX века. С этого времени и существуют уже не отдельные принципы, а именно система принципов, на которой базируется современная методика раскопок, обычно называемая *научной*.

Кладоискательский период. Раскопки проводились и до того, как эта методика вошла в обиход. Тот период в истории полевой археологии, т. е. донаучный, принято называть *кладоискательским*. Он назван так по его главным идеям, потому что целью раскопок было пополнение коллекций и музеев, а в методику входили во множестве приемы, отработанные за сотни лет кладоискателями. Родство целей порождало схожесть приемов.

По мнению Глина Даниела, в методике этого времени господствовал «хаос», точнее, не было никакой методики. Как выразился Друп, «раскопщик брал лопату и копал; что найдет, то и найдет...» (Droop 1915: VIII). Древности, по выражению Уилера (Wheeler 1956: 150), копали, «как картошку». Это не совсем так. Впрочем, и картошку копают, если есть сноровка, не беспорядочно, не как попало.

А в раскопках археологи-антикварины придерживались вполне определенных девизов.

Первым ведущим лозунгом было найти нечто эффективное. Средоточием желаний антиквариев была находка, и не просто находка, а *эффектная находка, эффективная вещь — раритет, уникал*. Считались более ценными целые находки, чем фрагменты. Особенно привлекательными были для антиквариев классические древности, а из них — произведения искусства: мраморные статуи, расписные вазы, бронзовые украшения и статуэтки, ну, и, конечно, серебро и золото.

Второй лозунг был производным от первого. Стоило раскапывать прежде всего такие памятники, в которых можно было ожидать в наибольшем количестве желанные находки. Богатое местонахождение, или, как говаривали в России, «содержательное местонахождение» (в индустриальной Англии этому соответствовало «производительное местонахождение») — вот была завидная цель. В Помпеях по началу копали выборочно — то тут, то там, уродуя замечательное городище. Вообще признавали, что «содержательное городище» — большая редкость. Могилы — иное дело, и то не всякие, конечно. В российских степях, скажем, курганы бронзового века редко приносят богатую добычу — скорченные и окрашенные костяки бронзового века принадлежали, как правило, рядовым общинникам, да и вожди еще не успели накопить большие богатства. Вот скифские и сарматские могилы — там можно ожидать богатый улов: золотые украшения в зверином стиле, греческая торевтика, римское серебро. Член Императорской Археологической комиссии профессор А. Н. Веселовский на рубеже веков откровенно отмечал в дневнике: «встречены скорченные и окрашенные костяки, раскопки поэтому прекращены» (Равдоникас 1930: 39).

И третий девиз раскопщиков того времени — *простота и экономность разработки*. Как выразался Остин Лэйярд, открыватель Ниневи, задача состояла в том, чтобы найти «наибольшее количество хорошо сохранившихся произведений искусства с наименьшим из всех возможных расходом времени и денег» (*цит. по*: Daniel 1975: 152). Этот девиз диктовал и излюбленные приемы раскопок (стандарты, как видим, существовали). Мины, дудки, колодцы (шахты), траншеи, подбои. Последний способ был весьма экономным: делали подкоп под стенку раскопа, а затем начинали попрыгивать сверху у края — он обрушивался, раскоп расширялся. Копали «подвижной траншеей», заваливая раскопанное ранее. В XIX веке один курган в Крыму был просто взорван, чтобы можно было спокойно без больших затрат времени собрать разлетевшиеся сокровища — те, что уцелели. На рубеже XX века В. В. Хвойка попросту вспахал Пастырское городище и собрал выдернутые плугом находки.

II. Традиционные принципы современной методики

Принципы, лежащие в основе современной научной методики раскопок, входили в обиход порознь, в разное время и в разных местах. Понятия и приемы интерпретации, связанные с этими принципами, отрабатывались в разных теоретических концепциях, корректировались последующими концепциями и поступали в общий арсенал стереотипных навыков интерпретации. Последовательность появления этих принципов в инструментарии раскопщиков не всегда соответствовала логической связи самих принципов, но постепенно складывалась некая система.

Первая неожиданность, связанная с ее сложением, заключается в том, что принципы, определявшие кладоискательский период, тоже в нее вошли, никуда не исчезли, только утратили некоторые свои выводные приложения. Таким образом, обзор принципов можно начать с традиционных, доставшихся научной археологии по наследству.

Вещеведческий принцип. Под этим термином подразумевается сосредоточенность на вещах, на артефактах, выражаясь экспедиционным языком — на находках. Мы давно и много говорим о том, что нам нужны не вещи, а данные, информация, притом любая: о мощности слоев, о стратиграфии, о составе почвы, о флоре и фауне и т. д., и всё это верно. Мы давно отrekliсь от увлечения одними лишь формами вещей, заклеямили его как «голое вещеведение».

«...Но все мы знаем, — высказался в своем президентском обращении к британским археологам Кристофер Хокс о раскопках, — как обескураживают они, коли нет находок. Раскопки без находок, территория, не дающая ни малейшего шанса на находки, то, что ничего не дает для карт распространения — если нам слишком много выпадет на долю иметь с ними дело, мы очень уж мало могли бы разобрать в археологии. Без находок и нашей чрезвычайно усиливающейся деятельности сравнения, ведущей к их классификации в системы, на которых мы всё строим, — без них мы скоро стали бы безработными» (Hawkes 1957: 94). Свое обращение Хокс озаглавил: «Археология как наука», имея в виду точную науку (science).

Примерно тогда же американский археолог Роберт Уокоп отчеканил формулу: «Основной единицей археологического исследования является артефакт» (Wachoppe 1956: 36).

Другой американский археолог, Роберт Брейдвуд, последователь Чайлда, в своем определении археологии исходит из того же. «Археолог, — пишет он, — заинтересован в *вещах* (здесь и дальше курсив его. — Л. К.) и в способе, которым можно их использовать для реконструкции образа жизни народов прошлого... Мне как археологу

очень близки процедуры и способы мышления, используемые хорошим специалистом-детективом в разгадке преступлений, способ, которым он исследует значение своих улик (у криминалистики это ее *вещи*)» (Braidwood 1960: 5–6).

Признание этого принципа диктует нам проявлять особое внимание именно к находкам, к вещам. Оно требует от археолога специальную подготовленность именно в виде знания археологических артефактов разного времени на территории размещения раскопок и на смежных территориях, знания существующих классификаций, ориентированности в них. Это позволит ему сразу опознать то, что выходит из-под земли и его раскопе, оценить важность находок и вовремя принять важные решения.

Хокс повторил свою декларацию о вещах и в 1982 году (перепечатано в 1989 году): «Но первенство во всем нашем мышлении должно принадлежать *вещам*... А что касается моделей, они суть теории для объяснения *систем*, которые должны быть сформированы *вещами*. Чем больше мы узнаем о вещах и видим их в системах, тем лучше для археологии — и для философии» (Hawkes 1989: 57).

Принцип сенсационности. Имеется в виду особый интерес археологов к *неординарным находкам*. Прежде это были вещи эффектные и дорогие — раритеты, уникамы, драгоценные украшения, произведения искусства. Сейчас такие вещи тоже пользуются особым вниманием, но наряду с ними могут цениться — как уникамы — вещи с важными надписями, артефакты, оказавшиеся в необычных обстоятельствах (импорты издалека, свидетельства необычных хронологических связей и т. п.), словом, вещи, *особо информативные*. Нам нужен, конечно, и рядовой материал, его статистическая обработка может дать интересные результаты, однако каждый из нас оказывается весьма разочарован, если, кроме рядового материала, поле ничего не дало.

Было бы лицемерием отрицать, что есть особо завидные находки, как и особо привлекательные памятники. Дело не только в том, что, скажем, царское погребение богаче рядового, содержит больше материала, реже встречается. Дело еще в том, что, характеризуя владельца большой территории и содержа произведения наиболее изощренных мастеров, оно оказывается гораздо более информативным. Так что, естественно, такое погребение вызывает не только сенсацию среди обычной публики. Оно вызывает также особое волнение среди археологов, хоть они обычно и отрицают это — мол, нам всё равно, мы с равным вниманием обрабатываем как исключительные, так и рядовые находки. По идее, полагалось бы с равным, но всё же на деле это внимание будет в одних случаях «равнее», чем в других. Это касается и хранения, и

обработки, и публикационных возможностей, и ассигнований на продолжение раскопок.

Но и среди менее знаменательных находок проводится градация. В полевой археологии принято выделять так называемые *индивидуальные находки*, отделять их от прочего материала. Черепки, кости, битый камень пакуют кучками в большие пакеты и отправляют на склад, а вот редкие украшения, особо выделанные орудия, фрагменты с изображениями или надписями укладывают по отдельности в небольшие коробки, которые археолог держит при себе (и, кстати, именно поэтому рискует потерять).

Аутентичность находок. В XIX веке в рамках позитивизма археологические находки обрели функцию потенциальных исторических источников, из которых ученые призваны извлекать информацию для исторических реконструкций, а эта информация должна быть достоверной, соответственно находки — надежными. Но еще до того надежность находок стала цениться у антиквариев, поскольку повальное увлечение образованных слоев античными древностями придало им ценность материальную. Ложная древность (объявленная таковой по ошибке или подделанная) была столь же скандальным приобретением, как и фальшивая монета.

Соответственно аутентичность находки стала непременным требованием уже давно. Подразумевается подлинность вещи и всех ее деталей, достоверность ее древнего возраста и ее происхождения из археологического памятника, из раскопок. Должно быть гарантировано, что это не феномен природы, а произведение рук человека, явление культуры и что это не какой-то современный объект, ошибочно признанный древним или намеренно выдаваемый за древний, что это не подделка. Функция исторического источника только усилила этот принцип и придала ему новое значение.

Соответственно этому принципу вещи обзавелись документами — «паспортами», этикетками. Сначала это было осуществлено в коллекциях (для удобства каталогизирования и торговли), затем в музеях (для удобства хранения и учета), затем переметнулось в экспедиции. Издание каталогов коллекций и музеев, популярное уже в XVIII веке, помогло отработке методов и форм *паспортизации* находок.

Принцип аутентичности находок способствовал отделению имитаций, копий, воспроизведений от подлинников, восстановленных деталей — от изначальных, реставрации и реконструкции — от консервации находок. Как уже отмечено, прежде больше ценились целые находки, и антикварии стремились привести «порченные», ветхие находки в надлежащий вид — соскребали патину, чистили находки до блеска, восстанавливали недостающие детали так, чтобы они как можно меньше

отличались от сохранившихся, чтобы различие было незаметным и т. д. Даже Микеланджело и Торвальдсен участвовали в такой реставрации античных скульптур. Строя в конце XVIII века историю искусств древности, И. И. Винкельман (Винкельман 1933: 7–8) сетовал на ошибки ученых из-за неумения отличать реставрированные части от подлинных и требовал указывать при реставрации все позднейшие добавления. В Новое время это стало нормой, и Канова вообще отказался реставрировать скульптуры Парфенона.

Индивидуальный подход. Сама нацеленность ранних археологов, еще собственно антиквариев, на раритеты, на уникамы, предполагает индивидуальный подход к находкам, рассмотрение каждой из них в отдельности от других. Ученые смаковали каждую находку, в описании выделяли не ее общие с другими черты, а особенности, оценивали ее эстетические достоинства, ее музейную аттрактивность. Облюбованную находку они пытались связать с каким-нибудь известным историческим деятелем, с конкретным историческим событием. В центре научных интересов стояли такие темы, как могила Хлодвига, Стоунхендж, гибель Помпей, осада Бибракте и Алезии, взятие Трои, Тмутараканский камень (князя Глеба Святославича), шлем Ярослава Всеволодовича... Такие исследования задавали тон, даже обсуждение рядовых находок шло по сформированной так программе. Каждой вещи нужно было придать собственное имя и индивидуальную судьбу.

В течение XIX века возникали и набирали силу конкурирующие подходы — у археологов появлялась страсть к обобщениям, к формированию типов и стилей, зарождались социологические и антропологические интересы.

Но уже диффузионисты переориентировались на обслуживание истории, на конкретность и неповторимость каждого события. Общей характеристикой течения стал «партикуляризм». Еще круче повернули в эту сторону контекстуалисты, перенеся центр тяжести с типов на контексты. «Конечно, каждый памятник по-своему уникален», — заявил Стюарт Пигготт (Piggott 1959: 15). Разумеется, ведь в каждом артефакте, сколь бы он ни был стандартен, есть кроме общих с другими артефактами черт также и черты индивидуальные. Вопрос лишь в том, на которые из них делать упор.

Но Пигготт — скептик и релятивист. А релятивисты добавили к аргументу об уникальности находок ссылку на многозначность артефактов и произвольность выбора критериев интерпретации. «Раскопки часто сравнивают с научным экспериментом в лаборатории, — писал Пигготт, — но аналогия не надо заводить слишком далеко. Думать, что археологические факты — того же порядка, что и, скажем, в химии, это значит не понимать их природу, так что попытки применить чисто

“научные” методы интерпретации привели бы к задаванию бессмысленных вопросов... Что раскопщик извлекает из своих раскопок, зависит от его прошлого опыта, его знаний сравнительного материала, его сообразительности и сотни лучших качеств, специфических для индивида» (Piggott 1959: 14).

И теперь постпроцессуалистский радикал Кристофер Тилли продолжает мысль Пиготта так: «Мало археологов открыто верят в миф, что археологические раскопки — строгая и чисто техническая процедура, способная к стандартизации... Это мечта эмпириста. ... Фундаментальная основа всех раскопок — то, что это автобиографическая, субъективная, социально детерминированная и часто принципиально многозначная и/или противоречивая сеть интерпретационных действий...» (Tilley 1989: 278).

Что ж, хоть в рассуждениях Тилли сквозят марксистские нотки о социальной детерминации, тут не осталось ничего от материалистической веры в объективность, и остается лишь уповать вместе с Жакеттой Хокс (см. Hawkes 1980) на эмпатию, вживание, вчувствование как главный метод археологического познания прошлого.

Это последовательная, исключительная и крайняя реализация данного принципа. Но если не вдаваться в крайности, то надо признать, что для индивидуального подхода есть и место, и основания везде, где археология обслуживает историю, особенно историю искусства, и при каждой встрече с памятником или артефактом, который прежде, чем сравнить с похожими, надо извлечь из очень индивидуального контекста.

«...Представление, что археология не может “видеть” индивида, ущербно», высказался лидер постпроцессуалистов Ян Ходдер (Hodder 1991: 7). Может. Конечно, может. Ведь мы способны идентифицировать могилы известных в древности личностей (Филиппа Македонского, Хлодвига, Тамерлана). Мы определяем конкретные результаты их деяний — произведения искусства (скажем, скульптуры Фидия). Определяем, даже если не знаем их имен (Дипилонского Мастера росписи на вазах геометрического стиля). Мы на конкретных примерах устанавливаем вклад личностей в материальную культуру. Правда, Ходдер, как и некоторые процессуалисты, претендует на большее — определять вообще роль индивидов в культурном процессе, скажем, по стилистическим различиям — таков сборник «Индивидуальное в преистории» (Hill, Gunn 1977). Для Ходдера это роль решающая. Но обобщения о роли индивидуального — это всё-таки обобщения, т. е. не индивидуальный подход.

Восстановительный принцип. Он предусматривает приведение археологических объектов к их прежнему виду и состоянию. Чаще всего дело сводится к восстановлению прежнего облика, насколько он подла-

ется восстановлению. *Восстановление* распадается на два акта — *реставрацию* и *реконструкцию*. Первая означает надежное приведение к прежнему облику, состоянию и взаимоположению тех частей, которые сохранились; вторая — «возвращение» объекту несохранившихся частей, конечно, гипотетическое (в силу отсутствия или значительной поврежденности деталей).

Реставрация выглядит так. Разбитую вазу нужно склеить из фрагментов, чтобы были видны ее форма и содержание росписи. Упавшие колонны нужно поднять и поставить на сохранившиеся базы. Строительный и иной мусор надо удалить. Собственно, реставрация памятника начинается с расчистки, даже с самого начала раскопок, с первого втыкания лопаты. В известном смысле сами раскопки есть первый акт реставрации.

Реконструкция является продолжением реставрации. Если какие-то черепки утеряны, реставрация дает неполную вазу и подробности формы останутся недостоверными, а уж содержание росписи может и вовсе ускользнуть. Однако восстановить отсутствующие черепки можно только гипотетически — как бы они ни были похожи на сохранившиеся, они в любом случае сделаны из другого материала и другим мастером, в другое время, и никогда нельзя поручиться, что на исчезнувшем черепке не было какой-то детали, отпечатка, граффито, который на новом отсутствует. У статуи подлежат гипотетическому восстановлению отломанные и недостающие нос и руки. Но как они выглядели, можно только догадываться более или менее правдоподобно.

Соединение принципов аутентичности и восстановительного приводит к реставрации. Для реконструкции же нужно отрешиться от принципа аутентичности или как-то его существенно ограничить или компенсировать, а определяющим сделать восстановительный принцип.

Нетрудно понять, почему этот принцип действовал уже в кладоискательский период. Ведь антикварию охотились именно за *древностями*, за материальными остатками *античности*, и, естественно, они стремились вернуть вещам тот облик, который те имели в античную эпоху.

С окончанием этого периода изменилась мотивация, но принцип остался, даже расширил свое применение. Теперь дело было в желании узнать материальную культуру прошлого, не только античности, увидеть воочию обстановку, в которой протекал исторический процесс. Следы и фрагменты нужно было воссоединить, воссоздать облик вещей и даже целых памятников. Впервые этот принцип был применен к целому памятнику в Олимпии в 70-е годы XIX века, когда там начала масштабные раскопки команда археологов и архитекторов под руководством Эрнста Курциуса.

Принцип диктует такую организацию раскопок, при которой все фрагменты одной вещи были бы собраны, не разрознены, каждый по возможности прослежен в своем отношении к целому и т. п. В таком виде этот принцип легко соединяется со следующим здесь, можно даже сказать, перерастает в него.

III. Принципы, нацеленные на познание общества и культуры

Аниматизация (одушевление). Термин подразумевает нацеленность всей работы на познание прошлой жизни людей, народов, обществ. Для той научной среды, где археология тесно связана с историей, этот принцип можно было бы конкретизировать как принцип историчности, а для тех школ, в которых археология больше связана с культурной антропологией, соответствующая конкретизация выливается в принцип антропологичности. Так или иначе, принцип гласит, что вещи — не самоцель.

Этот принцип связан с осознанием того, что материальные остатки или следы прошлого — не просто вещественные памятники, а источники информации о прошлом, потенциальные исторические источники.

Когда в XIX веке археологию стали называть служанкой истории, это было наглядным проявлением данного принципа. Признание его означало отказ от одного из основных устоев антикварианства. Когда же в XX веке появилась тенденция не считать больше археологию вспомогательной дисциплиной, служанкой истории, то это не было отказом от данного принципа, а всего лишь амбициозным притязанием на более высокий статус. Источниковедческий характер археологии на деле не был отменен.

Но даже когда в некоторых школах (советская археология, «новая археология» в США) было отвергнуто ограничение археологии источниковедческими задачами, принцип аниматизации не был отвергнут — просто исторические или антропологические задачи были включены в саму археологию. В советской археологии 30-х годов была развернута ожесточенная кампания против «голового вещеведения», якобы господствовавшего в дореволюционной науке. В американской «новой археологии» 60-х годов («процессуальной археологии») функцией археологии было объявлено непосредственное изучение «культурного процесса».

Впрочем, не стоит думать, что принцип был признан только в этих школах. Там выступал не данный принцип вообще, а лишь его специфическое выражение — включение дальних, собственно не археологических целей в саму археологию.

А принцип признавали и археологи, не бывшие адептами ни марксистской, ни «новой» археологии. Мортимеру Уилеру принадлежит лапидарная фраза: «Археологи раскапывают не вещи, а людей». Он, понятно, противопоставлял вещам не скелеты, а жизнь, историю. «Мертвая археология, — пояснял он, — это лишь прах сухой, развеваемый ветром» (Wheeler 1956: 13). Роберт Брейдвуд выразился еще метафоричнее: он призвал археологов всегда «видеть индейца за артефактом» (Braidwood 1959: 79).

В раскопках этот принцип диктует так обрабатывать методы, чтобы они как можно более полно содействовали функционированию памятника как источника.

Принцип комплексности. Он означает интерес ко всей материальной культуре, а не только к произведениям искусства или к вещам, характеризующим правителей, верхний слой, не только к следам ярких политических событий и личностей.

Такой интерес был обусловлен социальными сдвигами. Буржуазные революции в ведущих странах Европы привели к общей демократизации, сделавшей народные низы предметом интереса ученых, а национально-освободительные движения после наполеоновского нашествия на разные страны Европы пробудили романтический интерес к родной старине, к представлению о единстве культуры народа — во всех ее проявлениях, не только в искусстве и политике.

В России третьей четверти XIX века задачи археологии формулировались как изучение быта древних народов, т. е. материальной культуры в целом: это противопоставлялось ограничению истории политическими событиями, а археологии — сокровищами искусства.

На этом фоне интерес к материальной культуре во всем ее объеме охватил археологию. В раскопках становление этого принципа выражается в преодолении тяги к уникальным вещам, в интересе к *массовому, рядовому материалу* — вещам стандартным, бытовавшим в массовом количестве и характеризующим повседневную жизнь народных масс, низов, рядового населения.

Само выделение индивидуальных находок уже было свидетельством нового подхода: тем самым признавалось, что археология занимается не только ими, что есть и массовый материал. Массовый материал, конечно, не требует такой необычайной заботы, как индивидуальные находки, поскольку он необходим для статистической обработки, а это значит, что составляющие его отдельные однородные объекты взаимозаменяемы. Но степень однородности выяснится только потом, статистика требует точного учета и распределения — ведь это скажется на результатах. Так что и этот материал всё же требует заботы и бережного обращения.

Когда материал обозначается как массовый, имеются в виду не просто большие количества. В первой половине XIX века Эдуард Герхард добыл на раскопках этрусского могильника Вульчи 20 тысяч расписных ваз. Это не был рядовой материал, это были 20 тысяч чрезвычайно эффектных индивидуальных находок. Но вот в Сент-Ашеле с середины XIX века пошли сплошным потоком ручные рубила. Первые из этого потока, конечно, были индивидуальными находками, но когда их накопилось 20 тысяч, это был в известной мере уже массовый материал. Но лишь в известной мере: всё же рубила отличались выделкой от остального кремневого инвентаря, действительно массового — непригодившихся отщепов, отбросов производства, обломков и т. д.

Значительную часть массового материала составляют не законченные целые изделия, а фрагменты, полуфабрикаты, отходы производства, сырье, а также так называемый неартефактный материал — пищевые отбросы, уголь, строительный мусор, шлаки и т. п.

Когда в середине прошлого века в России граф А. С. Уваров и П. С. Савельев за несколько лет планомерно раскопали 7 729 курганов Ростовской земли, это была в какой-то мере тяга к массовому материалу. Но лишь в какой-то мере, потому что сама нацеленность на погребения диктовалась надеждой на сравнительно более эффективные находки. По-настоящему массовый материал ждал археологов в поселениях.

С середины XIX века в кьеккенмеддингах Дании и свайных поселениях Швейцарии стали брать весь материал. В Помпеях с 1863 года, когда во главе раскопок встал Джузеппе Фиорелли, тоже стали брать всё. В последней четверти XIX века Флиндерс Питри ввел в материал, собираемый при раскопках руин древневосточных городов, обычную керамику.

Ранняя советская археология наиболее отчетливо сформулировала этот принцип и начертала его на своих знаменах. Ее первоначальному лидеру академику Н. Я. Марру принадлежит лозунг, сформулированный им с кавказской грамматикой: «Долой Милосская Венера, да здравствует мотыга!» (Марр 1926: 353; падеж исправлен редакторами в: Марр 1935: 202 — «Долой Милосскую Венеру»). Впоследствии в советской археологии отказались от столь экстремистских эскапад, нечто ценное увидели и в Венере Милосской, даже более ценное чем в мотыге: «одна античная статуя как предмет познания стоит сотни каменных топоров» (Амальрик, Монгайт 1959: 38).

«Подлинным предметом археологии, — заключил Диц, — является вся совокупность материала, старого или нового, погребенного или на поверхности» (Deetz 1971: 4).

Всесторонность изучения. При раскопках надо добиваться, чтобы самые разные виды информации были извлечены из источника, не были упущены, чтобы охват видов информации был максимально возможным.

Так же как и в предыдущем случае введением этого принципа археология обязана романтическому интересу европейского общества к культуре народных масс, возникшему после наполеоновских войн и усилившемуся с демократизацией общества. Принцип этот можно рассматривать как расширение принципа комплексности (изучения всей материальной культуры). Он выражается в распространении внимания исследователей за рамки вещей и вообще за рамки материальной культуры — на среду, которая ее охватывает. В какой-то мере она, правда, тоже затронута историей, видоизменена человеком и, таким образом, по крайней мере, причастна к культуре.

Изучению подлежит грунт, в который включены находки, т. е. грунт, содержащий их и заполняющий пространство между ними, — культурный слой. Как сказал М. И. Артамонов, «Культурные отложения перестали рассматриваться только как препятствие, отделяющее исследователя от вещей, они сами стали предметом изучения» (Артамонов 1935: 162). Д. А. Авдусин выразил эту мысль схоже: «В процессе раскопок надо думать не о скорейшем удалении культурного слоя, а о его наибольшем изучении» (Авдусин 1959: 28). Имеется в виду, что изучать надо не только последовательность, но и состав слоев.

Однако и стерильные прослойки также могут многое поведать об истории обитания на данном месте — о времени и характере перерывов, о стихийных бедствиях и т. п. Более того, само деление на культурные и стерильные слои чересчур упрощает реальное распределение остатков. Куда, скажем, отнести курганную насыпь или подсыпку городищенского вала? И в том и в другом случаях земля эта остатков в норме не содержит, так что в этом смысле ее можно было бы назвать стерильной, но она не является естественным отложением, она транспортирована, искусственно подобрана, имеет структуру, внесенную людьми, да и находки в ней всё-таки могут встретиться — не в пример подлинно стерильным, естественным отложениям. Так что это некий промежуточный, третий вид напластования.

Далее, само отсутствие всякого грунта — пустота — тоже представляет интерес для археолога. С тех пор как Фиорелли в Помпеях догадался заполнять пустоты в вулканическом пепле жидким гипсом и он, застывая, обозначил фигуры погибших людей и животных, истлевших за два тысячелетия внутри окаменевшей вокруг них грязи с пеплом, прием заполнения пустот использовался неоднократно. Родственный этому прием представляет изучение окаменевших следов в грунте (такова

знаменитая цепочка следов гоминид в Африке) или умение выявлять отпечатки («духи») совершенно истлевших тел в могилах.

В XX веке, особенно во второй его половине, к этому добавилось изучение всей древней природной среды памятника — флоры и фауны, геоморфологии и почв, ландшафтного окружения и т. д.

Принцип универсальной подготовленности. Известно, что ученые эпохи Ренессанса, да и эпохи Просвещения нередко были универсалами и энциклопедистами. Изучение древностей — не исключение. Отцом археологии называют то Микеле Меркати, то Винкельмана. Но Меркати одновременно называют отцом эпиграфики, а по специальности он был врачом. Винкельмана же одновременно считают отцом искусствоведения, а служил он учителем, личным секретарем и библиографом. Классическая археология действительно зарождалась вместе с эпиграфикой и искусствоведением и была поначалу неотделима от них, как и от классической филологии. Да и в XIX веке первые археологи-первобытники нередко были одновременно естествоиспытателями — геологами, палеонтологами, антропологами и т. п. Лартэ, Мортилье, Вирхов, Лайель, Бэр, Анучин — все они были естествоиспытателями и внесли значительный вклад в археологию.

Подобно тому как Меркати, путешествуя по Ближнему Востоку в XV веке, списывал надписи и описывал памятники, так Леланд в XVI веке, путешествуя по Англии, изучал ее топографию, топонимику, собирал генеалогические сведения и делал описания археологических памятников. Сибирские экспедиции, снаряженные Российской Академией наук в XVIII веке, были такими же энциклопедическими («учеными путешествиями», решавшими археологические задачи наряду с географическими, геологическими, этнографическими и др.

Становление археологической науки было связано с ограничением ее предмета, задач и круга материалов. Тем не менее в археологии осталось нечто от ренессансной энциклопедичности. Со временем эта особенность археологии даже усилилась. Антикварий всегда считался знатоком, экспертом, но от археолога — особенно со времени ориентирования на полное изучение материальной культуры и ее оживление — стали требовать, чтобы он был всезнайкой. Как выразился Леруа-Гуран, «в ходе раскопок археолог должен всё увидеть и всё понять. Или, что является фундаментальным принципом исследования, он не многое увидит и поймет, если не был подготовлен понять и увидеть» (Leroi-Gourhan 1963: 50).

Ведь при раскопках может встретиться буквально всё. Прежде всего, памятник может оказаться совсем не «твоей» эпохи — не той, по которой ты специализировался. В поселении под слоем «нужной» эпохи могут залежать «чужие» слои — их ведь придется раскапывать тебе. В кургане

могут оказаться погребения «не той» эпохи, «не той» культуры, «не того» типа. В памятнике могут встретиться «импортные» вещи из весьма далеких регионов. А если твоей экспедиции поручено полное исследование региона, то в нем могут быть вообще любые памятники — и выбирать не приходится.

А исследовательские операции? Если ты археолог, это не значит, что тебе доведется делать только археологическую работу — раскапывать и расчищать предметы древней материальной культуры, согласно определению этой науки. Особенно трудно обойтись со столь узкими навыками в маленькой экспедиции. Уж тут-то ты и швец, и жнец, и на дуде игрец. В материалах почти любой экспедиции полно обломков костей — нужны хотя бы элементарные знания палеозоологии. В погребении лежит человеческий скелет — археологу надо определить, пусть предварительно, пол и возраст, но хорошо бы и расовые признаки уметь различать (всё это палеоантропология), не говоря уж об умении законсервировать кости. Археолог должен обладать обширными познаниями в этнографии — для того, чтобы иметь в голове наготове этнографические параллели к тем загадочным ситуациям, которые могут встретиться в раскопанных контекстах.

Он должен уметь фотографировать, чертить и рисовать, хорошо владеть литературной речью (чтобы ясно и недвусмысленно описать данные), знать виды почвы, гидроморфологию, обладать навыками геодезиста и т. д.

Появление крупных междисциплинарных (комплексных) экспедиций вызвало некоторую эйфорию молодых археологов. «В прошлом, — пишут Пэтти Дж. Уотсон и ее соавторы, — было обычным, что один археолог стоял за всем планированием и всеми операциями на своем памятнике. Раскопки и анализ были по существу театром одного актера, и требовалось, чтобы каждый археолог был настоящим мастером на все руки». И они завершают с облегчением: «Эра театра одного актера ныне в прошлом» (Watson et al. 1971: 153).

Да, в крупных экспедициях возможно разделение труда и привлечение профессионалов смежных и вспомогательных специальностей. Но в любом случае археолог должен умело, квалифицированно взаимодействовать с ними, а в ряде случаев передавать добытые материалы на экспертизу специалистам, и передавать их в должном состоянии, обеспечив это еще в поле.

Всё же, как бы ни ограничивал свой круг операций археолог, он должен иметь представление о всех тех науках, специалистам которых он передает для анализа свой материал. Он должен ориентироваться в них, чтобы правильно ставить вопросы, чтобы уметь подготавливать материал для экспертизы, чтобы иметь возможность как-то судить об

уровне экспертизы и т. д. Это неизбежно сказывается на программах университетской подготовки археологов. В нее теперь входят кроме множества собственно археологических дисциплин (теоретических, методических и обзорных по эпохам и регионам) также палеоантропология, палеонтология, четвертичная геология, этнография и др., а кроме того, тренировки в черчении, фотографировании, картографировании, иностранных языках и проч.

Больше, чем какой-либо другой ученый, идеальный археолог — это мастер на все руки.

Выявление сопряженности находок. В «донаучный» период обычно каждая находка интересовала антиквариив сама по себе, отдельно от других находок. Прошло немало времени, пока пришло понимание: сам факт того, что две или несколько находок обнаружены вместе, дает дополнительную информацию — о времени, к которому они относятся, об их взаимосвязи в жизни, об их принадлежности одной культурной общности.

Не сразу это представление отлилось в законченную форму. Это началось тогда, когда Кристиан Томсен формировал музей национальных древностей в Копенгагене. Из Путеводителя по музею, изданного в 1836 году, явствует, что ассоциация находок в комплексах (в частности погребальных) была руководящим принципом группировки экспонатов на выставке, и этому придавалось значение синхронизирующего принципа (см. Thomsen 1836), а судя по одному письму Томсена, он понимал это и раньше — еще в 1821 году (см. Graslund 1974: 105). Йенс-Якоб Ворсё, ученик Томсена, продолжал разработку этого представления и в своем труде «О новом делении каменного и бронзового веков» (Worsaae 1860) строго следовал ему. Это побудило современного исследователя назвать зависимость между ассоциацией находок в комплексе и синхронностью «законом Ворсё» (см. Rowe 1962). Но лишь Монтелиус четко сформулировал идею, что не всякий комплекс гарантирует синхронность и что необходимо терминологически обособить такие комплексы, которые гарантируют (см. Montelius 1885; 1899; 1903: 3–14). Он назвал комплекс такого типа «надежным» (sicherer Fund). Позже в немецкой и русской археологии его стали называть «замкнутым комплексом» (geschlossener Fund), а в английской сначала «связанным комплексом» (associated assemblage), а затем в обиходе просто «комплексом» (assemblage).

Итак, *замкнутый комплекс* вещей — совокупность находок, судя по обстоятельствам обнаружения, закончивших свой жизненный путь в одно короткое время и, очевидно, по одной причине. Время это должно быть столь коротким, чтобы его длительностью можно было пренебречь в хронологических расчетах (скажем, меньше года). Под это определение

подходят погребения, жилища, клады и то не всякие: погребения без подхоронения, клады не длительного накопления, жилища, погибшие внезапно, во всяком случае не долговременные.

От замкнутого комплекса отличаются *незамкнутые комплексы* и *вторичные (или производные) комплексы*. Первые — это те, которые нередко претендуют на роль замкнутого, но без достаточных оснований, Вторые — те, одновременность инвентаря которых устанавливается лишь по его культурной однородности или на основе обобщения материала многих замкнутых комплексов.

Примеры незамкнутых комплексов — курган или могила с подхоронениями или подъемный материал, собранный с одного местонахождения, культурный слой. Многие археологи прошлого века приравнивали такие комплексы к замкнутым.

Примеры вторичных комплексов — «индустрии» Габриеля Мортилье и его учеников, «периоды» Ворсё, «типусы» Вирхова, «фазы» американских таксономистов, «культурные комплексы» и т. д. — словом, находки, которые обычно встречаются вместе.

Введение понятия «замкнутый комплекс» — не просто появление очередной мысленной конструкции. Это основа принципа. Его принятие означает требование *не разрознивать* вещи из «замкнутого комплекса» ни в основной документации, ни в хранении, ни в публикации. Признается желательным представлять такой комплекс и на выставке, хотя это уже не требование, а пожелание (у экспозиции могут быть другие цели).

Структурный принцип. Это принцип выявления одномоментно взятых структур, по основной своей археологической природе горизонтальных. Под такой структурой здесь подразумевается локальное взаиморасположение находок в комплексе. Можно сказать, что этот принцип является продолжением, дополнением и распространением принципа сопряженности находок в комплексе.

Сколь недостаточен принцип сопряженности без этого дополнения, можно видеть на примере раскопок в Помпеях при Алькубиерре (в XVIII веке). Там на фризе была обнаружена надпись, выполненная накладными медными буквами. Обрадованные раскопщики поспешили содрать эти буквы и аккуратно, не разрознивая, сохранили их для будущего исследования, но не догадались зафиксировать их взаиморасположение на фризе, порядок следования. Теперь из них можно составлять почти любые надписи, но ту единственную, что была, не прочесть.

До введения структурного принципа многие курганы приравнивались к кладам, с ними обращались как с кладами, и теперь они, увы, неотличимы от кладов. Так, в 1763 году генералом Мельгуновым был

раскопан скифский курган Литая могила под Елисаветполем. Расположение находок и устройство могилы не были прослежены и зафиксированы. Комплекс вещей опубликован Придиком в 1911 году под названием «Мельгуновский клад». В 1864 году при строительных работах в Новочеркасске был вскрыт сарматский курган Хохлач. Кое-какие зарисовки и записи были сделаны прибывшими потом археологами, но многие необходимые сведения утрачены навсегда. Комплекс вошел в науку под названием «Новочеркасский клад».

Размещение находок в комплексе позволяет реконструировать места деталей в предмете, когда он был целым, а взаиморасположение целых предметов дает представление об их связях при жизни, об их жизненном назначении и функционировании. Однажды в южнороссийском степном кургане мне попала могила раннего средневековья, а в ней иссеченный саблями скелет человека, похороненного по монгольскому обряду, — всунутый в узкую боковую нишу могилы так, что пальцы рук были поджаты под бедренные кости: покойник был, вероятно, туго завернут в кошму. На костяке ряд серебряных пуговиц был размещен в линию от подбородка до ступней — они свидетельствовали о том, что покойный был одет в халат, вероятно, китайский. Расположение крупных деталей позволяет восстановить сооружения: устройство могилы или жилища, хозяйственные постройки, укрепления и проч.

Одной из наиболее крупных и сложных разновидностей таких структур является *архитектурный комплекс* — совокупность построек, функционально или исторически связанных между собой: усадьбы, улицы, квартал, площадь, поселок, Или погребальные сооружения: курган, цепочка курганов, могильник.

Проявлением этого принципа в раскопках является стремление изучать, видеть и фиксировать всё *in situ* — в первоначальном (при обнаружении) залегании, т. е. в таком виде, как оно обнаружено. Находки одного времени археологи стараются, расчистив, оставлять на месте, пока те не будут сфотографированы и зачерчены. Это — чтобы в поле и потом на планах и фотоснимках можно было уловить их взаимосвязь. Вещи желательно воспринять в их взаимоотношении не только между собой, но и с древней поверхностью, на которой они располагаются — тогдашней «дневной поверхностью». Эта поверхность, ныне погребенная, и подлежит расчистке.

Другим проявлением этого принципа является стремление вскрывать дневную поверхность, а значит, и раскапывать памятники *широкими площадями* — чтобы не утратить из виду общий облик того, что осталось от древнего времени на тогдашней дневной поверхности, не утратить общую связь предметов и облик структур. Разумеется, можно зафиксировать всё по частям и соединить их уже на бумаге по окончании

раскопок. Однако в реальности многое сохранилось плохо, фрагментарно, от чего-то лишь слабые следы. При такой ситуации какие-то связи и даже сами следы просто ускользнут, если не будут замечены еще в поле, наблюдением *in situ*, с возможностью прочесать взглядами какие-то поисковые направления от уже выявленных предметов. Обнаружив цепочку небольших пятен и поняв, что это ямки от столбиков, опытный археолог реконструирует в уме изгородь и, конечно, будет искать новые пятна на продолжениях цепочки в оба конца. Если же археолог соединит пятна в цепочку только на бумаге после раскопок, слабые пятна на продолжениях цепочки могут остаться незамеченными.

Леруа-Гуран сравнивает памятник с новогодним тортом, на котором есть надпись кремом «Вонпе Аппе», но эта надпись сделана не сверху, а где-то внутри торта, между его коржами. Если мы разделим его на ломти вертикально, мы, конечно, узнаем, что внутри был крем, но надпись не прочтем. Чтобы прочесть надпись, надо осторожно снять верхнюю часть торта и, так сказать, расчистить прежнюю «дневную поверхность» — того коржа, на котором сделана надпись (см. Leroi-Gourhan 1950: 6).

Конечно, печальный опыт, вроде случаев с надписью в Помпеях, учил археологов обращать внимание на взаиморасположение находок и устройство сооружений, но систематическое и последовательное введение структурного принципа связано с возросшим у историков интересом ко всему облику культуры, к образу жизни народов, к обычаям и обрядам. Этот интерес у немецких и российских ученых, заметный примерно с 60-х годов XIX века, был связан с наследием романтизма и развитием антропогеографической традиции в Германии, «бытоописательной» — в России. В Англии и Франции того же времени интерес к обычаям и обрядам был больше связан с эволюционизмом. У археологов этот интерес находил отражение с некоторым запозданием по сравнению с этнологами или социоантропологами.

Значительное усиление этого принципа, его осознание и теоретическое осмысление связано с влиянием функционализма и структурализма, завоевавших в 20–50-е годы XX века прочное положение в смежных с археологией науках.

В Помпеях архитектурные планы домов стали снимать еще при Ардити и Мазуа в 1808–1815 годах. Но там это решение подсказывал сам памятник: когда убирали пепел, целые усадьбы представляли перед археологами, без особой реконструкции. Да и старый интерес археологов-классиков к архитектуре как искусству сказывался. Большими площадями стали копать Помпеи только при Фиорелли — в 1863–1875 годах. В раскопках Огастеса Питта-Риверса (70-е годы XIX века) также сказывалось сознательное применение структурного принципа. К

рубежу веков широкими площадями вскрывали древние города уже многие археологи-античники и ориенталисты. Этим методом советские археологи обнаружили жилища палеолита, прослеживаемые обычно только по расположению находок, цвету и плотности грунта.

Стратиграфический принцип. Под этим обозначением понимается требование проводить вскрытие памятника так, чтобы выявлялась относительная хронология вскрываемых древностей — их последовательность во времени. Основные способы этого выявления заимствованы из геологии и слегка подработаны, видоизменены в соответствии с особенностями культурных отложений. В геологии прежде всего имеются в виду установленные в XVI веке законы Стенона (Нильса Стеенсона), особенно первый из трех (закон перекрывания — более поздние слои залегают на ранних). Археологические модификации (не столь безусловна изначальная горизонтальность залегания, перекопы изменяют форму отложений и т. п.) наиболее полно изложены сравнительно недавно (см. Pyddoke 1961; Harris 1979).

Введение этого принципа в археологию тесно связано с осознанием ее как дисциплины, ориентированной на решение задач истории, на изучение культурно-исторического процесса.

Первые систематические наблюдения стратиграфического характера были осуществлены при раскопках швейцарских свайных поселений Фердинандом Келлером в 50-е годы XIX века — его наблюдения подтвердили гипотезу Томсена о следовании бронзового века за каменным. Со второй четверти XIX века Жак Буше де Перт использовал геологическую стратиграфию для археологических нужд. Он установил залегание грубых кремневых орудий в «допотопных» (т. е. предильювиальных, до последнего оледенения) слоях — вместе с вымершими видами животных. В 60-е годы Эдуард Ларте определял время палеолитических стоянок по их фауне, т. е. по палеонтологическим периодам, соответственно — по геологическим слоям, в которых стоянки залежали, а в 1869 году Габриель де Мортилье выяснил, что и археологический материал эволюционировал не хуже палеонтологического и поэтому вполне закономерно распределяется по аналогичным периодам и слоям.

В 1872–1873 годах Генрих Шлиман пробил холм Гиссарлык на месте гомеровского Илиона огромной траншеей и в 1874 году опубликовал свой первый труд о раскопках Трои, где было указано, что в холме скрывается много «городов», один на другом, — они были видны в разрезе, в стенке этой траншеи. Позже, с 1882 года, архитектор Вильгельм Дёрпфельд включился в качестве помощника Шлимана в раскопки Гиссарлыка и многое уточнил в стратиграфии холма, но выделение и счет слоев в холме были начаты Шлиманом еще до того.

Стратиграфический принцип выражается практически в нескольких требованиях.

Во-первых, в распределении находок по глубине их залегания. Шлиман с самого начала аккуратно измерял глубины всех находок в Гиссарлыке.

Во-вторых, поскольку горизонтально лежащие слои земли четче всего различаются в разрезе, требуется иметь возможность видеть разрезы раскапываемого участка. Они видны в стенках раскопа, если стенки аккуратно «зачищены» — выровнены и заглажены лезвием лопаты. К этим разрезам («профилям») можно «привязать» находки, исходя из ассоциации по уровням с соответствующими слоями на профиле. Привязка, разумеется, приблизительная, так как слои не обязательно залегают ровно, без изгибов, перекопов и т. п. Чем дальше находка от краевого профиля, тем менее надёжна ее привязка.

Уже Томас Джефферсон в Америке в 1784 году, раскопав курган, обратил внимание на стратиграфию насыпи, выдающую несколько подсыпок. Но он был далеко впереди своего времени. Систематически профили стали делать только с середины XIX века.

В-третьих, чтобы обеспечить побольше разрезов и чтобы они всегда оказывались поближе к находкам, археологи нередко вскрывают раскоп по частям — получают временные профили на стенках. Было и предложение делать стенку раскопа как бы скользящей, передвижной, отступающей постепенно, расширяя раскоп мелкими шажками.

В-четвертых, предлагается оставлять в раскопе специальные перемычки («бровки»), чтобы обеспечить находки в центральной части раскопа более близкими профилями, к которым можно было бы их привязать, и чтобы более детально проследить стратиграфию. Есть тенденция оставлять как можно больше бровок, но тогда они загромождают раскоп.

В-пятых, где-то на рубеже XIX и XX веков был изобретен кессонный метод раскопок — сеть взаимно пересекающихся перемычек, образующая равные квадраты с полутора-, двух- или четырехметровыми сторонами. Такая сетка обеспечивала густо расположенные параллельные разрезы, проходящие вдоль и поперек раскопа. Англичане относят это изобретение к середине XX века и приписывают его Уилеру, но оно применялось и раньше. Сразу после войны этот метод пропагандировал в Польше В. Голубович (см. Houbowicz 1948). В дореволюционной России такими квадратами Б. В. Фармаковский копал Ольвию, а еще раньше так раскапывал Кносс Артур Эванс (начало раскопок — 1899 год). Не всегда, однако, квадраты разделялись перемычками, иной раз вместо этого разрезы получались по стенкам — от разновременного углубления в смежных квадратах.

В-шестых, даже при большом количестве разрезов и при близком расстоянии находок от них всё равно привязка находок к стратиграфии остается приблизительной. Чтобы добиться точной привязки, давно уже предложено удалять грунт послойно, не искусственно намеченными пластами, а реально существующими, снимая слой за слоем. Мотивируя необходимость именно такого подхода, Г. Т. Шварц (Schwarz 1967: 73) пишет: «Отложение слоев веками шло снизу вверх, а мы их раскапываем в обратном порядке. Этот способ работы подобен чтению книги с конца». Невозможно, указывает Шварц, при таком обратном чтении пробегать глазами последовательно букву за буквой: смысл предложений утратится. Приходится забегать к началу предложения и даже раздела и читать его в обычном направлении целиком, а уж затем переходить к предшествующему — и опять к его началу. Подобно этому археолог снимает один целостный слой за другим.

Соединение этого правила с поквдратным методом раскопок образует тот «послойно-квадратный» метод, которым раскопаны многие поселения в XX веке.

Принцип бережности. Коллекционерское и аттрактивное значение древностей уже само по себе влекло за собой их отнесение к ценностям. Познавательные возможности древностей, осознание их как источников научной информации о прошлом — другой аксиологический фактор в формировании отношения к ним. Давно подмечено, что отечественные древности важны и для престижа нации, что они различны у разных наций, что в них можно выделить выдающиеся по уровню и что даже не столь выдающиеся привязывают людей к своей стране, сплачивают народ. Почитание центров мировых религий и пиетет к истокам мировых цивилизаций, нередко сопряженный с претензиями на их наследие («Москва — третий Рим»), обеспечили многим памятникам и древним культурам широкое признание за пределами страны обнаружения и в конечном счете способствовали осознанию их мировой ценности. В ходе укрепления международных контактов и становления международных организаций возникло представление, что все памятники прошлого — общечеловеческое достояние.

Поначалу, однако, казалось, что время и земля сохранили огромное количество древностей, что их обилие в археологии ограничено только трудностями их добывания и доставки. Но опыт очень быстро научил коллекционеров, что выдающиеся древности, во всяком случае, можно отнести к раритетам и уникамам, а те их категории, которые были массовыми и казались неисчерпаемыми, — курганы, каменные бабы, керамика и т. п. — с развитием археологии утратили этот статус. Оказалось, что, во-первых, однообразные с виду, они подразделяются на разновидности, каждая из которых не так уж широко распространена,

а во-вторых, они исчезают довольно быстро с лица земли (примеры см. Клейн 1962). Это стало особенно ясно в эпоху сплошной распашки и промышленного освоения обширных территорий.

Оказалось, что поколений до нас жило не так уж много. (За всё время существования вида *Homo sapiens sapiens* — тысячу веков — в нем сменились какие-нибудь четыре тысячи поколений. А с верхнего палеолита, когда человек научился создавать и воспринимать изображения, прошло всего четыреста веков. За это время сменилось тысяча шестьсот поколений — построившись в затылок на расстоянии вытянутой руки, мы заняли бы всего полкилометра.) Дошло до нас далеко не все, найти сохранившееся очень трудно. У римлян были десятки легионов, служили в них сотни тысяч легионеров, расплачивались с ними ежемесячно специальными металлическими жетонами, тессерами, и всё это продолжалось сотни лет. Значит, жетонов было изготовлено многие миллионы. А дошло до нас всего шесть с половиной экземпляров. Это на сотни римских крепостей и лагерей!

Пришлось осознать, что древностей сохранилось гораздо меньше, чем можно было ожидать. Что их, во всяком случае, конечное, ограниченное количество. Что они продолжают исчезать — и навсегда. Они исчезают от естественных причин — ржавения, гниения, распада. Они сгорают в пожарах, крушатся и гибнут в войнах, ломаются при перестройках, рассыпаются в прах от небрежения.

Первые законы об охране памятников истории и культуры, об охране древностей были приняты в эпоху Возрождения в Италии — революционным правительством Кола ди Риенцо, а затем и папской администрацией. Стали организовываться музеи, древлеохранилища. К началу XVIII века француз Огюст Мариетт, став египетским администратором Мариетт-беом, добился запрета вывоза древностей из Египта. С середины XX века во многих странах были развернуты службы охраны памятников и программы спасательной археологии, направленные на срочное обследование тех памятников, которые находятся в угрожаемом состоянии или подлежат сносу по проектам строительства. Особенно большой размах приняла программа сохранения культурного наследия в Англии (Culture Heritage).

Одним из важнейших следствий введения этого принципа стало правило, по которому запрещаются раскопки без специального разрешения и документа на это. В России такой документ называется «Открытым листом». Выдача «Открытых листов» началась более ста лет назад — с 1889 года.

IV. Общенаучные принципы и специфика археологии

Еще на ступени антикварианизма археология претендовала на статус науки, и среди традиционных принципов, унаследованных от кладоискательского периода, некоторые могли бы считаться отражением общенаучных требований — например, принцип аутентичности находок. Надежности материала добиваются ведь и другие науки. Среди новых принципов, связанных с ориентировкой на широкое познание культуры, некоторые также могли бы трактоваться как модификация общенаучных принципов — взять, скажем, принцип всесторонности изучения.

Но есть в научной методике раскопок принципы, которые более непосредственно связаны с ее научностью, являются прямым отражением общенаучных принципов и приложением их к археологии в соответствии с ее спецификой. Рассмотрим их по отдельности.

Полнота исследования. Собственно, как общенаучный принцип его сформулировал еще Декарт: «составлять всегда перечни столь полные и обзоры столь общие, чтобы была уверенность в отсутствии упущений» (Декарт 1950: 272). Ученейший Винкельман очень уважал сей принцип, когда составлял свои каталоги и свой обзор истории.

Долгое время, однако, археологическое исследование было синонимом ухода в детали, увлечения мелочами, крохоборства. Но уже сопряженностный, структурный и стратиграфический принципы обратили археологов к целостному рассмотрению материала. Развивая эту тенденцию, археологи пришли к убеждению, что, коль скоро речь идет о неведомом мире отдаленного прошлого, а понять исчезнувшую жизнь мы хотим глубоко, опасно составлять себе представление о ней по частям. Памятники неоднородны, равномерность распределения материала в них не гарантирована, в неисследованных частях может скрываться ключ к загадочным явлениям в исследованных частях, и без этого ключа исследованные части могут быть ошибочно поняты.

Пока курганы копали колодцем, удавалось, конечно, выбрать основную могилу — вроде бы главное, но оставались неоткрытыми впускные погребения, не говоря уже о ровиках и следах культовых действий и сооружений по периметру. Кто знает, в каком конце городища зарыт клад (вроде Пастырского), утеряны доспехи военачальника, покоится святилище?

К концу XIX века в практику стало входить требование *тотального вскрытия* памятника и *сплошных раскопок* местонахождения. Курганы начали копать на снос. На стоянке, городище или селище, теперь стало желательным раскопать всю их площадь. Из могильника взять не выборку погребений, а всё — иначе не ясна структура могильника, не видно распределение разных видов погребений по его площади.

Даже инокультурные компоненты местонахождения (скажем, в других слоях или на смежных участках) охватываются тем же требованием: если они одновременны с основным объектом, они характеризуют жизнь общины, ее контакты, если же они из другого времени, они могут помочь в определении предпосылок возникновения данной общины на этом месте или ее исчезновения, или хронологической позиции.

Раскопки Трои дали намек на необходимость полноты вскрытия памятника. Шлиман не собирался исследовать весь холм Гиссарлык — он искал только гомеровскую крепость и полагал, что она в самом низу под наслоениями и сооружениями, которые он, по его собственному признанию, безжалостно разрушал (см. Schliemann 1881: 26, 28). Последующие сезоны раскопок показали, как сильно он заблуждался — Гомеровская цитадель находилась в частично разрушенных им слоях.

В последующие десятилетия XIX века Питт-Риверс предвосхитил образцовые раскопки XX века — полностью раскопал древнюю деревню в Крэнбори Чейз. В начале XX века Роберт Кольдевей ставил перед собой задачу полностью раскрыть древний Вавилон — по всей площади и на всю глубину. В XX веке это требование уже реализовывалось в ряде стран, хотя и весьма редко (ибо для реализации нужны время и средства). В советской археологии примерами реализации этого требования могут служить Алексеевское поселение и могильник, принадлежащие к андроновской культуре и раскопанные О. А. Кривцовой-Граковой, поселок раннего железного века Березняки, исследованный П. Н. Третьяковым, могильник срубной культуры Тасты-Бутак, раскопанный В. С. Сорокиным, и др.

Принцип обобщения. Это, разумеется, общенаучный принцип. Его значение для науки было утверждено еще Френсисом Бэконом, когда тот формулировал основы метода индукции. «Прославленный метод индукции Бекона есть не что иное, как обобщение фактов...» (Вавилов 1945: 125). Принцип принял и подтвердил Ньютон в своем четвертом «правиле умозаключений в физике»: выводы, полученные с помощью индукции (наведения), должны почитаться за верные, пока не будут обнаружены исключения или уточнения.

Как ни странно это может показаться (ведь это как-то противоречит индивидуальному подходу), но в некоторой мере принципом обобщения руководствовались уже антиквариаты. Трудно сказать, чего было больше в занятиях антиквариев — индивидуального подхода или обобщения. С одной стороны, они гонялись за уникальными находками и оценивали древности в этом плане, с другой стороны, составляли коллекции и рано начали классифицировать, следовательно, видели в вещах общее. Археологи XIX века всё больше опирались на общие признаки, типы, аналогии. С начала XX века, а еще больше с его середины, археологи ориентиро-

вались на антропологические и социологические интересы, на обобщения, на выведение регулярностей.

Значение этого принципа для археологии наиболее четко сформулировал Гордон Чайлд: «На деле археологи как таковые имеют дело только с абстракциями, которые мы называем типами...» Чайлд приводит как пример типа обобщение современных шестигранных гаек в $\frac{5}{8}$ дюйма. «Для нас все гайки, отвечающие этому определению, одинаковы и являются представителями типа. Археологам как таковым ничуть не интересны различия между отдельными гайками выделенного типа...» И говоря об археологах будущего, которым достанутся наши шестигранные гайки, Чайлд завершает: «По отдельности упомянутые куски металлолома будут означать для ученого в VI тыс. не больше, чем для ученого во II тыс. В соединении же с другими кусками того же порядка они могут приобрести значение!» (Childe 1956: 3–4).

Еще более широкое значение для археологии придавал этому принципу Монгайт: «Специфика археологических источников такова, что в реконструируемых на их основе исторических фактах отсутствуют действующие лица, остаются неизвестными отдельные мелкие события. Археологи выясняют лишь важнейшие изменения в развитии производительных сил и устройстве общества, общую картину межплеменных сношений и связей... Эта абстрактность археологии дает подлинную основу для научной генерализации. Те, кто склонен придавать большое значение случайностям, не могут сослаться ни на насморк Наполеона, якобы помешавший ему выиграть битву при Ватерлоо и потому изменивший историю Европы, ни на то, что если бы Антоний не встретил Клеопатру, история Рима пошла бы по иному пути. Археологи не знают ни наполеонов, ни антониев первобытной истории. Зато знают орудия труда, хозяйство, экономику первобытных обществ, видят их зависимость от географических и иных факторов, видят, как судьбы народов определялись объективными условиями. Это не значит, что... исключены разные возможности и элементы случайности. Но все события, касающиеся судьбы целого племени или народа, с трудом удается даже при желании раздробить на серию отдельных фактов, за которыми можно не увидеть главного» (Монгайт 1963: 13).

Эрнст Вале тоже писал о том, что археология обычно не в силах разглядеть отдельные конкретные события прошлого и деяния конкретных личностей, но он жалел об этом и видел в этом не силу, а слабость археологии, так как считал, что без установления этих конкретных деяний ход истории не понять (см. Wahle 1950–1951: Kap. IV, 2b).

По отношению к раскопкам принцип обобщения диктует очень большую заботу о методах исследования и сравнительно безразличное отношение к самим памятникам и находкам. Для обобщения всё равно,

какие именно памятники и находки вошли в обобщаемый материал, важно лишь, чтобы их было достаточное количество и чтобы выборка была репрезентативной. Памятники же в этом отношении взаимозаменяемы, как и находки.

Принцип сохранения информации, или принцип спасательного копирования. Этот принцип мог бы рассматриваться как продолжение и углубление принципа бережности, но у каждого из них — свои следствия, так что я предпочитаю формулировать их как два разных принципа. Кроме того, если принцип бережности специфичен для некоторых наук, в частности для археологии, то принцип сохранения информации характерен для всех наук — на нем основана аккумуляция научных знаний и возможность обмена ими. А в каждом отдельном исследовании, особенно длительном, — надежность его последовательного проведения.

Принцип сохранения информации выражается между прочим в требовании ее фиксировать — записями, рисунками, чертежами и т. п. Описания и рисунки памятников время от времени появлялись в работе ученых антиквариев, поскольку те предназначали свои труды для сообщения на ученых заседаниях или для публикации. Необходимость регулярной фиксации археологи сначала познавали на практике, на печальном опыте. Подводила собственная память, путались факты, улетучивалась достоверность раскопанного материала, таяло доверие к материалу коллег. Записи и рисунки оказывались единственной опорой. На горьком опыте познавалась простая истина: незаписанное наблюдение не было сделано.

Равдоникас припоминал устное предание об одном эпизоде дореволюционной русской археологии. Речь шла о председателе Императорской Археологической комиссии графе А. А. Бобринском и ее старшем члене проф. Н. И. Веселовском. «Рассказывают, что Веселовский с Бобринским, копая вместе, в одном богатом погребении нашли прекрасной работы меч. Уже в Петербурге, в комиссии, между ними разгорелся спор о том, где лежал меч. Один говорил, что справа от скелета, другой — слева. Когда обратились к надсмотрщику раскопок, рабочему Петренко, за разрешением спора, — тот ответил, что ни справа, ни слева, а в ногах!» (Равдоникас 1930: 39).

Кроме публикационных потребностей, тягу к фиксации порождал предшествующий опыт раскопщиков — в геологии и особенно в армии. Военные привыкли чертить карты походов и схемы сражений, планы укреплений, писать реляции начальству и вести регулярные записи в штабе. Фиксацию они делали ради наглядности, точности данных и документальности — во избежание споров о фактах при разборе результатов. Когда бывшие генералы и офицеры уходили в археологию

(Питт-Риверс и Мортимер Уилер в Англии, генерал Бранденбург и капитан Городцов в России), они переносили туда свои привычки и свой опыт. Неплохие зарисовки и карты привезла из египетского похода сопровождавшая армию Наполеона экспедиция ученых. В России древние среднеазиатские крепости фиксировал генерал Муравьев-Карский.

Другой источник опыта фиксации — путешествия и бизнес. Путешественники-антикварии и естествоиспытатели издавна публиковали свои путевые заметки, и у них выработался навык вести записи как дневник путешествия. Бухгалтерские книги купцов и финансистов день за днем отражали их деятельность — их затраты и полученные результаты, приучая к такой аккуратной фиксации. Археологические раскопки были связаны и с экспедициями, и с финансовыми отчетами, так что эта струя активности вливалась в археологию, особенно когда бизнесмены сами принимались за археологию. Опыт путешественника-репортера и купца обладал в избытке Генрих Шлиман к тому времени, когда вторгся в археологию с целью найти Гомерову Трою. Начав раскопки, он регулярно вел дневник, точнее превратил свои привычные дневниковые записи в журнал раскопок.

Третий источник ознакомления с удобствами регулярной фиксации — криминалистика. У детективов полиции, следователей и судей судебные процессы давно выработали навык и обязанность дотошно фиксировать все детали на месте происшествия и протоколировать все показания свидетелей и участников дела. Судебные же процессы непосредственно влияли на практику археологов — это были процессы о подделках. Начало XX века во Франции ознаменовалось следствием, которое провела специальная комиссия Клермона-Ганно, созданная министром просвещения для выяснения вопроса о подлинности или поддельности «тиары Сайтафарна». В 30-е годы XX века прогремел процесс по Глозельскому делу. Французские юристы разбирали в суде вопрос о фальсификации находок в Глозели. Эти и другие аналогичные процессы об археологических фальсификациях были весьма поучительны для археологов. Кстати, именно журнал раскопок Шлимана позволил в наши дни поставить под вопрос подлинность обстоятельств обнаружения Большого клада в Илионе — «клада Приама» (см. Traill 1982a; 1982b).

Так археологи стали отмечать новые аспекты в деле фиксации.

Генерал Питт-Риверс в своих раскопках двух последних десятилетий XIX века фиксировал всё, что возможно. «Раскопщики, — писал он, — как правило, фиксируют только те вещи, которые в это время кажутся им важными, но постепенно возникают новые проблемы... Поэтому каждая мелочь должна быть зафиксирована способом, наиболее удобным для последующих справок, и всегда главной задачей раскопщика должно

быть свести к минимуму проявления собственной личности» (цит. по: Daniel 1967: 238). То есть надо отмечать и то, что самому раскопщику не кажется нужным. «В археологии нет мелочей», — твердил генерал Бранденбург в России, директор Артиллерийского музея, раскопавший множество курганов с подробной по тому времени фиксацией (Печенкин 1905: 758). Отставной офицер Городцов также отмечал, что в археологии «не существует таких мелочей, которые бы не имели значения для науки» (Городцов 1914: 6).

Англичанин У. Флиндерс Питри, кажется, первым сформулировал сугубо археологические обоснования для регулярной фиксации. В книге «Методы и цели в археологии» он писал: «Непростительное преступление в археологии — разрушать факты, которые никогда более не смогут быть зафиксированы, и каждая раскопка действительно разрушает факты, если они не зафиксированы вразумительно» (Petrie 1904: 48). То есть по прямому смыслу слов Питри вразумительная фиксация снимает губительность раскопок для памятника.

Из этого Флиндерс Питри выводит следующие требования к археологу:

- 1) сохранить всё, что возможно, на месте;
- 2) забрать весь материал, который на месте сохранить невозможно;
- 3) всё сколько-нибудь существенное зафиксировать *in situ* — описаниями, замерами, чертежами, зарисовками, фотоснимками;
- 4) полностью и быстро издать отчет о раскопанном памятнике, чтобы сделать все факты достоянием научной общественности.

Уже через несколько лет ту же мысль мы находим у А. А. Спицына, который в своем руководстве по раскопкам наставлял археолога «непрестанно помнить, что раскопка уничтожает навсегда памятник древности», а восстановить его можно лишь по дневникам и чертежам. В 1948 году Уолтер Тэйлор в своем знаменитом труде «Исследование археологии» сравнивал археолога с историком, работающим с архивными документами. Тэйлор отмечал, что полное уподобление было бы возможно лишь в том случае, если бы по мере того как историк читает документ строку за строкой, они бы немедленно исчезали и к концу чтения перед ним оказывался чистый лист. Именно это происходит с археологом. Его текст улетучивается в процессе чтения. Единственная надежда сохранить такой текст — переписывать его тут же при чтении. Раскопки — это испепеляющее чтение, но фиксация, сделанная спешно во время горения что-то спасет. «А то, что не зафиксировано, потеряно навсегда». И он отчеканил афоризм: «Находки археолога хороши лишь в той мере, в какой хороши записи о них» (Taylor 1948: 152).

Прозрение Флиндерса Питри стало общим местом теоретиков археологии, продумывавших методику раскопок, особенно в послевоенное

время. Однако этим археологам мысль Питри стала представляться уже недостаточной.

«Иногда думают, — писал Пигготт, — что если раскопщик достаточно усерден в объективной аккуратности, в фиксации всего того, что может быть обнаружено во время раскопок, его отчет становится идеальным документом, дающим его читателю владение каждым фактом, как если бы он проводил раскопки сам. Но это на деле не так. С самыми лучшими в мире намерениями человеческое наблюдение всё же индивидуально (хоть от этого и не хуже)» (Piggott 1959: 14). Мортимер Уилер снял оговорку Флиндерса Питри, сформулировав постулат более жестко: «В лучшем случае раскопки суть разрушение...» (Wheeller 1954, цит. по 1956: 15). В этом свете приобретает особое звучание его приведенная выше максима: «Нет верного способа раскопок, но есть много неверных способов».

Леруа-Гуран выразил постулат Питри—Уилера так: «То, что отличает археологические источники... и то, что образует несчастье архивов земли, это их разрушаемость. Главное положение археологической методики повелительно диктует не разрушить то, что не сможешь исчерпывающим образом использовать» (Leroi-Gourhan 1963: 50).

Принцип протокольности. И в сравнении Тэйлора есть всё-таки одна неточность. Может сложиться впечатление, что, скопировав текст как можно тщательнее, историк гарантировал надежность пользования документом. Это не так. Копия не идентична оригиналу: не все детали удастся уловить и зафиксировать (чего не учитывал в своем оптимизме Флиндерс Питри). Еще хуже, что остается недоступной проверка правильности самого чтения — те ли знаки историк увидел, всё ли заметил, всё ли понял, а это зависит и от того, при каком свете и через какие очки он читал, и чему был предварительно обучен. Не дал ли он воли фантазии? Не имел ли побудительных мотивов или оправдательных причин прочесть неверно? И так далее. Чтобы проверить и оценить это, нужны сведения о том, как он читал — как исследовался памятник.

Тэйлор в общем понимал это. Он сформулировал «хорошую аксиому для археологов: “важно не что ты нашел, а как ты нашел это”, и излишне напоминать, что “как ты нашел это” можно установить только из твоих записей, не из самих находок» (Taylor 1948: 152).

Не даром в судах требуются не только обвинительные заключения, акты и вещественные улики, но и *протоколы* всех допросов и заседаний. От экспериментатора-естествоиспытателя также требуется протокол эксперимента. Городцов, младший современник Флиндерса Питри, тонко чувствовал эту необходимость, когда настаивал: «В течение раскопок исследователь непрерывно ведет дневник...» (Городцов 1914: 5).

Между тем в английском учебнике Друпа есть такой пассаж: «Иногда советуют вести дневник раскопок. Представляется, лучше вести такой журнал, занося туда записи раз в неделю или в две недели, а не записывая каждый день подробности, которые достаточно сохранить в других местах» (Droop 1915: 30). И в дальнейшем не раз появлялись «усовершенствования», предлагающие опираться в основном на картотечный принцип фиксации — заполнять бланки, паспорта, списки, избегая ежедневного протокола.

Конечно, читать дневник утомительно, еще более утомительно — писать его. Очень желательно облегчать поиск информации в нем, выделяя сооружения и находки нумерацией, подчеркиванием, цветом, вынося указания на поля и т. п., однако дневник — необходимая принадлежность раскопок, ибо *фиксация подлечит не только раскопанный памятник, но и ход его раскопок. Не только результат, но и процесс исследования.* Ибо критическая проверка правильности этого процесса — важнейший способ проверить надежность добытых фактов. Самого процесса уже никто не увидит. Критики смогут увидеть только его протокол.

Принцип проверяемости. Это общеметодологический принцип всякого исследования. Нередко этот принцип и считают сутью научного метода, сутью научности (см. Регирер 1966: 80–83). Проверка гипотез на соответствие фактам, опыту, эксперименту. И самое элементарное — проверка последних.

Чтобы проверить, надо повторить наблюдение, повторить исследовательскую операцию. Эксперимент, который нельзя повторить, — не эксперимент. В историческом исследовании можно снова прочесть источник. Долгое время полагали, что к археологическому источнику точно так же можно обратиться вторично — осмотреть находки в музее, прочесть отчет о раскопках, проглядеть чертежи и рисунки (а ныне и фотоснимки). Даже Флиндерс Питри, который на рубеже веков пришел к выводу, что повторить археологическое чтение источника — раскопки — невозможно, считал, что составленный отчет с чертежами и фотоснимками компенсирует утраченную информацию и замещает исчезнувший памятник. Позже те, кто шел по его следам, осознали, что полностью утраты все-таки невозможны.

Джеймс Диц, называя раскопки неповторимым экспериментом, сетует на то, что вдобавок факты, добываемые раскопками, непроверяемы (см. Deetz 1971: 5).

Впрочем, письменный источник тоже не конечная цель исследования — он не адекватен самому событию, которое отражает. Но это проблемы историка, работающего с результатами археологии. Наличие этих проблем не уменьшает проблем археолога. Более того, они все-таки

не однопорядковые с проблемами историка. Да, историк тоже не видит исторического события. Событие давно ушло, и сделать заново его первичное описание невозможно. Как сделано описание, так и сделано. В этом смысле оно аналогично археологическому отчету. Но тот, кто его делал, хоть видел и знал событие, или, по крайней мере, был его современником и имел разнообразную информацию о нем и о включающей его общей картине. Археолог же не видел ни событий, ни общей картины жизни того времени, а видел лишь источник, т. е. их отражение в вещи, отделенной от них бездной времени. И видел, можно сказать, мельком — только один раз. Его наблюдение — раскопки — неповторимо, так как памятник в результате его испепеляющего «взгляда» — раскопок — исчез. Археологический отчет — это отражение отражения. Чтение отчета можно повторять сколько угодно раз, но оно не аналогично повторному чтению документа историком.

Всё же повторяемость операций, а значит и проверяемость археологических исследований возможна. Она основана на повторяемости явлений в культуре, на регулярности культурных процессов, на феномене стереотипности, стандартности в культурном творчестве. На типичности артефактов и памятников. В некоторых отношениях памятники напоминают материал для экспериментов. Ведь во многих случаях для экспериментов не может быть использован тот же материал, с которым исследователи работали в прошлый раз, — он уже отработан и исчез или непоправимо изменился. Для продолжения экспериментов берется другой материал, но того же класса. Это возможно благодаря взаимозаменяемости однотипных материалов для целей эксперимента — всё это вполне подобно взаимозаменяемости фактов физики или социологии для статистического анализа. Результаты, полученные на одной группе фактов (скажем, социологическим опросом выборки из населения), могут быть проверены тем же экспериментом, проведенным на другой группе аналогичных фактов (опросом другой выборки).

Так и в археологическом полевом исследовании. Если раскопан курган, он, конечно, исчез, но это не значит, что раскопки абсолютно невозможно проверить. Можно раскопать другие курганы того же типа, и многие их характеристики окажутся общими.

Даже такой приверженец индивидуализирующего рассмотрения, как Тилли, признает: «Поразительной особенностью археологических данных является их организованная регулярность в регионе. Во многих отношениях одно погребение бронзового века или одна римская вилла воспроизводит многие черты других. Очень мало уникальных памятников...» И Тилли делает вывод, льющий воду на мельницу провозвестников неразрушительной археологии: «Сама эта повторяемость на региональном уровне означает, что многие раскопки, нацеленные на собирание

фактов, возможно, и не нужны» (Tilley 1989: 276). Впрочем, еще в самом конце прошлого века в России А. А. Спицын восклицал: «Какой смысл копать, когда не знаешь, что ищешь, а накопив вещей, не знаешь, что с ними делать» (*цит. по*: Илларионов 1940: 179). Здесь содержится уже подступ к следующему принципу.

Принцип целенаправленности. Когда Флиндерс Питри, перефразируя старую поговорку, говорил, что археолог находит только то, что ищет, он добавлял к этому: «или, если он что-то ищет, то, к сожалению, подтверждается, что он, по крайней мере, не находит ничего такого, чего бы он не искал» (Petrie 1904: 1). Ну, ясное дело, ожидаешь истлевший деревянный саркофаг — не пропустишь пустую полость и приготовишь гипс для ее заливки, ожидаешь катакомбу — не станешь заливать в пустую полость гипс: там ведь лежит скелет.

Как мы помним, говоря о разрушительности раскопок, Питри придавал особое, спасительное значение фиксации. Но вот как он продолжал это рассуждение: «Первая трудность в фиксации — это знать, что фиксировать. Заносить каждый факт обо всем, что найдено, было бы бессмысленным, ибо никто не смог бы пробиться сквозь вязкую массу описаний...; сложность совершенно забила бы самый предмет» (Ibid.: 49).

Дж. Диц сетует: «Земля буквально преграждает археологу путь. А удалить ее можно только единственным способом, и каждый, кто проводил полевую работу, очень болезненно сознает, что нет единственно верного способа проведения раскопок: в зависимости от того, как они проведены, можно получить разные результаты» (Deetz 1971: 5).

Например, если будешь снимать землю вертикальными срезами (скажем, нарезать насыпь ломтями, как буханку хлеба), то очень детально выявишь стратиграфию, но, возможно, упустишь истлевшие сооружения в насыпи, если же будешь срезать горизонтальными пластами, то увидишь детали сооружений, но многие тонкости стратиграфии (небольшие выкиды, тонкие прослойки погребенной почвы) будут утеряны навсегда.

«Новые археологи» поставили вопрос о том, что коль скоро так, то добыть данные универсальной пригодности, способные ответить на любые вопросы, вообще невозможно. Получив одни ответы, погубишь в зародыше другие. Поэтому надо не стараться открыть и зафиксировать всё, что мыслимо (результатом будет равная ущербность по любому показателю), а, жертвуя многим, преследовать четко поставленные цели — по крайней мере, на эти вопросы уж точно получишь нужные ответы. Relevant data — относящиеся к делу данные. А для этого проводить раскопки надо не по принципу пылесоса, втягивая всё, что бог на душу пошлет, а целенаправленно: выделив для проверки одну

определенную гипотезу и направив раскопки так, чтобы получить relevant data для ее проверки. Остальное пусть гибнет, это неизбежно. Данные, не собранные целенаправленно, всё равно ни к чему не пригодны и никому не смогут пригодиться. Встанут другие вопросы — потребуются другие раскопки, нового памятника (см. Hill 1972).

У этого подхода есть решительные противники, выступающие против кощунственного призыва пренебрегать ненужными сейчас данному исследователю фактами. Эти противники уверены, что специфичность данных сильно преувеличена, что много ценных выводов сделано на основании чужих раскопок, в которых материалы добывались совсем для других целей или вовсе без целей. С чужими материалами работали и сами «новые археологи» (см. Courbin 1982: 162–164). Есть и промежуточная позиция — между двумя крайностями (см. Watson et al. 1971: 12–16, 114–121).

Радикальная установка на одну единственную гипотезу, видимо, и в самом деле несостоятельна. Но принцип целенаправленности тем не менее действует в археологии, ибо преимущества целенаправленного добывания данных неоспоримы. Вопрос лишь в том, как расширить цель, как добиться большей универсальности в подготовке к сбору и другим данным, словом, как приблизить нецеленаправленные экспедиции к целенаправленным и как сделать целенаправленные как можно менее опасными для всего диапазона информационных богатств памятника.

Думаю, у всякого опытного и серьезного археолога, когда тот связывается в экспедицию, есть не одна, а несколько целей, которые он преследует и требования которых старается скомбинировать в поисках фактов. С другой стороны, и перед экспедициями, затеянными без специальной исследовательской цели (скажем, спасательные раскопки или плановое обследование местности), всегда маячит некая связка целевых установок, стандартных для данного времени, т. е. определяющих, на какие вопросы сбор данных в любой экспедиции непременно должен ответить.

Профессионализм и специализация. Этот принцип действует во всех науках, но в археологии в силу ее экзотичности и оторванности от обыденной жизни он проявляется особенно остро. Нужно хорошее археологическое образование и знакомство с обширной специальной литературой. Нужно практикование под руководством искушенного археолога и затем собственный опыт, а он дается только длительной регулярной работой, которая предполагает профессиональную основу. Иначе не разобраться в земле, в ее разных отложениях, часто едва заметно отличающихся друг от друга, не разобрать, где гумусированная земля (земля с перегноем), а где тлен от сгнивших деревянных

конструкций, где кончается конструкция одного века и начинается — другого.

Одно из правил, вытекающих из этого принципа: разрешение на руководство раскопками выдается обычно только профессионалам.

Флиндерс Питри так писал о том, что требуется археологу: «Самое нужное из всех приобретений — археологический опыт. Без знания всех предметов, которые обычно встречаются в древней цивилизации, невозможно озарение или понимание и невозможно ухватить значение того, что встречено, так что делаются самые курьезные ошибки... В настоящее время археологический опыт, который нужно приобрести перед любой ответственной работой в какой-либо стране, должен охватывать историю керамики век за веком, историю бус, орудий и оружия, стилей искусства, написаний надписей, погребального инвентаря и многих отдельных предметов, которые ныне хорошо известны и датированы...» (Petrie 1904: 3–4).

Со времени Флиндерса Питри диапазон необходимых знаний сильно расширился и стал поистине необъятным. Археологи ищут пути рационально ограничить его. «Можно, — пишет Пигготт, — быть раскопщиком и без широких археологических знаний, но если так, то раскопщиком со строгими ограничениями. Хороший раскопщик должен приступать к раскопкам своего памятника с глубоким знанием всех памятников того же типа; он должен, грубо говоря, знать, чего можно ожидать и к чему присматриваться» (Piggott 1959: 14–15).

Такое ограничение стало возможным потому, что археолог понял, что в наш век огромного разрастания знаний быть специалистом во всех науках невозможно, и уступил значительную долю своих привилегий на знание и своих полномочий специалистам-экспертам самого разного профиля: палеонтологу, антропологу, геологу, почвоведу, фотографу, чертежнику, реставратору и т. д.

Генрих Шлиман любил старую поговорку: «разделенная радость — удвоенная радость, разделенное горе — полгоря» и добавлял к этому свое продолжение: «разделенная работа — не работа» (Егоров 1923: 88). Но он был одним из первых археологов, кто вынужден был включить в свой штат ряд экспертов, и в последних экспедициях на холме Гиссарлык участвовали специалисты по геологии, антропологии, восточным культурам, мифологии. В американской археологии межвоенного времени экспедиция Олфреда Киддера представляла собой команду специалистов самого разного профиля. Стимулированные интересом к экологии, происхождению земледелия и скотоводства, на Ближнем Востоке, в Ираке, в середине XX века развернулись работы экспедиции Роберта Брейдвуда — то был обширный междисциплинарный коллектив. В то же самое время в Советском Союзе аналогичные экспедиции (их

тут называли «комплексными») начались с Хорезмской археолого-этнографической экспедиции С. П. Толстова.

И всё больше появлялось ученых, избравших себе двойную специальность — скажем, по археологии и металлографическому анализу (или определению пород древесины, или радиохимии и т. п.). Они все вместе образуют как бы одного коллективного археолога с разносторонними знаниями и умениями, каковая разносторонность уже недоступна простому смертному.

Как и все науки, археология развивается и разветвляется, и в каждой ее отрасли становится всё больше знаний и умений, которыми нужно овладеть. Поневоле происходит разделение труда, и археологи всё больше специализируются. Крупные отрасли археологии — античная, средневековая, восточная и первобытная — и возникали-то порознь, так что специализация была тут с самого начала. Первобытная археология быстро раскололась, по терминологии Карла Нарра, на археологию литикума (палеолита с мезолитом) и археологию керамикума — керамической первобытности. Из средневековой археологии в России выделились церковная, славяно-русская и кочевническая. И так далее. К нынешнему времени образовалась специализация по эпохам, регионам, видам памятников и проблемам. И шутка, что сейчас настоящие профессионалы — это специалисты по одной культуре или даже одному памятнику, не так уж далека от истины. Есть ведь и в самом деле специалисты по Старой Ладге, по Киеву, по Новгороду, по Костенкам...

Принцип пурификации. Наблюдаемые факты должны быть чистыми — без примесей постороннего материала, без искажений и изъятов. Это общенаучный принцип, и он входил в археологию по мере того, как она осознала себя наукой, стремясь к основательности и объективности. Больше всего он относится именно к раскопкам, потому что оттуда поступает в археологию основной поток фактов.

Первые стимулы к бережной выборке находок из земли (избежать повреждений и утрат), к записям о находках (устранить забывание), к документации вообще (отбраковать подделки) исходили именно из понимания этого принципа. Проведение его в жизнь поначалу казалось простым. Сложности возникли, когда обычные споры между оппонентами и обвинения друг друга в необъективности породили сомнения в возможности объективного исследования вообще, и началась рефлексия. Это происходило на фоне развития в философии XX века скептического отношения к познанию. У исследователей стали возникать сомнения в собственной объективности.

Как бороться с бессознательным подтягиванием материала к облюбованной гипотезе, к предпочтительным толкованиям? Пришло понимание того, что самые первые операции раскопщика — отбор материала,

выбор методики раскопок, предварительное определение находок, первичная классификация — могут производиться разными путями и предпочтение какому-то одному из них зависит от теоретических воззрений археолога, так что факты изначально «загрязнены» теорией, взглядами, предвзятыми идеями, возможно, ложным пониманием, предрассудками исследователя.

Об этом красноречиво писали немецкие преисторики Эрнст Вале, Ганс-Юрген Эггерс и Рольф Гахман. Они предложили строго изолировать исходные факты одного рода от фактов другого, т. е. содержащиеся в археологических источниках — от тех, что дают этнография и письменные сообщения древних авторов. Соединять же предлагается только конечные выводы (см. Nachmann et al. 1962; Nachmann 1970). Такое соединение, однако, дается нелегко (см. Klejn 1974; Клейн 1974; 1988).

Позже на ту же проблему обратили внимание американские и английские сциентификаторы, главным образом «новые археологи». Сделав вывод о слабости и ненадежности любых фактов самих по себе, эти археологи предпочитают опираться именно на теорию, факты же служат им лишь для выбора и проверки теоретических идей. Однако и для такой службы нужны факты, максимально свободные от предварительной «нагруженности» теорией. Для обеспечения базы таких фактов «новые археологи» с их культом математики привлекли аппарат статистики — принцип рэндомизации. Нужно применить все средства, заявили они, чтобы материалы раскопок оказывались не специально отобранными, а случайной выборкой. Таким образом, они подняли на щит ту случайность, которую археологи прошлого старательно изгоняли из своих исследований. Для методики раскопок была специально разработана «теория взятия выборок» — sampling theory (см. Vescelius 1960; Ragir 1967; Mueller 1974; 1975; Cherry et al. 1978). Вся археология — это взятие выборок, объявил Весцелиус.

Постпроцессуалисты же под влиянием западного марксизма уповают на благотворность самокритики и собственноручное выжигание своих собственных классовых предрассудков. То есть при каждой исследовательской операции надо думать, каким подсознательным стимулам подчинился археолог при выборе решения. Эта рекомендация обрекает археолога на судьбу сороконожки, которую спросили, в какой последовательности она переставляет ноги при ходьбе, — задумавшись, сороконожка застыла и впредь не могла уже сделать ни шага. В реальности постпроцессуалисты критикуют всё и вся, исключая, впрочем, себя, что явно непоследовательно. Они во всем подозревают классовый субъективизм и предвзятость, но ничего доказать не могут.

По-видимому, идеальная чистота фактов невозможна, да и не так уж необходима. Полностью изолировать археологические факты от информации смежных наук, от теории и от социальных заказов невозможно, но к настоящему времени наука разработала целый ряд средств защиты получаемых фактов от искажений, от примешивания посторонней информации. Это и статистика, и многократное дублирование операций, и нормы контроля, проверки и критики. Средства эти введены в стандартную процедуру, и строгое соблюдение процедуры спасает от грубых загрязнений.

Принцип перспективы. Он тоже логически продолжает и углубляет предшествующие принципы. Неукоснительный критерий научности — проверяемость исследования. Если раскопки суть разрушение памятника, то действенная и полная проверка раскопок, доведенных до конца, невозможна, и никакая фиксация не спасет положения, потому что фиксируется не всё.

«Раскопщик, — пишет Шварц, — возлагает на себя большую ответственность не только перед современным миром коллег, но и перед будущими исследователями» (Schwarz 1967: 73–74). Понимая это, Городцов еще в 1914 г. предложил: «Ради проверки добытых раскопками результатов будущими исследователями, необходимо часть памятников оставлять нераскопанными, полагая, что в значительных группах курганов следует раскапывать не более половины всего числа курганов, а в больших городищах, стоянках и могильниках — не более половины их площади. Исключение допустимо лишь в таких случаях, когда памятникам угрожает гибель...» (Городцов 1914: 5).

Это мудрая установка. Но, раскопав и вторую половину, следующее поколение археологов уже ничего не сможет оставить своим наследникам. Можно, конечно, и им предложить ограничиться половиной того, что они застали, т. е. четвертью первоначального объема, но, проделав эту процедуру несколько раз — в течение нескольких поколений, — археологи неминуемо придут к пределу дробления: останется один памятник, одна единица членения (один курган, даже одна могила, одно жилище), который придется раскопать (или докопать) целиком. И уж тут-то не останется ничего.

Кроме того, Городцов думал только о контроле, проверке. Но задача не только в этом. Быстрый рост науки за последнее столетие наглядно показал нам, насколько усиливаются и умножаются методы каждого следующего поколения, насколько у него оказывается больше познавательных возможностей, чем у предыдущего. И, следовательно, у каждого предыдущего меньше, чем у последующих. Образцов для радиоуглеродного датирования не брали до середины XX века — не предвидели, что оно окажется возможным. При очистке археологи сметали радужную

пленку со стекла — не знали, что в ней скрывается расслоенность, соответствующая количеству лет, которые стекло пролежало в земле. Следовательно, будущие исследователи могли бы не только проверить нас, но и извлечь из памятника гораздо больше, чем мы. Но не сделают этого, коль скоро памятник исчез.

Известный датский археолог Олаф Ольсен через 65 лет после Городцова призывает к тому же. В ярко написанной статье «Бешенство археологов» он заявляет: «это трагедия, что некоторые из главных европейских памятников были раскопаны слишком рано и потому дали слишком мало информации. Ущерб неисправим; слои почвы исчезли, разрушение необратимо... Неужто мы столь самонадеянны, чтобы думать, что сегодняшняя раскопачная техника представляет собой конечный зенит археологического мастерства? Она явно не такова» (Olsen 1980: 18). К приводившимся аргументам он добавляет еще один: желательнее сохранить нераскопанные древности и как памятники, как части исторического ландшафта.

В общем мы осознали, что памятник — неисчерпаемый источник. Не потому, что он бездонен (в конце концов, в любом предмете только конечное, хотя и очень большое, число атомов). Он неисчерпаем потому, что извлекаемая информация зависит не только от источника, но и от того, кто ее извлекает, а возможности роста науки практически бесконечны.

«Так должны ли археологи копать?» — еще раз вернемся к этому вопросу Дица. Он продолжал: «Ответ, ясное дело, да. Но с важными оговорками. Они должны копать, но должны также ознакомиться с другими видами исследования... Более того, вполне возможно “делать археологию”, даже вовсе не касаясь лопаты... Раскопки, возможно, должны рассматриваться скорее как неизбежное зло, чем как необходимые поиски истины. Во всяком случае, их надо проводить» (Deetz 1971: 9). А экстравагантный Тилли называет раскопки «патологией археологии». Он поясняет: в идеальном мире все угрожаемые памятники можно раскопать, все раскопки полностью опубликовать и адекватные ресурсы можно сделать доступными для других исследований... Это, заключает Тилли, «археологическая утопия» (см. Tilley 1989: 274, 276).

Но еще 40 лет назад видный польский археолог Витольд Хенсель высказал мнение, что археология будущего будет переходить от раскопок к неразрушительным методам исследования — тем, которые сейчас применяются для разведок и пока еще дают недостаточно богатую информацию (Hensel 1955: 684–685). В начале 60-х годов я поддержал эту идею, обосновав ее более подробно (см. Клейн 1961; 1962).

«Археологам грядущего, которые будут владеть великолепными методами и инструментами, мы можем позавидовать. Но и они будут

завидовать нам. Ибо применить эти методы и инструменты они смогут лишь к тому, что уцелеет от наших раскопок. А многое ли уцелеет? ... Охрана не сохраняет древности, а лишь замедляет их уничтожение» (Клейн 1962: 72–73).

В недавнем выступлении Макаров, Кренке и Чернов, не упоминаящие о своих предшественниках (и, видимо, просто не знающие о них), находят еще один, типично российский, аргумент. Считалось, что памятник продолжает жить в музейных коллекциях. Но «Средняя продолжительность жизни коллекций не более пятидесяти лет. Коллекции гибнут при перевозке фондов музея, из-за некомпетентности руководителей, наконец, из-за плохого консервирования и негодного хранения. Получается, что мы жертвуем памятниками ради сиюминутного интереса... Слова «памятник исследован полностью» означают лишь, что памятник перестал существовать» (Макаров и др. 1990: 14). Авторы ратуют в пользу неполных раскопок.

Моя позиция была и остается более радикальной. Рассмотрев ряд современных методов разведки, я заключал в уже цитированной статье: «Сегодня эти методы подготавливают раскопки, завтра — заменят их. Археология будущего — это археология без раскопок».

Так что же, запретить раскопки и ждать, пока методы «просвечивания земли» не разовьются достаточно? Однако, учитывая размах строительства и освоения новых земель, масштабы неархеологического уничтожения памятников, я добавлял, что «сегодня похвальнее провести хорошие раскопки, чем предотвратить плохие... Тут не до запрета раскопок». Но для выбора правильной стратегии раскопок нужно сознавать перспективу. А в перспективе — отказ от раскопок.

V. Система принципов

Поиск структуры. Эйнштейн говорил, что принципов должно быть как можно меньше и они должны быть как можно проще. Простых принципов, управляющих раскопками, оказывается много — два с лишним десятка. Но уменьшить их общее число без ущерба для полноты оснований вряд ли возможно. Возникает подозрение, что они не все исходны, что они как-то группируются и в основе каждой группы находится некий более глубокий и общий исходный принцип.

В моем изложении они были сгруппированы по этапам становления полевой археологии и ее главным характеристикам как дисциплины: сначала перечислены традиционные для нее принципы, доставшиеся ей в наследство от донаучного, кладоискательского периода, потом принципы, связанные с ее превращением в социокультурную дисциплину, и, наконец, принципы, выражающие ее осмысление как науки вообще и

ее родственность точным наукам (science), разумеется, при оговоренности ее специфики (схема 10).

I. ТРАДИЦИОННЫЕ	II. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ	III. ОБЩЕНАУЧНЫЕ
1. Вещеведческий	1. Аниматизации	1. Полноты исследования
2. Сенсационности	2. Комплексности	2. Обобщения
3. Аутентичности	3. Всесторонности изучения	3. Спасательного копирования
4. Индивидуального подхода	4. Универсальной подготовленности	4. Протокольности
5. Восстановительный	5. Сопряженности находок	5. Проверяемости
	6. Структурный	6. Целенаправленности
	7. Стратиграфический	7. Профессионализма
	8. Бережности	8. Пурификации
		9. Перспективы
I. Артефактности	II. Гуманитарности	III. Научности

Схема 10

Можно, конечно, попытаться сформулировать некие общие положения, отражающие эти три фактора в виде принципов. Скажем,

1) *принцип артефактности* — археология занимается материальными древностями, материальными остатками прошлого человечества и должна быть изошрена в их препарировании (в этом своем амплуа

археология рассматривается как продолжение занятий антиквариетов и не отказывается от их принципов работы, хотя и ограничивает их применимость);

2) *принцип социокультурной включенности* — археология входит в число общественных дисциплин, нацеливая свои операции на обслуживание истории и других подобных наук о человеке, обществе и культуре в их развитии;

3) *принцип научности* — археология претендует на статус науки и, следовательно, соблюдает требования, предъявляемые к научным дисциплинам, в том числе к точным и естественным наукам, насколько это возможно при ее материале и задачах.

Тесная преемственность от антикварных занятий к археологии видна хотя бы в том, как подвижна граница между обоими периодами в истории этой науки у ведущих историографов. Глин Даниел начинает историю археологии то с «переворота скандинавских антиквариетов» (первая половина XIX века), то с «британского переворота» (последняя четверть XIX века). «Рождение археологии» он помещает в интервал между 1840 и 1870 годами. К 1870 году археология, по его определению, «перестала быть всего лишь антиквариантским хобби» (Daniel 1975: 121). Скандинавских ученых, выдвинувших систему «трех веков», Триггер антиквариетами не называет — он рассматривает их уже в разделе «Начало научной археологии» (Trigger 1989: 73–86). Немецкие историографы склонны вообще не выделять антиквариетов из археологии. «Отцом археологии» они называют то Кириака Анконского, то Винкельмана (XV и XVIII века). Преемственность в методических установках между раскопками антиквариетов и научной археологией я показал выше.

Как гуманитарную дисциплину археологию развивали еще ученые Ренессанса, используя ее для иллюстрирования исторических и филологических эксцерптов из сочинений древних авторов. Позже ученые-классики вслед за Винкельманом стали увязывать ее с историей искусства, и античная археология продолжала эту традицию вплоть до недавнего времени. А первую традицию продолжила в конце XIX — начале XX века христианская и вообще средневековая археология европейских стран. Затем ее распространили на всю археологию так называемые «исторические школы», связанные с диффузионизмом, еще позже — контекстуалисты.

Концепция строгой научности археологии, понимаемая как ее родственность точным наукам, происходит от изначальных связей первобытной археологии с геологией и физической антропологией. В лоне этих наук первобытная археология делала свои первые шаги. Затем эти претензии поддержали и распространили на всю археологию пропагандисты социологических интересов и ориентировки на культурную

антропологию. Кажется, первым вопрос об «археологии как науке», родственной точным и естественным наукам (*archaeology as science*), поставил Рэндл-МакАйвер (см. Randall-MacIver 1932). В послевоенное время с аналогичными идеями выступил Гордон Чайлд (см. Childe 1953). Если не учитывать неоднозначные выступления Хокса, то прямое развитие и усугубление эти идеи Чайлда нашли в «новой археологии», занявшей во всем сциентификаторскую позицию.

Как видим, все три базисных принципа развиваются и почитаются в археологии. Упорядоченная по ним система обретает структуру, а остальные принципы становятся выводными — не аксиомами, а теоремами и короллариями (для меня здесь не важны более тонкие терминологические и логические различия). Принципов в собственном смысле слова остается всего три, но они оказываются чересчур общими. Это скорее не четко сформулированные принципы, а всё-таки общие обозначения для ориентаций, выраженных целыми группами принципов.

Противоречия в реализации. Есть еще один путь минимизации системы. Он связан с анализом взаимоотношений между принципами при их реализации — как реализуются методические требования, которые из этих принципов вытекают. В системе есть по несколько принципов, ведущих к одинаковым или очень схожим требованиям. Я старался располагать их рядом и оговаривал специально, почему их целесообразно формулировать как разные принципы. То есть вопрос об их объединении всё-таки напрашивался. Однако есть и противоположные отношения, и тут реализация принципов усложняется. Как заметил Друп, «общие принципы довольно легко утверждать, но всё не столь просто, когда дело доходит до конкретных вопросов» (Droop 1915: 7). Нередко это происходит именно из-за противоположности принципов. Многие требования, вытекающие из одних принципов, несовместимы с требованиями, вытекающими из других. Они подразумевают противоположные действия и установки. И это тоже говорит о некой их параллельности.

Прежде всего совершенно ясно, что принципы, унаследованные от кладоискательского, т. е. антиквариантского периода раскопок, отвергаются какими-то другими, коль скоро этот период был преодолен. Действительно, *вещеведческий* принцип, замыкающий интерес археологов непосредственно на объектах их занятий, в какой-то мере поддерживается, но и преодолевается еще в рамках традиционных установок *восстановительным* принципом. Он явно ограничивается и даже во многом снимается тремя принципами последующего периода — принципами *аниматизации*, *комплексности* и *всестороннего изучения*. Принцип *сенсационности*, означающий предпочтение эффектным находкам, уникалам, в значительной степени снимается тем же принципом комплексности. Родственному принципу *индивидуального подхода* безуслов-

но противоречит не только и не столько эта *комплексность*, этот *интерес ко всей материальной культуре*, сколько выявление сопряженности находок, т. е. внимание к контекстам, и в какой-то мере *структурный* принцип, а также, конечно, принцип *обобщения*.

Точно так же принципы, нацеленные на познание общества и культуры, нередко не согласуются с принципами абстрактной научности. Принцип *универсальной подготовленности*, порожденный спецификой археологии, совершенно не вяжется с общенаучным принципом *профессионализма и специализации* (и с прогрессирующей тенденцией к ним). Принцип *аниматизации*, постоянно толкающий археолога за пределы своей науки, на привлечение неархеологической информации и всемерное пользование ею, находится в явном конфликте с принципом *пурификации*.

Есть конфликтующие принципы и внутри каждой из трех групп принципов. В группе традиционных принципов принципу *аутентичности* находок в известной мере противоречит *восстановительный* принцип, так как реконструкция нарушает аутентичность. В следующей группе два помещенных рядом принципа — *структурный* и *стратиграфический* — нередко приводят к взаимоисключающим требованиям: первый требует широких планов и соответственно вскрытия широкими площадями, а второй — частых профилей и соответственно тесных отсеков в раскопах.

Уилер излагал эту альтернативу так: «Время от времени возникает вопрос: надо ли делать упор... на горизонтальный или на вертикальный способ раскопок? Под “горизонтальными раскопками” понимаются раскопки всего или большей части культурного слоя памятника с целью выявить его очертания и функции. Под “вертикальными раскопками” понимаются раскопки ограниченной площадью в глубину с целью установить культуры или фазы и, таким образом, создать расписание или культурную шкалу для памятника... Одни лишь вертикальные раскопки, давая нам представление о продолжительности обитания, о его непрерывности или прерывистости, и о какой-то части его культурного багажа, не могут выявить подробным образом важную обстановку человеческого общества — хозяйственную, религиозную, административную... Это железнодорожное расписание без поездов. С другой стороны, широкие горизонтальные раскопки... часто производят абстракцию, не связанную со сколь-нибудь точным отношением последовательности человеческого развития. Это поезда без расписания. Поезда идут довольно энергично, но мы не знаем, ни когда они отправились, ни откуда, ни их промежуточные станции или конечное назначение» (Wheeler 1956: 149).

В последней группе принципов требование *полноты исследования* находится в конфликте с целым рядом принципов, перечисляемых друг за другом: принципами *бережности, спасательного копирования, проверяемости, целенаправленности* и *перспективным*. В своей статье «Бешенство археологов», отстаивая принцип перспективности и выводы из него, Олаф Ольсен направлял острие полемики против Филиппа Баркера, автора очень популярного английского учебника раскопок (Barker 1977), поскольку тот пропагандировал тотальное вскрытие памятников.

Собственно, не осталось ни одного принципа, который бы не находился в оппозиции к какому-нибудь другому или каким-нибудь другим. Примечательно, что не оказалось случаев, когда бы принципы, конфликтующие с одними и теми же принципами, оказались и в конфликте друг с другом, а согласуемые друг с другом принципы по-разному относились к другим принципам — один бы противоречил, другой — согласовался. Стало быть, есть некая организованность во взаимоотношениях принципов. А это значит, что все эти оппозиции можно выстроить параллельно, разместив согласуемые или чем-то схожие принципы по одну сторону, а противоречащие им (но схожие или согласуемые между собой) — по другую.

Так, принципы, характерные для антиквариантской традиции, — вещеведческий, сенсационный и индивидуализирующий, размещаются вместе, а конфликтующие с ними — в общей оппозиции к ним. Но принцип универсальной подготовленности надо поместить в оппозиции к антиквариантским, ибо противоречащий ему принцип профессионализма и специализации, как это ни парадоксально звучит для нас, как раз согласуется скорее с индивидуализирующим подходом и узкой концентрацией на объектах изучения. В этом с ним сходен принцип *пурификации*. Соответственно аранжируются и находящиеся с ним в позитивных и негативных отношениях. И так далее.

В итоге получаем, как и в случае с принципами интерпретации, два ряда принципов, две системы, находящиеся в оппозиции одна к другой (схема 11). В каждой из этих систем не менее десятка принципов. Это несколько больше, чем в системах принципов интерпретации. Но ведь надо учесть, что если те принципы изначальны, то эти в большой мере зависят от тех, а выводных обычно больше, чем первичных.

От интерпретации к раскопкам. Теперь, когда в обосновании методики раскопок образовалось две параллельных и взаимно противоречивых системы принципов — точно так, как в обосновании интерпретации, — можно попытаться установить связь между обоснованием интерпретации и обоснованием раскопок. В начале этой работы уже были высказаны общие соображения о том, что такая связь должна

существовать и что зависимость должна быть односторонней: от интерпретации к раскопкам.

Схема 11

Конечно, логические связи, ведущие от принципов интерпретации к принципам раскопок, не носят характера прямых выводов и не имеют формы простых силлогизмов. Они ведь осуществляются большей частью не непосредственно, а через систему понятий и методов интерпретации. Кроме того, связи эти не образуют сеть параллелей, где каждая линия связует только одну пару принципов из разных систем. Связи ветвятся, переплетаются, сходятся. Однако это не делает общую картину менее ясной (схема 12).

Принципы раскопок

Схема 12

Вполне очевидно, что принцип *детерминизма* (из системы интерпретации) сказывается в *комплексности* (интересе ко всей материальной культуре) и в установках на *обобщение* и на *всестороннее изучение материала* (в методике раскопок), ибо он выражается в поисках законов, в поисках регулярных связей между явлениями из разных сфер жизни. Признание закономерностей, регулярных соответствий должно также создавать возможность проверки результатов по данным исследования аналогичных материалов, так что принцип детерминизма образует также

базу для принципа *проверяемости* (в системе раскопок). Соответственно принцип индетерминизма (из системы интерпретации) ведет к обезличиванию регулярных связей и к изоляции объектов исследования, к концентрации внимания на самих вещах, т. е. к *вещеведческому* принципу (в методике раскопок).

Очень наглядна связь между принципом *индивидуализации* (из системы интерпретации) и принципом *индивидуального подхода* (в методике раскопок). Принцип индивидуализации, однако, реализуется и в *вещеведческой* установке, и в принципе *сенсационности*, толкающем на охоту за униками, и в требованиях *пурификации* (всё это в методике раскопок). Соответственно противоположный принципу индивидуализации принцип *универсализма* (в системе интерпретации), говорящий об универсальной действенности законов, логически обосновывает *всесторонность изучения и проверяемость*.

Принципы *униформизма* и *актуализма* (из системы интерпретации), методологически обеспечивающие связь времен, должны оправдывать принцип *восстановления* (в методике раскопок). Противоположный принцип *историзма*, подчеркивающий качественные различия времен, создает логическую основу для *стратиграфического* принципа (в методике раскопок). *Системный* принцип (из системы интерпретации) логически ведет к установкам на *сопряженность в контексте* и к *структурному* принципу (в методике раскопок), тогда как принцип *неупорядоченности* (из системы интерпретации) ассоциируется с принципами *вещеведческим* и *сенсационности* (в методике раскопок).

Принцип *опредмеченности* (из системы интерпретации), безусловно, подпирает методику раскопок, основанную на принципе *аниматизации*. Противоположный (в системе интерпретации) принцип *полисемизма* приводит (в методике раскопок) к необходимости *универсальной подготовки* и в какой-то мере ассоциируется с принципом *сопряженности в контексте*. Признание *принципиальной достаточности данных* (из системы принципов интерпретации) логически оправдывает установки на полноту исследования, а противоположное положение о принципиальной недостаточности данных в археологии является постоянной логической основой для принципа *аниматизации* (который должен восполнить недостающую информацию) и для принципов *бережности, сохранения информации* и др. из блока, противостоящего принципу полноты исследования (в методике раскопок).

Во всех этих связях, в расположении оппозиций можно выделить и нечто общее, характеризующее как систему принципов интерпретации, так и систему, определяющую методы раскопок. Нетрудно заметить, что две подсистемы, на которые разбита совокупность принципов интерпретации, в общем представляют собой генеральную оппозицию двух

противоположных представлений о природе объекта археологии, а соответственно и археологического познания: регулярное, упорядоченное, рациональное противопоставляется нерегулярному, беспорядочному, иррациональному. Тот же характер имеет и генеральная оппозиция в обосновании методики раскопок. В известной мере это оппозиция гуманитарного подхода сциентификаторскому. Она отражает двойственность природы материала культуры, внутреннюю противоречивость археологического познания и двучастную структуру человеческого мозга.

Для археолога, однако, осознание диалектичности, противоречивости ситуации, в которой он оказывается, это не конечная цель, философское же осмысление причин этого явления его мало волнует. Главная задача для него заключается в поисках ориентира для практических решений, которые бы оказались оптимальными.

Партийность, компромисс и анализ ситуации. Итак, современный археолог сознает, что в его распоряжении — система исходных принципов, симметрично делящаяся на две подсистемы, прямо противоречащие друг другу. Собственно, две взаимоисключающие системы. Они равно состоятельны и авторитетны. Из них вытекают диаметрально противоположные методические требования к проведению раскопок, и археолог должен выбирать.

В какой-то мере выбор определяется (и облегчается для отдельно взятого археолога) эпохальными и, так сказать, партийными *теоретическими предпочтениями той или иной школы*, того или иного течения или направления, к которому археолог принадлежит. Так, процессуалисты явно склоняются к оптимистическому и сциентизаторскому упору на регулярности, тогда как контекстуалисты и постпроцессуалисты отстаивают иррациональность культуры и индивидуалистический подход. Защищая проблемно-ориентированные экспедиции против «пылесосного подхода», Джеймс Хилл совершенно ясно аргументировал с позиций гипотезно-дедуктивной установки процессуальной археологии (см. Hill 1972). Напротив, в рецензии на публикацию Хоула, Флэннери и Нила, как раз проблемно ориентированную, П. Э. Л. Смит сетует на нехватку данных для независимых суждений — он исходит из требований традиционной археологии (см. Smith 1970; Watson et al. 1971: 157–158).

Но многие археологи ради объективности стремятся проявлять независимость от той или иной генеральной доктрины и использовать лучшие достижения каждой из конкурирующих школ. Этим как быть?

Возьмем, например, определенно противоречащие друг другу принципы: требование вскрытия широкими площадями для обнаружения структур и требование как можно гуще располагать профили ради стратиграфических наблюдений. Очевидно, что важным шагом в разра-

ботке стратегии будет *поиск компромиссного решения*. «Обе процедуры, — пишет Уилер, — конечно, взаимодополнительны, не антагонистичны, и от раскопщика можно было бы ожидать, что он попытается применить оба методических подхода, хотя это и редко достигается. В подавляющем большинстве случаев, однако, учитывая состояние знаний в этот момент и наличные ресурсы, приходится определять приоритетность» (Wheeler 1956: 149). Лучше было бы сказать, что эти принципы раскопок всё-таки в принципе антагонистичны. Ясно, что требования противоречат одно другому. Но надо попытаться зайти так далеко, как только можно, на пути их сочетания — пока не вступит в силу их полное взаимоисключение. Чуть уменьшить одно из требований, чуть ограничить другое, противоположное, — поступать так, пока дальнейшее уменьшение не станет их обесценивать.

Уилер попытался найти компромисс. «Раскопки городища должны были бы в идеале начаться с вертикальных раскопок, достаточных для установления временной и культурной последовательности, и продолжаться как тщательные горизонтальные раскопки...» (Ibid.: 150). А как быть с необходимостью постоянно следить за стратиграфией и привязывать находки к наиболее близким профилям? Вся деятельность Уилера по созданию кессонного метода раскопок (grid system) была попыткой найти такой компромисс. Но по мере углубления кессоны становятся неудобными для работы и не дают общего вида структур. Недаром кессонный метод не применялся ко многим категориям памятников и не привился в большинстве стран. Но бровки оставляются везде. Также компромиссным решением может быть периодическая разборка бровок по мере углубления, так что на каждом шагу образуется широкая площадь, а профили достигают полной высоты лишь на сводном чертеже. Аналогичным образом можно поступать не с бровками, а со стенками раскопа, периодически расширяемого. И всё же такое решение может быть неудовлетворительным то для одной стороны, то для другой — широкая площадь появляется лишь периодически, полные профили не обнажены, они составляют лишь на бумаге в конце раскопок.

Третий выход заключается в *анализе конкретной ситуации*. Как пишет Уилер, «всё это вопрос склонностей (пристрастий, предубеждений), а склонности зависят от конкретного момента — от имеющихся у нас в этот момент знаний относительно проблем данной конкретной ситуации (of our knowledge at the moment of the problem of the moment)» (Ibid.: 152). Надо учесть состояние базы фактов — какого материала в избытке, какого не хватает. Учесть задачу, стоящую перед экспедицией, — в каких данных археолог нуждается больше всего: в планах домов, в стратиграфической колонке, в типологии инвентаря. Надо принять во внимание и неожиданные открытия, способные изменить

планы — идентифицируемые скелеты погибших в храме или дворце, исключительное сокровище в насыпи кургана и т. п. Учету подлежат и требования смежных наук — антропологии, геохимии, палеонтологии и проч.

Но не означает ли это, что принципы вообще исчезают, взаимно аннигилируются, лишаются смысла? Не принимается ли за норму методологическая беспринципность? Ведь если всё решается контекстом ситуации, конкретным стечением обстоятельств, то какой толк в общих принципах? Именно к такому выводу и пришел постмодернистский философ-методолог П. Фейерабенд. Он уловил противоречивость принципов и правил в науке: «какие бы правила ни взять, сколь бы “фундаментальны” или “необходимы” они ни были, всегда есть обстоятельства, когда разумно не только проигнорировать правило, но принять противоположное» (Feuerabend 1975: 23). Его общий вывод сформулирован названием его книги: «Против метода».

Мне представляется, этот вывод основан на неумении выйти за пределы одного единственного (третьего в этом перечне) способа решения поставленной задачи, на неумении вырваться из лабиринта конкретности. Есть и четвертый путь решения — более общий и более теоретический. Он связан с осознанием того, что каждая из сторон обычно абсолютизирует принципы своей подсистемы, видит свои законы универсальными, а законы редко бывают универсальными. Они имеют ограничения, и *в этих ограничениях вся суть*. Исследуя механизм археологической теории, я видел в этих ограничениях способ преодолеть банальность законов, сделать их интересными и релевантными (см. Клейн 1980: 102, 112). Но это же и способ ухода от взаимоуничтожения конфликтующих законов. Поле действия закона имеет границы. За этими границами может действовать противоположный закон. Правильно провести эти границы — может быть, самое плодотворное, но и самое трудное в науке. Тут нужны детальные знания материала, огромный опыт и колоссальная наблюдательность.

Подсознательно археолог всегда взвешивает все эти факторы, отправляясь в поле. Это позволяет ему выбирать оптимальную стратегию раскопок — пролагать раскопкам путь по пересеченной местности методического пространства среди принципов, всегда наполовину препятствующих. Ориентиры, которыми он пользуется в этой трудной задаче, также можно сформулировать в виде принципов — принципов совладания с противоречиями в разработке стратегии раскопок. Это:

1) принцип *ориентировки на теоретические позиции* определенной школы или течения,

2) принцип *компромисса* — допустимого сочетания противоречивых требований,

3) принцип учета компонентов конкретной ситуации,

4) принцип ограничения закона.

Говоря о принципах интерпретации, я высказал предположение, что для искусственного интеллекта археолога, чтобы он был ближе к естественному интеллекту, нужна целая сеть из нескольких компьютеров, по одному на каждую из конфликтующих подсистем. Перечисленные здесь четыре принципа, по-видимому, есть как раз то, что должно составить основу программы третьего, объединяющего компьютера в компьютерной системе, имитирующей мышление археолога. В этой трудной ситуации компьютер может помочь освободить выбор археолога от воздействия эмоций, ошибок, вызванных усталостью, и всяких случайных обстоятельств, придать ему регулярность, надежность и быстроту.

Формирование моих научных представлений началось в послевоенные десятилетия, когда лозунгом дня стала формализация, когда началось бурное внедрение математических методов и технических достижений в археологию. Компьютеры были еще далеко впереди, но перфокарты, пронизываемые спицами, уже вводили непривычную строгость, требовали от археологов стандартизации и точности описаний, прокладывали дорогу формализации. Всё это сильно контрастировало с вольностью методики, зыбкостью суждений и шаткостью выводов традиционной археологической практики.

Подобно многим коллегам, в молодости я мечтал о превращении археологии в подлинную науку. При этом мне виделась некая развернутая система принципов, законов и правил («закон Ома!» «Правило большого пальца правой руки!»), а также исключений, аксиом и теорем, наконец, рекомендаций («бритва Оккама!») и методов. Это должен быть жесткий костяк науки. Его нужно разработать и утвердить. Его можно совершенствовать и обновлять. Ему можно обучать. Можно контролировать его применение. На этой основе нетрудно видеть, кто хороший ученый, кто нет. Хороший ученый знает эту систему и неукоснительно ее применяет к многообразному материалу в различных обстоятельствах. Гениален тот, кто умеет ее изменять.

В разработке такой системы я усматривал средство против злоупотреблений археологией в политических и личных целях, против подлаживания ее выводов под требования политической конъюнктуры, против ничем не контролируемого манипулирования ее фактами.

Мне представлялось, что зерна такой системы заложены в археологии с самого ее основания. Уже идею Винкельмана о стиле как характеристике эпохи я считал возможным переформулировать как один из основополагающих законов археологии. Эволюционно-типологические разработки Монтелиуса казались мне

цельми комплексами таких законов, пожалуй, даже комплексами теорем. Мне представлялось, что законам и принципам археологии следует присваивать имена их открывателей подобно тому, как это делается в физике, астрономии или геологии.

Я с энтузиазмом встречал (*ср.* Клейн 1980: 101) работы, посвященные именно такому восприятию старых теоретических достижений археологии, — статью Джона Роуи о «законе Ворсе» (Rowe 1962), высказывание Дэвида Кларка о «принципе Монтелиуса» (Clark 1972: 45), переформулировку этого принципа в «количественный закон» Робертом Карнейро (Carneiro 1970), ссылки разных археологов на применимость в археологии стратиграфических «законов Стенона» (Hole, Heizer 1969: 16–17), а потом и их разработку для археологии у Харриса (Harris 1979). С огромным интересом я воспринимал известия об усовершенствовании таких законов — об их ограничении или расширении, об изменении их содержания. Так я приветствовал преобразования, внесенные Мальмером в эволюционно-типологические разработки Монтелиуса (Klejn 1977: 6).

Я и сам пытался нащупать законы и принципы тех отраслей археологии, в которых работал. Таковы, например, мои четыре принципа невозможности в сфере археологической классификации и типологии, а также соответствующие им четыре закона сохранения (Klejn 1982: 266–271; Клейн 1991: 226–230). Я назвал эти принципы именами ученых, которые больше других поработали над их установлением: принцип Бэра-Грязнова, принцип Хилла-Эванса, принцип Тэйлора, а для четвертого я не нашел никого, кто бы работал над ним прежде.

Словом, в археологии появлялись и принципы, и законы, и выводимые из них методы. Р. Даннел добавил к уже названным еще несколько, связал их отношениями выводимости и представил функциональную интерпретацию как единую систему аксиом, теорем и короллариев (Dunnell 1978). Это была как бы наметка первого блока системы, о которой я в свое время мечтал. Складывалось впечатление, что, разрастаясь и объединяясь, подобные разработки сложатся в единую систему, которая и образует искомый костяк археологической науки.

Однако этому ощущению мешала постоянная неудовлетворенность от практического применения созданных разработок. Наиболее применимыми оказывались лишь самые общие принципы, но они оставались на философском уровне, где-то очень далеко от конкретных воплощений. Да и выведение их оставалось сугубо интуитивным. Получить их или подтвердить экспериментально или путем изящных теорем было невысказано. Применимость же законов, которые удавалось доказать сносно, оказывалась очень

уж узкой, исключения громоздились массами и даже складывались в правила. На этой основе рождались контрутверждения, которые выдвигали противоположные законы и противоположные принципы. Конечно, в этом выдвигании сказывались социальные факторы — крепили оппозиционные социальные силы, новые идеи овладевали умами. Но ведь эти новые идеи находили и подтверждение в материале, и подтверждение по тем же, общепринятым критериям, вот в чем загвоздка!

Почему же социальные противоречия, столь назойливо выдвигаемые на первый план марксистскими историографами (а ныне по их примеру постпроцессуалистами), так легко и часто находят отражение в археологии? Потому ли только, что она оперирует социокультурным материалом, разумеется, небезразличным для нынешних социальных групп, несмотря на свою древность?

Рождается подозрение, что не только, а может быть, и не столько потому. Неправда это, что все ученые политически ангажированы или так наивны, чтобы подсознательно проводить в своей профессиональной деятельности предвзятые идеи. Многие ученые субъективно честны и, обладая отработанной и изощренной техникой элиминирования предвзятых идей из исследования, не колеблясь пускают ее в ход, даже если речь идет об их собственных идеях. Да и общество редко предстает столь полярно расколотым. По отношению к каждой проблеме есть немало и нейтральных групп. Всегда можно обеспечить взгляд со стороны, и обычно люди не затрудняются определить, кто вправе быть третьей стороной в споре. Если, несмотря на всё это, споры по чисто научным проблемам в археологии носят такой затяжной характер, то напрашивается мысль, что это неспроста.

Брезжит догадка, что это происходит еще и потому, что в самой археологии есть какая-то двойственность, какая-то внутренняя противоречивость, основа для применения диалектики. То есть, что сама природа этой науки, как, видимо, и других подобных, противится наложению простой и ригидной схемы логической выводимости из непротиворечивых и недвусмысленных принципов.

Еще в 70-е годы, работая над осознанием предмета и методологической природы археологии, я приходил к выводам о противоречивой природе ее явлений. Есть ли в археологических источниках историческая информация? Одни были уверены, что есть, другие с жаром утверждали противоположное. Мой ответ был: и да, и нет, поскольку историческая информация вырастает из информации о прошлом в процессе ее потребления (Клейн 1978а: 36). Я говорил также о богатстве и одновременно об

информативной ущербности археологических источников (Клейн 1978а: 81), о полисемизме археологического факта (Klejn 1973: 704–705; Клейн 1978: 67, 102–104; 1987: 27–28). Стараясь определить археологическую теорию, я вынужден был рассматривать ее в сети взаимно противоположных оппозиций (Клейн 1978б). Работая над проблемами организованности археологического материала, я пришел к выводу, что типы не столько образуют культуру, сколько определяются ею и путь их осмысленного выявления лежит через осознание всего комплекса культуры (Клейн 1979; Klejn 1982; Клейн 1991).

Словом, я постепенно входил в то, что ныне западные марксисты и постпроцессуалисты стали называть «диалектической археологией» (Saitta 1989; McGuire 1992: 250). Поэтому когда в начале этого десятилетия Ян Ходдер предложил мне подготовить для Кембриджа первую Мемориальную лекцию в честь Дэвида Кларка, я вспомнил об исканиях Кларка, направленных на создание «аналитической машины», которой по его первоначальному замыслу должна была стать археология; вспомнил также и о его отказе от приравнения археологии к точной науке (science). Я избрал тему «принципы археологии», и моя кембриджская лекция положила начало этой книге.

Здесь рассмотрены только две группы принципов, лежащие в основе соответственно двух разделов археологии: интерпретации и раскопок. Один из этих разделов (раскопки) находится у самого начала стандартной исследовательской процедуры, на входе, другой (интерпретация) — у ее конца, на выходе из нее (Клейн 1978: 63–80). Между ними располагается еще много разделов, и для каждого, очевидно, могут быть сформулированы свои фундаментальные принципы, свои теоремы и королларии, свои законы и исключения. Полагаю, что, как и принципы раскопок, они, во-первых будут во многом выводными из принципов интерпретации, а во-вторых, их системы тоже расщепятся каждая на две подсистемы диаметрально противоположного смысла, продуцируя противоречащие друг другу методические требования. Это лишь дело времени, и, полагаю, недалекого.

Что ж, надо учиться как-то жить с этим новым представлением о нашей науке. Привыкать к амбивалентности критериев, к двузначности оценок, к противоречивости истин. К тому, что для каждой проблемы нет одной непреложной системы оценок и одного правильного метода решения. Это очень несоветский образ мышления, хоть марксизм, лежавший в его основе, и кичился всегда диалектикой. Но сейчас пост-советская эпоха — возможно, самое время для нового понимания науки, в частности, и такой

науки, как археология. Для извлечения действительной пользы из тех навыков диалектики, которыми мы так или иначе овладели — быть может, даже лучше, чем того хотели наши марксистские учителя.

Можно ли считать возникающую противоречивую систему подлинно научной? Это зависит от представления о науке вообще.

Англоязычный мир знает лишь одно значение слова «наука», ригористичное и узкое. Оно подходит только для обозначения тех естественных и точных дисциплин, которые полностью поддаются формализации, т. е. дисциплин, где действуют универсальные законы и где научность состоит в проверяемости гипотез — из гипотез выводятся ожидания, которые сопоставляются с новыми фактами. Именно среди этих наук есть те, которые уже обрели идеальную структуру если не «аналитической машины», то системы принципов, аксиом, теорем и методических выводов. Другие дисциплины словом «наука» не охватываются. Они отходят к ведению гуманитарного знания (humanities) и искусств (arts). Формализация в них применима лишь на некоторых участках, как и проверка гипотез по ожиданиям, а универсальность законов сомнительна и само понятие закона под вопросом. Ни одну дисциплину из этого ряда не удавалось дисциплинировать настолько, чтобы та приняла вид единой системы, в которой из нескольких взаимосогласованных принципов эксплицитно выводилось бы всё остальное.

Второе значение слова «наука», более широкое, лишь изредка и с оговорками используется англоязычными учеными, но господствует на материке Европы. Во Франции, Германии, России и других странах словом «наука» принято обозначать всякое организованное знание, основанное на опыте, проверяемое практикой и признающее лишь рациональный, разумный способ получения результатов. В рамках этого определения не требуется непременно согласование исходных принципов и единство выводимых результатов. Здесь есть место для диалектики принципов и для ее приложения к противоречивой реальности.

Археология становится строгой наукой, и в основе этого — ее осознание двойственности принципов, способность разделить сферы их воздействия и возможность возвести к ним в конечном счете всю сеть ее методов и результатов.

В «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс (Энгельс 1961: 34) выразил странное представление о принципах как о пассивном результате обобщения: «Принципы — не исходный пункт исследования, а его заключительный результат; эти принципы не применяются к природе и к человеческой истории, а абстрагируются из нее; не

природа, не человечество сообразуются с принципами, а, наоборот, принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории. Таково единственно материалистическое воззрение на предмет...»

Воззрение это, однако, представляется чересчур материалистическим: в нем суммируются поиски принципов и философски характеризуется итог, но не предусмотрены активность сознания и активная роль принципов — та, которую Эйнштейн формулировал как вторую задачу теоретика в работе с принципами: дедуцировать следствия из принципов. Тогда они — не конец исследования, а его начало! К таким исследованиям принадлежит большинство работ по археологической интерпретации. О. Р. Рэдклифф-Браун писал о них: «Гипотетическая реконструкция прошлого подразумевает определенные общие принципы, но не доказывает их; наоборот, ее результат зависит от их состоятельности» (Radcliff-Brown 1958: 41).

Удовлетвориться знанием принципов и не применять их — худший вид беспринципности. Я бы хотел, чтобы моя книга рассматривалась не как завершающее исследование, а лишь как начало работы. К сожалению, я стар, и продолжать эту работу уже не мне.

Summary

According to a traditional European understanding every discipline is underlied by some set of initial principles which determine all the basic positions of this discipline. This is expressed explicitly in hard sciences (three principles of Thermodynamics, three laws of Classical Mechanics, two fundamentals of the Relativity Theory) and implied in humanities, but it is especially difficult to separate such fundamentals in applied sciences to which archaeology belongs.

Principles, fundamentals are axiomatic. Their logical substantiation is either impossible and not desirable or in any case is outside of the given discipline — it lies in other branches of knowledge or in practice.

Archaeology is an applied discipline what is expressed in its aiming to serve other disciplines, in particular history. Therefore those laws which determine the interpretation of archaeological materials, in particular the historical interpretation, are the basic fundamentals of archaeology, its main principles.

Some archaeologists with most profound and consistent thinking sometimes when trying to ground their interpretations led their discourses till the very deep fundamentals, they searched and found such principles. However in such searching they used to isolate one or another single principle, considered them separately, and these were not always the very initial, simple and axiomatic ones.

Three of these scholars have advanced more than others in these research studies: Christopher Hawkes (1957 — «Archaeology as a science»), Robert Dunnell (1978 — «Archaeological potential of anthropological and scientific models of function») and A. B. Johansen (1984 — «Axioms i arkeologi»). Dunnell has built a scheme of interpretation as a structure in which theorems and corollaries of archaeology have been issued from initial axioms.

Analysis of these and other works has produced the conclusion 6 principles of archaeology to have been revealed in the long experience of studies:

1) determinism in material culture — the belief certain laws, regularities to act in it;

2) universalism — the conviction that these laws are universal, acting identically in the entire world; the mankind is united and subdued them equally;

3) uniformitarianism — the hope the laws are timeless: they were unchangeable in all epoches; hence actualism which legitimates laws revealed for the present to be applied to the distant past; accordingly our right to reconstruct the past on the basis of the contemporary models (e.i. ethnographic analogies);

4) systemic order assumed in culture — the notion all its components and parts to be interconnected and mutually dependent, changes in one of them being reflected in all the others;

5) the faith in regular objectification of ideas and events in artifacts: material parts of culture correlate one to one with its immaterial parts and with events which affect it — each trace has its own correlate in history;

6) sufficiency of archaeological data for historical reconstruction.

As a matter of fact archaeological interpretation is always based on explicit or implicit admitting of these principles.

However they all are subdued to doubts and harsh critique in archaeology. Moreover, just quite the opposite principles are advanced and considered as reliable by many scholars;

1) indeterminism — unbelief in determination of cultural phenomena by certain laws, the conviction evolution and history are unpredictable, the contingency and personal factors playing too important role;

2) individualization, particularism — the approach to every fact of cultural development as to unique phenomenon, which connections must be considered in the specific situation, in a context;

3) historicism — the notion every epoch differs from the others qualitatively and the cast of laws depends on the epoch, so the laws should not be transferred from one epoch into another;

4) disorder in culture: culture is considered as not sufficiently ordered system to be put as the basis for further inferences, archaeological materials in addition being fragmented and scrappy;

5) polysemism of material culture elements — archaeologists discovered that every archaeological object had not a single but many functions, and every archaeological fact many meanings; that every function can be expressed in different material forms and the choice was often made at random, one-to-one correlation being impossible;

6) fundamental incompleteness of archaeological data for the historical reconstruction.

All these principles are respectable, too, and hardly to be refutable.

Thus, the principles are placed in the logical space in pairs, in each of them principles are matched which are opposed to each other. This reminds the maxim of Nils Bohr: the most important, fundamental ideas are so deep that the reverse ideas are equally true. In hard sciences this nevertheless does not hinder scholars to elaborate non-controversial basis for the corpus of the discipline, whereas in archaeology the basis itself appears to be controversial. Even such partisan of scientification as David Clarke did not propose to convert archaeology into a hard science. He only called to convert it into an analytical discipline.

Making it into an analytical discipline presupposes to build an 'analytical machine' — the strict logical mechanism of explicit inferences from facts grounded on a non-controversial basis. Now the ideal of 'analytical machine' is realised in the modern computer. However as soon as the non-controversial basis is absent, it is not clear how to apply the virtual or real 'analytical machine'.

Suggestions concerning the making of an artificial intelligence of an archaeologist were reduced to attempt how to avoid, to pass over this difficulty: to build the scheme

of archaeological interpretation on the basis of expert system (J.C.Gardin) or of hypertext (A. Stutt and S. Shennan). Probably the most adequate structure would be the system of three interacting computers — two parallel ones with the opposite settings and the third, uniting one, supplied with a program and data for choice and balance.

This model is to some extent close to the structure of human brain with its autonomously acting hemispheres. Similar systems of controversial axioms are being elaborated in the science on computers and artificial intelligence though only with the aim to increase the speed of counting. Supposedly they may be able to introduce the new quality of computerising the archaeological interpretation.

As soon as interpretation appears to be the main aim of all the works in archaeology, the structure of its foundation affects all its branches including field archaeology. So the set of principles relevant for interpretation which means the end of archaeological research design must be relevant for its beginning, too.

Archaeologists use to think that modern methods of excavations have been formed solely under pressure of conditions in the course of field experience accumulated. In reality, however, the making of methods was determined by changes in interests and requests from those who used the discovered evidences for various scholarly and societal needs. Purposes of interpretation and reconstruction determined the demands to the field methods.

Field circumstances are so multiple and various that it is impossible to foresee all the cases and the the paltry reglamentation is unrealistic. One has to implement inventively the methods produced, and to proceed with it and moreover to create new methods is possible only due to the existence of a certain system of a few fundamental principles which archaeologists in the field follow and conform to.

Some of the principles underlying the modern methodology of excavations are traditional, remaining from the time of antiquarianism (in Russian literature they and the period they were used are dubbed hoard-seeking). These principles are:

1) artifact-focusing — it delimits the archaeological scope of objects;

2) special-seeking — the preference of effective, unique, precious finds, rarities;

3) of autentive antiquities — it means that genuine ancient finds are required, not imitations and forgeries;

4) individual attitude which postulates studying of a separate, isolated thing;

5) rehabilitative, i. e. orienting to remaking the former shape and state of ancient things.

Gradually some other principles were added aimed to cognising the society and the culture of past epochs. These principles are:

1) of animatisation — it is aimed to know the life connected with the ancient things found;

2) mass-material study — the interest to the entire material culture, to the whole complex, not merely to elitarian things;

3) comprehensivity — the allround study of all sides, all aspects of material culture and its surrounding;

4) universalism of archaeologists — the necessity of archaeologist being universally prepared to the extremely diverse field work;

5) associating — revealing the association of finds in assemblages;

6) structural — discovering large structures which in archaeological sites are mainly horizontal;

7) stratigraphic — observing the vertical succession of depositions in sites;

8) monuments saving — issuing from the fact that the remnants are scarce and only decreasing in quantity, not multiplying.

Finally, among the principles there are those that are conditioned by all-embracing and generally accepted (in all disciplines) scholarly demands to the research. Those principles are:

1) completeness of study — ideally the study must be full, without gaps and one-sidedness;

2) generalization principle — similar evidences have to be generalized and reduced by induction to brief accounts;

3) of information saving, or save copying, — the principle issuing from the understanding that every excavation is destruction of the monument;

4) of protocol recording — the idea states that not merely the finds and assemblages have to be recorded but the process of the studying as well;

5) verifiability — the essence of the scholarly attitude: each inference is to the extent scientific (scholarly) to which it is «able» to be checked up;

6) purposefulness — as means of the research are often mutually exclusive those must be selected that are in accordance with the research purpose;

7) professionalism and specialization — the trend now unavoidable in each discipline;

8) purification — in order to avoid mixing grounds and letting slip unnoticed bias, the evidence has to be cleaned out of attached information of different origin;

9) perspective — we must leave not only our inferences but also enough evidences to the next generations of scholars since their methods of investigation will be better than ours.

Many of these principles are in conflict with each other: they lead to incompatible and contradictive methodic demands. To some extent all of them can be distributed in two groups like the principles of interpretation though not so clear. Look at the following pairs (or sometimes not pairs but matches): rehabilitative principle and of authentic antiquities, animatization and purification, comprehensivity and artifact-focusing, mass-material study and special-seeking, association together with generalization and, on the other hand, individual (particularistic) attitude, completeness of study and perspective together with purposefulness, verifiability against monuments saving, structural principle vs. stratigraphic, save copying and protocol recording, universalism of archaeologists against professionalism. One can search logical ways leading from principles of interpretation to the principles of excavation methods, the dependence of the latter from the first ones.

Both systems consist of two mutually exclusive subsystems, and there is a suspicion that so are other sections of archaeology organised, too.

The choice is determined firstly by theoretical preferences of a certain school, secondly by possibilities of a compromise, thirdly by analysis of a particular situation, fourthly by delimitation of acting spheres of the principles in conflict. Dialectic must not be reduced to simply stating the contradictions, it rather has to show the paths to their settling. Only in this sense the talking can be about dialectical archaeology.

- Авдусин Д. А.* 1959. Археологические разведки и раскопки. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Амальрик А. С., Монгайт А. Л.* 1966. Что такое археология? М.: Просвещение.
- Амальрик А. С., Монгайт А. Л.* 1959. В поисках исчезнувших цивилизаций. М.: Наука.
- Артамонов М. И.* 1935. Из истории методики археологических раскопок // Проблемы истории докапиталистических обществ. № 1–2. С. 162–164.
- Арциховский А. В.* 1941. Введение в археологию. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Бор Н.* 1932/1961. Свет и жизнь // Атомная физика и человеческое познание. М.: Иностран. лит. С. 15–26.
- Вавилов С. И.* 1945. Исаак Ньютон. М.; Л.: АН СССР.
- Винкельман И. И.* 1933. История искусств древности: Пер. с нем. М.: Изогиз.
- Высоцкий Б. П.* 1961. Проблема актуализма и униформизма и система методов в геологии // Вопросы философии. № 3. С. 134–145.
- Гарден Ж.-К.* 1983. Теоретическая археология. М.: Прогресс.
- Гегель Г. В. Ф.* 1970. Афоризмы // Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет: В 2 т. М.: Мысль. Т. 2. С. 530–562.
- Генинг В. Ф.* 1983. Объект и предмет науки в археологии. Киев: Наукова думка.
- [Гильберт Д.]* 1969. Математические проблемы // Проблемы Гильберта. М.: Наука. С. 11–64.
- Городцов В. А.* 1914. Руководство для археологических раскопок. М.: Импер. Археол. Институт им. императора Николая II.
- Диринг М. Ф.* 1987. Архитектура машин для искусственного интеллекта // Реальность и прогнозы искусственного интеллекта. М.: Мир. С. 209–230.
- Егоров Д. Н.* 1923. Генрих Шлиман. Пг.: Брокгауз-Ефрон.
- Илларионов В. Т.* 1940. Опыт историографии палеолита СССР. Горький.
- Клейн Л. С.* 1961. Археология сегодня и завтра // Нева. № 12. С. 153–159.
- Клейн Л. С.* 1962. Из прошлого в будущее: (Естествознание и перспективы археологии) // Природа. № 1. С. 68–77.
- Клейн Л. С.* 1967. Глазами Шерлока Холмса // Знание — сила. № 12. С. 15–17.
- Клейн Л. С.* 1974. Рец. на книгу Р. Гахмана «Готы и Скандинавия» (R. Nachmann. Die Goten und Skandinavien. Berlin 1970) // Советская археология. № 3. С. 278–284.
- Клейн Л. С.* 1975. О сущности и границах аналитической археологии // Новейшие открытия советских археологов. Киев. Ч. III. С. 19–22.
- Клейн Л. С.* 1977. Предмет археологии // Археология Южной Сибири. Кемерово. С. 1–14.

Клейн Л. С. 1978а. Археологические источники. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та (2-е изд. — СПб.: Фарн, 1995).

Клейн Л. С. 1978б. Археологическая теория: (Проблема статуса и дефиниции) // Проблемы археологии. Вып. 2. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. С. 8–17.

Клейн Л. С. 1979. Понятие типа в современной археологии // Типы в культуре. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. С. 50–74.

Клейн Л. С. 1980. Структура археологической теории // Вопросы философии. № 2. С. 99–115.

Клейн Л. С. 1987. К вопросу о связи искусства и культуры // Искусство в системе культуры. Л.: Наука. С. 22–35.

Клейн Л. С. 1988. Стратегия синтеза в исследованиях по этногенезу // Советская этнография. № 4. С. 13–23.

Клейн Л. С. 1991а. Археологическая типология. Л.: АН СССР.

Клейн Л. С. 1991б. Рассечь кентавра: О соотношении археологии с историей в советской традиции // Вопросы истории естествознания и техники. № 4. С. 3–12.

Клейн Л. С. 1992. Методологическая природа археологии // Российская археология. № 4. С. 86–96.

Леонов Г. П. 1970. Историзм и актуализм в геологии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Геология. Вып. 3. С. 3–15.

Макаров Н., Кренке Н., Чернов С. 1990. Археология: Открытия или утраты? // Знание — сила. № 5. С. 10–15.

Март Н. Я. 1926. Скифский язык // Март Н. Я. По этапам развития яфетической теории. М.; Л.: НИИ этнич. и нац. культур народов Востока СССР. С. 336–387 (перепеч. в: Март Н. Я. Избранные работы. Т. V. Л., Соцэкгиз, 1935. С. 191–223).

Массон В. М. 1969. Развитие теоретических основ советской археологии // Теоретические основы советской археологии. Л.: АН СССР. С. 23–27.

Массон В. М. 1978. Системный подход и исследование палеоэкономических структур // КСИА АН СССР. Вып. 152. С. 30–36.

Монгайт А. Л. 1963. Археология и современность. М.: АН СССР.

Морган Л. Г. 1934. Древнее общество. Л.: Ин-т народов Севера ЦИК СССР.

Назимов В. В. 1978. Непрерывность против дискретности в языке и мышлении. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та.

Назимов В. В. 1993. В поисках иных смыслов. М.: Прогресс.

Ньютон И. 1954. Оптика. 2-е изд. М.: Гос. изд-во технико-теоретической литературы.

Печенкин Н. М. 1905. Памяти Н. Е. Бранденбурга // Артиллерийский журнал. № 7. С. 741–764.

Плеханов Г. В. 1957. О книге Г. Риккерт // Избранные философские произведения. М.: Госполитиздат. Т. 3. С. 508–515.

Равдоникас В. С. 1930. За марксистскую историю материальной культуры // Изв. ГАИМК. Т. 7. Вып. 3–4.

Регирер Е. И. 1966. О профессии исследователя в точных науках. М.: Наука.

Третьяков П. Н. 1962. Рец. на книгу Е. И. Горюновой «Этническая история Верхне-Окского междуречья» // Советская археология. № 4. С. 258–269.

Тэйлор Э. 1989. Первобытная культура. Л.: Госполитиздат.

Файнберг Е. Л. 1988. Нильс Бор, Москва 1961 // Нильс Бор и наука XX века. Киев: Наукова думка. С. 27–37.

Фелдман Дж. А. 1987. Сетевые модели // Реальность и прогнозы искусственного интеллекта. С. 137–147.

Хинтон Дж. Е. 1987. Обучение в параллельных сетях // Реальность и прогнозы искусственного интеллекта. С. 124–136.

Хьюитт К. 1987. Открытые системы // Реальность и прогнозы искусственного интеллекта. С. 85–102.

Шатский Н. С. 1965. Геология в исследованиях Чарльза Дарвина // Избранные труды. Т. IV. М.: Наука. С. 199–218.

Шатский Н. С. и др. 1951/1965. К вопросу о периодизации осадкообразования и о методе актуализма в геологии / Шатский Н. С., Косыгин Ю. А., Пейве А. В., Пуцаровский Ю. М., Херасков Н. П., Штрейф Н. А., Янин А. Л. // Избранные труды. Т. IV. М.: Наука. С. 85–101.

Эйнштейн А. 1914/1965. Принципы теоретической физики // Эйнштейн А. Физика и реальность: Сб. ст. М.: Наука. С. 5–7.

Эйнштейн А. 1933/1967. О методе теоретической физики // Собрание научных трудов: В 4 т. М.: Наука. Т. 4. С. 181–186.

Энгельс Ф. 1877–1878/1961. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат. Т. 20. С. 1–338.

Янин А. Л. 1963. Принцип актуализма и проблема эволюции геологических процессов // Пути и методы познания закономерностей развития Земли: Тез. докл. на объединенной теорет. конф. философских (методологических) семинаров научных учреждений АН СССР. М.: АН СССР. С. 1–2.

Adams W. Y. 1973. The archaeologist as detective // Variation in anthropology: Essays in honor of John C. McGregor / Eds. Lathrap D. W., Douglas J. Ann Arbor, Mich., Braun-Brunfield. P. 17–29.

Atkinson R. J. C. 1975. British prehistory and the radiocarbon revolution // Antiquity. Vol. 49, N 195. P. 173–177.

Barker Ph. 1977. Techniques of archaeological excavation. L.: Universe Books.

Beurlen K. 1935. Bedeutung und Aufgabe geologischer Forschung. I. Zur Kritik des Aktualismus // Zeitschr. für gesamte Naturwissenschaft. H. 1–2. S. 23–36.

Binford L. R. 1962. Archaeology as anthropology // American Antiquity. Vol. 28. P. 217–225.

Binford L. R. 1967. Smudge pits and hide smoking: The use of analogy in archaeological reasoning // American Antiquity. Vol. 32, N 1. P. 1–12.

Binford L. R. 1968. Rev. of «A guide to field methods in archaeology» by R. F. Heizer and J. A. Graham // American Anthropologist. N 70. P. 806–808 (quot. from reprint in L. R. Binford. An archaeological perspective. N. Y.; London: Seminar Press, 1972. P. 182–184).

Binford L. R. 1983/1988. In pursuit of the past. Decoding the archaeological record. London, Thames and Hudson.

Bohr N. 1951. Discussion with Einstein on epistemological problems in atomic physics // Albert Einstein: Philosopher — Scientist / Ed. P. A. Schilpp. N. Y.: Harper. P. 199–241.

Braidwood R. 1959. Archaeologists and what they do. N. Y.: Franklin Watts Inc.

Browne D. 1975. Principles and practice in modern archaeology. London: Hodder and Stoughton.

Buettner-Janusch J. 1957. Boas and Masson: Particularism versus generalization // American Anthropologist. N 7. P. 318–324.

Carneiro R. 1970. A quantitative Law in anthropology // American Antiquity. Vol. 35, N 4. P. 492–494.

Chang K. C. 1967. Rethinking archaeology. N. Y.: Random House.

- Chang K. C. 1967a. Major aspects of the interrelationship of archeology and ethnology // *Current Anthropology*. Vol. 8, N 3. P. 227–234, 231–243.
- Cherry J. F., Gamble C., Shennan S. (ed.). 1978. Sampling in contemporary British archaeology. Oxford, BAR Brit. Ser. 50.
- Childe V. G. 1953. The constitution of archaeology as a science // *Science, medicine and history* / Ed. E. A. Underwood. Vol. 1. London; Oxford: Oxford University Press. P. 3–15.
- Childe V. G. 1956. Piecing together the past. London: Routledge and Kegan Paul.
- Clark J. G. D. 1957. Archaeology and society. Boston, Mass.: Harvard University Press.
- Clarke D. L. 1968. Analytical archaeology. London: Methuen.
- Clarke D. L. (ed.) 1972. Models and Paradigms in archaeology // Clarke D. L. (ed.). Models in archaeology. London: Methuen. P. 1–60.
- Cotta B. 1839. Anleitung zum Studium der Geognosie und der Geologie. Dresden; Leipzig: Arnoldsche Buchhandlung.
- Courbin P. 1988. What is archaeology? An essay on the nature of archaeological research. Chicago; London: University of Chicago Press.
- Daniel G. E. 1967. The origins and growth of archaeology. Baltimore; Maryland: Penguin books.
- Daniel G. E. 1975. A hundred and fifty years of archaeology. London: Duckworth.
- Deetz J. 1970. Archaeology as a social science // *Current directions in anthropology* (Bulletin of the American Anthropological Association. Vol. 3, N 3/2). P. 115–125.
- Deetz J. (ed.) 1971. Must archaeologists dig? // *Man's imprint from the past*. Boston; Little: Brown and company. P. 2–9.
- Droop J. R. 1915. Archaeological excavations. Cambridge: Cambridge Archaeology Press.
- Dunnell R. C. 1978. Archaeological potential of anthropological and scientific models of function // *Archaeological essays in honor of Irving Rouse* / Eds. R. C. Dunnell, E. S. Hall. The Hague; Paris; N. Y.: Mouton Publs. P. 41–73.
- Emms J. R., Brough D. R. 1982. Representing the knowledge of the expert archaeologist // *Computer applications in archaeology*. P. 132–144.
- Fetten F. G. 1993. Kulturgeschichtlicher Aktualismus und Ethnoarchaologie: Thesen zu einer aktualistischen Archaologie // *Ethnographisch-Archaeologische Zeitschr.* Bd. 34. S. 317–339.
- Feyerabend P. K. 1975. Against method. London: New Left Books.
- Fischer U. 1987. Zur Ration der prahistorischen Archaologie // *Germania*. Bd. 65 (1). S. 175–195.
- Flannery K. V. 1973. Archeology with a capital S // *Research and theory in current archeology* / Ch. L. Redman. N. Y. et al.: Wiley Interscience. P. 47–53.
- Foucault M. 1966. L'archeologie du savoir. Paris: Gallimard.
- Gallay A. 1989. Logicism: a French view of archaeological theory founded in computational perspective // *Antiquity*. Vol. 63. P. 27–39.
- Gardin J.-C. et al. 1987. Systemes experts et sciences humaines: les cas de l'archeologie. Paris: Eyrolles.
- Gibbon G. 1984. Anthropological archaeology. N. Y.: Columbia University Press.
- Gibbon G. 1989. Explanation in archaeology. Oxford: Basil Blackwell.
- Gould R.A. (ed.) 1978. Beyond analogy in ethnoarchaeology // *Explorations in ethnoarchaeology*. University of New Mexico Press, Albuquerque. P. 249–249.
- Graebner F. 1911. Methoden der Ethnologie. Heidelberg: Universitätsbuchhandlung.
- Graeslund B. 1974. Relativ datering: Om kronologisk metod i nordisk arkeologi (Tor 16). Uppsala.
- Griffin J. 1956. The study of early cultures // *Man, culture, and society* / Ed. H. L. Shapiro N. Y.: Oxford University Press. P. 22–48.
- Guntau M. 1967. Der Aktualismus in den geologischen Wissenschaften. Leipzig: Deutscher Verlag für Grundstoffindustrie.
- Haag W. G. 1969. The archaeologist's presumptions // *Concepts and assumptions in contemporary anthropology* / Ed. St. A. Tyler. Athens 1969 (Southern Anthropological Society, Proceedings, N. 3). P. 45–50.
- Hachmann R. 1970. Die Gothen und Skandinavier. Berlin: Walter de Gruyter.
- Hachmann R., Kossack G., Kuhn H. 1962. Volker zwischen Germanen und Kelten. Neumunster: Wachholtz.
- Harris E. C. 1979. Principles of archaeological stratigraphy. London et al., Academic Press.
- Hawkes C. F. C. 1954. Archaeological theory and method: some suggestions from the Old World // *American Anthropologist*. N 56. P. 155–168.
- Hawkes C. F. C. 1957. Archaeology as science: purposes and pitfalls // *Archaeological News Letter* (London). Vol. 6, N. 4. P. 93–100.
- Hawkes C. F. C. 1989. [The personal story] // *The pastmasters* / Eds. G. Daniel, C. Chippindale. London: Thames and Hudson. P. 46–60.
- Hawkes J. 1968. The proper study of mankind // *Antiquity*. Vol. 42, N 168. P. 255–262.
- Hawkes J. 1980. A quest of love. London: Chatto and Windus.
- Heider K. H. 1967. Archaeological assumptions and ethnographical facts: A cautionary tale from New Guinea // *Southwestern Journal of Anthropology*. Vol. 23. P. 52–64.
- Hensel W. 1955. «Bariera dzwieków» // *Kwartalnik historii kultury materialnej*. T. 3, z. 2. S. 673–686.
- Herskovitz M. J. 1949. Man and his works. N. Y.: Alfred A. Knopf.
- Hill J. N. 1970. Broken K Pueblo: Prehistoric social organization in the American Southwest / University of Arizona // *Anthropological Papers*. N 18.
- Hill J. N. 1972. The methodological debate in contemporary archaeology: A model // Clarke D. L. (ed.). Models in archaeology. London; Methuen. P. 61–107.
- Hill J. N., Gunn J. (eds.). 1977. The individual in prehistory. Studies of variability in style in prehistoric technology. N. Y. et al.: Academic Press.
- Hodder I. (ed.). 1978. Simulation studies in archaeology. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hodder I. 1991. Reading the past. Current approaches to interpretation in archaeology. Cambridge et al.: Cambridge University Press.
- Hole F. and Heizer R. F. 1969. An introduction to prehistoric archeology. 2nd ed. N. Y.; Holt: Reinehart and Winston.
- Holubowicz W. 1948. Studia nad metodami badan warstw kulturowych w prehistorii polskiej. Torun (Towarzystwo Naukowe w Toruniu // *Prace prehistoryczne*. N. 2).
- Hrouda B. 1978. Einleitung und Beweggrunde // *Methoden der Archaologie* / Hrouda B. München: Beck. P. 13–17.
- Hutton J. 1775. Theory of the earth, or An investigation of the laws observable in the composition, dissolution, and restoration of land upon the globe. Edinburgh: The Royal Society.
- Johansen A. B. 1984. Aksiomer i arkeologi // *Det Kgl. Norske videnskabens Selskab, Museet Rapport. Arkeologisk serie* 1984, N. 1. Trondheim. P. 21–37.
- Joukowsky M. 1980. A complete manual of field archaeology. Englewood Cliffs, N. Jersey, Prentice-Hall.
- Kaiser E. 1931. Der Grundsatz des Aktualismus in der Geologie // *Zeitschr. der Deutschen Geologischen Gesellschaft*. Bd. 83, H. 6. P. 389–407.

- Kenyon K. M.* 1953. *Beginning in archaeology*. London; N. Y.: Phoenix House — Frederick Praeger.
- Klejn L. S.* 1972. On the logic of cross-cultural analysis: Comment on Kobben // *Current Anthropology*. Vol. 13, N 1. P. 131–136, 138–139.
- Klejn L. S.* 1973. Marxism, the Systemic approach, and archaeology // *Explanation of culture change: Models in prehistory* / Ed. C. Renfrew. London: Duckworth. P. 691–710.
- Klejn L. S.* 1974. Regressive Purifizierung und exemplarische Betrachtung // *Ethnographisch-Archaeologische Zeitschr.* Jg. 15, N. 2. P. 223–254.
- Klejn L. S.* 1977. A panorama of theoretical archaeology // *Current anthropology*. Vol. 18, N 1. P. 1–42.
- Klejn L. S.* 1982. *Archaeological Typology*. Oxford, BAR International Series 153.
- Klejn L. S.* 1990. Theoretical archaeology in the making: A survey of books published in the West in 1974–1979 // *Fennoscandia Archaeologic*. Vol. VII. P. 3–15.
- Kobben A. J. F.* 1967. Why exceptions? The logic of cross-cultural analysis // *Current Anthropology*. Vol. 8. P. 3–34.
- Kobylnski Z.* 1981. Badania etnoarcheologiczne a nomotetizacja archeologii // *Archeologia Polski* 26 (1). P. 7–47.
- Leach E.* 1972. Concluding address // *The explanation of culture change: Models in prehistory* / C. Renfrew. London: Duckworth. P. 761–771.
- Leroi-Gourhan A.* 1950. *Les fouilles préhistoriques (technique et méthodes)*. Paris: Picard.
- Leroi-Gourhan A.* 1963. *Sur les méthodes de fouilles* // *Études archéologiques* / P. Courbin. Paris: S.E.V.P.E.N. P. 49–57.
- Lowie R. H.* 1912. The principle of convergence in ethnology // *Journal of American Folk-Lore*. Vol. 25 (45). P. 24–42.
- Lowther G. R.* 1962. Epistemology and archaeological theory // *Current Anthropology*. Vol. 3. P. 495–509.
- Lyell Ch.* 1830. Principles of geology or the modern changes of the Earth and its inhabitants considered as illustrative of geology. London: John Murray.
- MacNeish Richard S.* 1976. *The science of archaeology?* Hamilton, Ontario: D. G. Seldon Printing Limited.
- MacNeish Richard S.* 1978. *The science of archaeology?* North Scituate, Mass., Duxbury Press.
- Malmer M. P.* 1963. Methodproblem inom jarnalderns Konsthistoria // *Acta Archaeologica Lundensia* Vol. 8, N 3).
- McGuire R. H.* 1992. *A marxist archaeology*. San Diego et al.: Academic Press.
- Moberg K.-A.* 1981. Similar finds? Similar interpretations? A spectrum of approaches // *Similar finds? Similar interpretations?* / Ed. K.- A. Moberg. Goteborg: University of Gothenburg. P. A1–A18.
- Montelius O.* 1885. Om tidsbestämning inom bronsaldern med särskild hänsyn till Skandinavien. Kongl. Vitterhets Historie och Antiquitets Akademien, Handlingar 30, ny följd 10, Stockholm.
- Montelius O.* 1899. Typologien eller utvecklingslaran tillämpad på det mänskliga arbetet // *Svenska Fornminnes föreningens Tidskrift*. Vol. 10, N 3. P. 237–268.
- Montelius O.* 1903. Die (typologische) Methode // *Montelius O. Die älteren Kulturperioden im Orient und in Europa*. I. Stockholm, Selbstverlag des Verfassers.
- Mueller J. W.* 1974. The use of sampling in archaeological survey // *Washington D. C. Society for American archaeology (Memoir 28)*.
- Mueller S.* 1884. *Mindre bidrag til den forhistoriske archaeologis metode* // *Aarboger for nordisk oldkyndighed og Historie* 1884. Kobenhavn.
- Murray M.* 1961. First steps in archaeology // *Antiquity*. Vol. 35, N 137. P. 8–13.
- Olsen O.* 1980. Rabies archaeologorum // *Antiquity*. Vol. 54, N 202. P. 15–20.
- Petrie W. N. F.* 1904. *Methods and aims of archaeology*. London: Macmillan & Co.
- Piggott S.* 1959. *Approach to archaeology*. London: Adam & Charls Black.
- Pyddoke E.* 1961. *Stratification for the archaeologist*. London: Phoenix House.
- Radcliffe-Brown A. R.* 1958. Historical and functional interpretations of culture in relation to the practical application of anthropology to the control of native people // *Radcliffe-Brown A. R. Method in social anthropology* / Ed. M. N. Srinivas Chicago: Chicago University Press. P. 39–41.
- Ragir S.* 1967. A review of techniques for archaeological sampling // R. F. Heizer, J. A. Graham A guide to field methods in archaeology. Palo Alto, Calif.: National Press. P. 181–198.
- Randall-Maclver D.* 1932. *Archaeology as science* // *Antiquity* 7. P. 5–20.
- Renfrew C., Bahn P.* 1991. *Archaeology: Theories, Methods and Practice*. London: Thames and Hudson.
- Roe D.* 1976. Typology and the trouble with hand-axes // *Problems in economic and social archaeology* / Eds. G. Sieveking et al. London: Duckworth. P. 61–70.
- Rowe J. H.* 1962. Worsaae's Law and the use of grave lots for archaeological dating // *American Antiquity*. Vol. 28. P. 129–137.
- Sabloff J. A. (ed.)* 1981. *Simulations in archaeology*. Albuquerque: University of New Mexico Press.
- Saitta D.* 1989. Dialectics, critical inquiry, and archaeology // *Critical traditions in contemporary archaeology* / Eds. A. Wylie, V. Pinsky. Cambridge, Mass.: Cambridge University Press. P. 38–43.
- Salmon M. H.* 1982. *Philosophy and archaeology*. N. Y.: Academic Press.
- Sangmeister E.* 1967. *Methoden der Urgeschichtswissenschaft* // *Saeculum*. Bd. 18, H. 3. P. 199–244.
- Schiffer M. B.* 1976. *Behavioral archaeology*. N. Y. et al.: Academic Press.
- Schliemann H.* 1881. *Ilios. Stadt und Land der Trojaner*. Leipzig: Brockhaus.
- Schwarz G. T.* 1967. *Archaeologische Feldmethode*. Thun; München: Ott.
- Shanks M.* 1992. *Experiencing the past: On the character of archaeology*. London: Routledge.
- Shanks M., Tilley C.* 1987. *Social theory and archaeology*. Cambridge: Polity Press.
- Smith J. W.* 1976. *Foundations of archaeology*. Beverly Hills: Glencoe Press.
- Smith M. A.* 1955. The limitations of inference in archaeology // *Archaeological News Letter*. Vol. 6. P. 3–7.
- Smith P. E. L.* 1970. Ecological archaeology in Iran // *Science*. Vol. 168. P. 707–709.
- Stutt A.* 1988. Second generation expert systems, explanations, arguments and archaeologists // *Computer and quantitative methods in archaeology* / S. P. O. Rahtz. Oxford, BAR Internat. series 446. P. 356–368.
- Stutt A., Shennan S.* 1990. The nature of archaeological arguments // *Antiquity*. Vol. 64, N 245. P. 766–777.
- Stutt A., Shennan S.* 1992. Designing a workbench for archaeological arguments // *Archaeology in the Information Age: A global perspective*. London, Routledge.
- Tallgren A. M.* 1936. *Sur la méthode de l'archéologie préhistorique* // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. X. P. 16–24.
- Tallgren A. M.* 1937. The method of prehistoric archaeology // *Antiquity*. Vol. 11, N 42. P. 152–161.

Tallgren A. M. 1937. The method of prehistoric archaeology // *Antiquity*. Vol. 11, N 42. P. 152–161.

Taylor W. W. 1948. A study of archaeology. Menasha, Wisconsin (American Anthropological Association Memoir no. 69).

Thompson R. H. 1956. The subjective element in archaeological reasoning // *Southwestern Journal of Anthropology*. Vol. 12. P. 327–332.

Thomsen C. J. 1836. Ledetraad til Nordisk oldkyndighed. Kjobenhavn: Kongeligt Nordisk Oldskrift-Selskab.

Tilley C. 1989. Excavations as theatre // *Antiquity*. Vol. 63, N 239. P. 275–280.

Traill D. A. 1983. Schliemann's discovery of 'Priam's Treasure' // *Antiquity*. Vol. 57. P. 181–186.

Traill D. A. 1984. Schliemann's discovery of Priam's Treasure: a re-examination of the evidence // *Journal of Hellenic Studies*. Vol. 104. P. 96–115.

Trigger B. G. 1973. The future of archaeology is the past // *Research and Theory in current archeology* / Ed. C. L. Redman. N. Y. et al.: John Wiley & Sons. P. 95–124.

Trigger B. G. 1989. A history of archaeological thought. Cambridge et al.: Cambridge University Press.

Urbanczyk P. 1981. Archeologia wspolczesnosci // *Archeologia Polski*. 26 (1). P. 49–63.

Vescelius G. S. 1960. Archaeological sampling: A problem of statistical reference // *Essays in the science of culture* / Eds. G. E. Dole, Carneiro R. L. N. Y.: Crowell. P. 457–470.

Wahle E. 1950–1951. Geschichte der prahistorischen Forschung // *Anthropos* (Fribourg, Schweiz). Bd. XLV. S. 497–538; Bd. XLVI. P. 49–112.

Walther J. 1894. Einleitung in die Geologie als historische Wissenschaft. Bd. 3. Jena: G. Fischer.

Watson P. J. 1986. Archaeological interpretation, 1985 // *American archaeology past and future: A celebration of the society for American archaeology 1938–1985* / Eds. Meltzer J. et al. Washington: Smithsonian Institution Press. P. 439–457.

Watson P. J., LeBlanc S. A., Redman Ch. L. 1971. Explanation in archaeology. An explicitly scientific approach. N. Y.; London: Columbia University Press.

Wauchope R. (ed.). 1956. Seminars in archaeology 1955 (Society of American Archaeology, Memoir 11).

Wheeler M. 1952. Archaeology and the transmission of ideas // *Antiquity* 26 (104). P. 180–192.

Wheeler M. 1954 (quot. from 2d ed. 1956). *Archaeology from the earth*. Harmondsworth: Penguin books.

Wiley G. R., Phillips Ph. 1958. *Method and theory in American archaeology*. Chicago: University of Chicago Press.

Worsaae J. J. A. 1860. Om en ny deling af Steen- og Bronzealderen // *Oversigt over det Kongl. Danske Videnskabernes Selskabs Forhandling* 1859, Kjobenhavn.

А

Аксиомы, аксиоматичность 12, 13, 18, 21, 22, 23, 25, 26, 27, 28, 29, 31, 45, 48, 82, 95, 105, 106, 109

противоречивость аксиом 45

Актуализм 5, 25, 26, 28, 29, 31, 32, 33, 34, 36, 40, 46, 100

Амбивалентность критериев 108

Аналитическая машина 46, 108, 109

Аналогии:

применимость 30, 34, 46

этнографические 27, 28, 29, 30, 37, 38, 41, 46

Антиквариант, антикварианизм 55, 58, 59, 61, 62, 66, 68, 76, 77, 79, 80

Антиномии 44

Античность 61

Антропогеография 71

Априорность принципов 20, 21

Артефакт 36, 38, 56, 57, 59, 60, 63, 64, 84, 93

Археология:

абстрактность археологии 78

аналитическая 11, 12, 16, 46, 108, 109

без раскопок 92

бытоописательная 71

как вспомогательная дисциплина 62, 67

как источниковедческая дисциплина 62

как прикладная наука 17, 18, 19, 20, 21, 46

как разновидность криминалистики 18

как (строгая, точная) наука 11, 109

как часть антропологии 13, 14

как часть социологически ориентированной истории 13, 14

классическая 15, 66

научная 56, 94

преисторическая 15

вопрос о состоятельности археологии

отрасли 19, 88, 106

советская 23, 33, 62, 64, 72, 77

спасательная 75

теоретические основы 23

Б

Бровки 73, 102

Быт 51, 63

В

Выборочное исследование 55

Г

Геология 13, 17, 68

Гипертекст 47

Гносеологический оптимизм 33

«Голое вещеведение» 56, 62

Гуманитарное знание 13, 16, 109

Д

Данные археологические 11, 15, 27, 28, 29, 33, 34, 37, 39, 45, 52, 56, 67, 79, 84, 85, 86, 100, 101

неполнота 33, 43, 46, 100, 101

Данные, сообразные задаче (relevant data) 85, 86

Детерминизм 23, 25, 26, 30, 33, 34, 35, 41, 44, 46, 99

Диалектика, диалектичность 22, 33, 101, 107, 108

Диалектика принципов 44, 45, 109

Диффузионисты 41, 59

Дневная поверхность 70

Дневник раскопок 55, 80, 81, 82, 83

Древности 18, 54, 55, 58, 59, 61, 66, 68, 72, 74, 75, 77, 81, 91, 92, 93

«Духи» 66

Е
Единство культуры народа 63
Единство человеческой природы 26, 31, 35

З
Законы, закономерности, регулярности:
историко-социологические 32
и ограничения 40, 41, 103, 104, 106
об охране памятников истории и культуры 75
общества и культуры 15, 26, 30
перекрывания 72
статистические
стохастические 35, 40
универсальные 40, 45, 103, 109
этнографические 32

И
Индетерминизм 41, 44, 99, 100
Индивидуализация, индивидуализирующий 41, 44, 97, 100
Индивидуальный подход 59, 60, 77, 93, 95, 98, 99, 100
Индивидуальные находки 58, 63, 64
Интерпретации, принципы интерпретации 6, 7, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 28, 29, 30, 31, 33, 35, 36, 38, 39, 42, 43, 47, 48, 53, 54, 56, 59, 60, 97, 98, 99, 100, 104, 106, 108, 109
Искусственный интеллект 47, 48, 104
История 38, 41, 42, 54, 59, 60, 62, 63, 65, 72, 75, 76, 78, 87, 94, 109
Историзм 42
Историко-социологической детерминации 32
История искусства 59, 60, 94
Источники
археологические 28, 32, 43, 78, 82, 83, 89, 107
исторические 32, 58, 62

К
Кессонный метод раскопок 73, 102
Клад 69, 70, 76, 80
Кладонскательский период 56, 61, 76, 92
Комплекс
архитектурный 70
замкнутый 68, 69
Комплексы
вторичные (или производные) 69,
незамкнутые 69

Комплексные экспедиции 67, 88
Компьютеры 46, 48, 104, 105
параллельные 48
Конвергентность 30
Контекстный подход 32
Контекстуализм 36
Корреляты 33, 38
Корреляция
материального с нематериальным 26,
32, 34, 38, 42, 44, 46
между формой и смыслом 25
Королларии 106
Королларий параллельности 30, 32
Криминалистика 17, 18, 57, 80
Криминалистическая трасология 18
Критерии сходства
количества 26
формы 26
простоты 24
Культурный процесс 23, 32, 35, 42, 62, 84
Культурно-функциональная детерминация 32
Культурный слой 65, 69
Курган, курганы 55, 64, 65, 66, 69, 70, 73, 74, 76, 81, 84, 90, 103

М
Марксизм, марксисты 22, 33, 34, 35, 42, 89, 107, 108
Массовый материал 23, 35, 63, 64, 74
Материализм 22, 23
Материалистическая диалектика 33
Материальная культура 7, 24, 26, 44, 38, 42, 43, 60, 61, 63, 65, 66, 67, 96, 99
Медики 51
Междисциплинарность
Междисциплинарные (комплексные) экспедиции 67
Междисциплинарный синтез 16, 43
Методика раскопок 7, 53, 54, 56, 76, 81, 89, 97, 99, 100, 101
Методологическая природа археологии 6, 7, 14, 17, 24, 107
Методы раскопок неразрушительные 84, 91

Н
Насыпной слой 65
Находки
индивидуальные 58, 63, 64
неординарные 57
особо информативные
уникальные 77

эффектные 55, 64, 95
Науки:
точные 6, 12
фундаментальные
Неартефактный материал 64
Неслучайность совпадений 26, 35
Неупорядоченность 42, 99, 100
Новая археология 33; 62, 63
Новые археологи 32, 89

О
Обнаружение *in situ* 70, 71, 81
Обобщения 38, 47, 59, 60, 69, 77, 78, 93, 96, 98, 99, 109
Общность культуры человечества 26, 30, 31, 68
Объективность 60
Оппозиции 44, 45, 97, 100, 101, 107
«Открытый лист» 75
Отсталые народы как живые ископаемые 31–32, 37
Отчет археологический 82, 83, 84
Отходы производства 64

П
Палеоантропология 31, 67, 68
Палеонтология 31, 68, 103
Памятники 21, 32, 42, 43, 51, 52, 53, 54, 55, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 66, 67, 70, 71, 72, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 81, 82, 83, 84, 86, 87, 88, 90, 91, 92, 96, 97, 102
Параллели этнографические *см. Аналогии*
Партикуляризм 41, 44, 59
Паспортизация находок 58
Повторяемость 26, 84
Подделка 58, 80, 88
Подлинность вещи 58, 80
Позитивизм 58
Полисемизм 42, 44, 99, 100, 107
Полуфабрикаты 64
«Послойно-квадратный» метод 74
Пост-процессуализм 60, 89, 101, 107, 108
Предмет 7, 8, 14
Преисторик, преистория 15, 16, 19, 37, 45
Примат производства 23
Принцип, принципы:
двоичность исходных 47
немногочисленность
простота 24, 41, 55
общенаучные 76, 77, 88, 93, 96
актуализма 5, 25, 26, 28, 29, 31, 32, 33, 34, 36, 40, 46, 100

аниматизации 62, 93, 95, 96, 98, 99, 100
антропологичности 62
артефактности 93
аутентичности находок 58, 61, 76, 93, 96, 98, 99
бережливости 74, 79, 93, 97, 98, 99, 100
вещеведческий 56, 93, 95, 97, 98, 99, 100
восстановления (восстановительный) 60, 93, 95, 96, 98, 99
всестороннего изучения материала 95, 99
детерминизма 23, 30, 34, 35, 41, 44, 46, 99
интерпретации 6, 7, 20, 21, 24, 54, 97, 98, 99, 100, 104
историзма 23, 42, 44, 99, 100
историчности 62
комплексности 63, 65, 93, 95, 96, 98, 99
компромисса 103
контекстности 44
корреляции материальных компонентов культуры с нематериальными 26, 32, 34, 38, 42, 44, 46
культурного единства 24
надежности находок 58
научности 92, 94, 96
неслучайности сходств 25, 26, 35
неупорядоченности 42, 99, 100
обобщения 77, 78, 93, 96, 98, 99
ограничения закона 40, 104, 106
опредмеченности идей и событий в вещах 33, 99, 100
ориентировки на теоретические позиции 103
относительной независимости надстройки от базиса 38
перспективы 90, 93, 97, 98, 99
познаваемости функций 24, 25, 34, 46
полисемизма 42, 44, 99, 100
полевой археологии 52
полноты исследования 33, 93, 100
проверяемости 83, 93, 97
простоты и экономности разработки 55
протокольности 82, 93, 98, 99
профессионализма и специализации 86, 93, 96, 97, 98, 99
пурификации 88, 93, 96, 97, 98, 99
раскопок 6, 7, 53, 54, 56
связи эпох 24
сенсационности 57, 93, 95, 98, 99, 100
системности 42, 99, 100

соответствий материальной формы культурному и социальному значению вещей, их смыслу 26
сопряженный, сопряженности в контексте 9, 76, 93, 96, 98, 99, 100
сохранения информации 79, 100
социальной детерминации 32, 60
социокультурной включенности 94
спасательного копирования 79, 93, 97, 98, 99
стратиграфический 72, 73, 76, 93, 96, 98, 99, 100
структурный 69, 71, 76, 93, 96, 98, 99, 100
тотального вскрытия 76, 97
традиционные 56, 76, 92, 93, 96
универсализма 31, 33, 41, 100
универсальной подготовленности 66, 93, 96, 97, 98, 99, 100
энциклопедичности 66
униформизма 24, 31, 33, 100
учета компонентов конкретной ситуации 104
целенаправленности 85, 86, 93, 97
«Принципы геологии» 5
Принципиальная неполнота, недостаточность археологических данных *см. Данные археологические, неполнота*
Принципиальная достаточность данных 33, 39
Профессионализм 86, 93, 96, 97, 98, 99
Профили 54, 73, 87, 96, 101, 102
Пурификация 88, 93, 96, 97, 98, 99, 100

Р

Разнопричинность 43
Разрезы 54, 73
Разрозненность 62
Реконструкции 23, 27, 28, 29, 33, 36, 37, 38, 39, 40, 52, 54, 56, 58, 61, 71, 96, 110
Релятивисты 59
Раскопки
журнал раскопок 80, 83
разрушительность раскопок 85
колодцем 55, 76
на снос 76
скользящей (передвижной, отступающей) траншей 55, 72
широкой площадью 70, 71, 72, 76, 96, 101, 102
спасательные 75, 86
сплошные 76

Реставрация 18, 61, 76
Романтизм 71
Рядовой материал 57, 63, 64

С

Система принципов 44, 46, 92, 97, 100, 105
внутренняя противоречивость системы 46, 95, 96, 97, 100, 109
минимизация системы 95
Системный подход 37, 42
Системность культуры, с. в культуре 26, 32, 33, 39
Скептицизм 34, 36
Следы и остатки 20, 21, 29, 31, 32, 38, 43, 61, 62, 65, 93
Случайность 25, 34, 78, 89
«Содержательное местонахождение» 55
Специализация 16, 86, 88, 96, 97
Социологические и антропологические интересы 59, 78
Сравнительно-исторический метод 36
Стадиальность 23, 30
Статистика 63, 89, 90
Стерильные прослойки
Стратиграфия 23, 31, 53, 54, 56, 72, 73, 74, 85, 102
Структурализм 71
Сходство 18, 25, 26, 30, 33, 34, 35, 42, 46
неслучайность (схожие вещи имеют нечто общее в своем происхождении) 25, 26
Сырье 64

Т

Теоремы 27, 28, 29, 32, 41, 44, 95, 105, 106, 108, 109
Теоретик 5
Теоретическая отрасль науки
теоретическая геология 5
теоретическая физика 5
Теория 6, 7, 11, 12, 13, 15, 18, 19, 34, 37, 40, 41, 51, 52, 53, 57, 89, 90, 103, 107
Тип 32, 36, 38, 41, 59, 67, 68, 77, 78, 84, 87, 107

У

Универсализм 31, 33, 34, 35, 41, 44, 46, 99, 100
Универсальные законы *см. Законы... универсальные*
Университетская подготовка археологов 68

Уникумы 55, 57, 59, 74, 95, 100
Ученые путешествия 66

Ф

Физика 5, 6, 11, 13, 17, 18, 20, 37, 45, 46, 77, 84, 106
Физики 18, 19, 45
Фиксации 79, 80, 81, 82, 83, 85, 90
Формализация 105, 108, 109
Фрагменты 33, 55, 58, 61, 62, 64
Факт археологический 20, 42, 59, 90, 107

Функции вещей 24, 27, 29, 44
Функционализм 71

Э

Эволюционизм, эволюционисты 29, 31, 34, 35, 41, 42, 71
Эволюция 16, 17, 30, 34, 35
Эквифинальность 43
Экспертная система 47
Эмпатия 60
Этнография 29, 31, 38, 67, 68, 89

А

Авдусин Д. А. 65
 Адамс В. (Adams W. Y.) 18, 117
 Амальрик А. С. 14, 64
 Антоний 78
 Аристотель 21
 Артамонов М. И. 65
 Аршиховский А. В. 14, 33
 Аткинсон Р. (Atkinson R. J.) 37

Б

Баркер Ф. (Barker P. H.) 97
 Бастиан А. 31
 Бинфорд Л. (Binford L. R.) 32, 33, 37, 38, 39, 52
 Бобринский А. А. 79
 Бойрлен К. (Beurlen K.) 36
 Борн Н. (Bohr N.) 30, 44, 45, 113
 Бранденбург Н. Е. 80, 81
 Брейдвуд Р. (Braidwood R.) 18, 56, 57, 63, 87
 Бру Дж. Р. (Brough D. R.) 42, 47
 Браун Д. (Browne D.) 5, 110
 Буше де Перг Ж. (Boucher de Perthes J.) 72
 Бэкон Ф. (Bacon Fr.) 17, 77
 Бэр К. М. 66, 106
 Бюттнер-Януш Дж. (Buettner-Janusch J.) 41
 Вавилов Н. И. 77
 Вале Э. (Wahle E.) 78, 89
 Вальтер И. (Walther J.) 36
 Веселовский А. Н. 55
 Веселовский Н. И. 79
 Весцелиус Г. (Vescelius G. S.) 89
 Винкельман И. И. (Winckelmann J. J.) 39, 59, 66, 76, 94, 105
 Вирхов Р. (Virchow R.) 66, 69
 Вишняцкий Е. М. 7
 Ворсэ Й.-Я. (Worsae J. J. A.) 68, 69, 106
 Высоцкий Б. П. 36

Г

Галлей А. (Gallay A.) 47
 Гарден Ж.-К. (Gardin J. C.) 42, 47, 113
 Гахман Р. (Hachmann R.) 89
 Гегель Г.-Ф.-В. (Gegel G. F. W.) 8, 48
 Генинг В. Ф. 14
 Герхард Э. (Gerhard E.) 64
 Гиббон Г. (Gibbon G.) 20, 24, 29
 Гильберт Д. (Guilbert D.) 48
 Глеб Святославич 59
 Голубович В. (Houbowicz W.) 73
 Городцов В. А. 80, 81, 82, 90, 91
 Готта И. (Gotta I.) 36
 Гунтау М. (Guntau M.) 31
 Гребнер Ф. (Graebner F.) 26
 Гриффин Дж. (Griffin J.) 23
 Грэслунд Б. (Graeslund B.) 68
 Грязнов М. П. 106

Д

Даниел Г. (Daniel G. E.) 23, 41, 54, 55, 81, 94
 Даниел Р. (Dunnell R. C.) 24, 27, 28, 29, 30, 31, 106, 111
 Декарт Р. (Decarte R.) 76
 Дёрпфельд В. (Doerpfeld W.) 72
 Джефферсон Т. (Jefferson Th.) 73
 Диплонский Мастер 60
 Диринг М. Ф. 48
 Диц Дж. (Deetz J.) 13, 33, 44, 51, 64, 83, 85, 91
 Друп Дж. (Droop J. R.) 51, 52, 54, 83, 95
 Дюринг Е. (During E.) 109

Е

Егоров Д. Н. 87

Ж

Жуковский М. (Joukowsky M.) 53

З

Зангмейстер Э. (Sangmeister E.) 24, 33

И

Илларионов В. Т. 85

К

Кайзер Э. (Kaiser E.) 36
 Канова А. (Canova A.) 59
 Карнейро Р. (Carneiro R.) 106
 Кеббен Э. Дж. (Koebben A. J. F.) 35, 40, 43
 Кеньон К. (Kenyon K. M.) 53, 54
 Кириак Анконский 94
 Кларк Гр. (Clark J. G. D.) 15, 18, 106
 Кларк Д. (Clarke D. L.) 6, 11, 12, 15, 16, 27, 46, 48, 106, 108
 Клейн Л. С. 5, 6, 16, 18, 29, 38, 41, 42, 75, 89, 91, 92, 103, 106, 107, 108
 Клеопатра 78
 Кобылинский З. (Kobylnski Zb.) 12, 45
 Кольдевей Р. (Koldewey R.) 77
 Колпаков Е. М. 7
 Конг О. (Comte A.) 17
 Коссак Г. (Kossack G.) 119
 Косыгин Ю. А. 117
 Котта Б. (Cotta B.) 118
 Кренке Н. А. 92
 Кривцова-Гракова О. А. 77
 Кун Г. (Kuhn H.) 119
 Курбен П. (Courbin P.) 86
 Курциус Э. (Curtius E.) 61
 Кэрролл Л. (Carroll L.) 51

Л

Лайель Ч. (Lyell Ch.) 5, 66
 Ларте Э. (Lartet E.) 72
 Лаудзер Г.-Р. (Lowther G. R.) 23
 Лаун Р. (Lowie R. H.) 35
 Леббок Дж. (Lubbock J.) 31
 Леблан С. (LeBlanc S. A.) 122
 Леруа-Гуран А. (Leroi-Gourhan A.) 37, 51, 53, 66, 71, 82
 Лич Э. (Leach E.) 41
 Лэйярд О. (Layard O. H.) 55

М

Макаров Н. А. 92
 Мак-Ниш Р. (MacNeish R. S.) 12
 Мак-Гир Р. (McGuire R. H.) 108
 Мальмер М. (Malmer M. P.) 33, 45
 Марр Н. Я. 64
 Мариетт О. (Mariette F. A. F.) 75
 Массон В. М. 23

Мельгунов С. П. 69, 70
 Меркати М. (Mercati M.) 66
 Меррей М. (Murray M.) 12
 Микеланджело 59
 Милль Дж. (Mill J.) 21
 Монгайт А. Л. 14, 64, 78
 Монтелиус О. (Montelius O.) 30, 68, 105, 106
 Морган Л.-Г. (Morgan L. H.) 32
 Мортилье Г. де (Mortillet G. de) 31, 66, 69, 72
 Муберг К.-А. (Moberg K. A.) 39
 Муравьев-Карский Н. Н. 80
 Муллер Дж. (Mueller J. W.) 89
 Муллер С. (Muller S.) 26, 32

Н

Налимов В. В. 47
 Наполеон 52, 63, 65, 78, 80
 Ньютон И. (Newton I.) 18, 19, 21, 30, 77

О

Оккам У. (Occam W.) 105
 Ольсен О. (Olsen O.) 91, 97
 Ом Г. (Om G. S.) 105

П

Пейве А. В. 117
 Петренко 79
 Печенкин Н. М. 81
 Пигготт С. (Piggott S.) 20, 41, 59, 60, 82, 87
 Пиддок Е. (Pyddoke E.) 72
 Питри Дж. Флиндерс (Petrie W. N. F.) 39, 51, 52, 64, 81, 82, 83, 85, 87
 Питт-Риверс О. (Pitt-Rivers O. H.) 77, 80
 Плеханов Г. В. 14
 Придик Е. М. 70

Р

Равдоникас В. И. 55, 79
 Раун Дж. (Rowe J. H.) 106
 Регирер Е. И. 21, 83
 Редмен Ч. (Redman Ch. L.)
 Ренфру К. (Renfrew C.) 14
 Риенцо К. ди (Cola di Rienzo) 75
 Роу Д. (Roe D.) 24
 Рэдклифф-Браун О. Р. (Radcliffe-Brown A. R.) 110
 Рэйджир С. (Ragir S.) 89
 Рэндел-МакАйвер Д. (Randall-MacIver D.) 95

С

Саблофф Дж. (Sabloff J. A.) 43

Савельев П. С. 64

Сайтафарн 80

Смит Дж. (Smith G.) 22, 42

Смит М. А. (Smith M. A.) 38

Смит Р. (Smith R. E. L.) 101

Сорокин В. С. 77

Спицын А. А. 81, 85

Статт А. (Stutt A.) 43

Стеенсон Н. (Steenson N.) 72

Стенон Н. см. Стеенсон Н.

Страхов Н. П. 36

Сэдджвик А. 36

Сэйтта Д. (Saitta D.) 108

Сэлмон М. (Salmon M. H.) 47

Т

Тайлор Э. (Tylor E. B.) 31, 32, 40

Тальгрэн А.-М. (Tallgren A. M.) 34, 35

Тамерлан 60

Тилли К. (Tilley C.) 42, 60, 84,

Толстов С. П. 88

Томсен К. (Thomsen C. J.) 68, 72

Томпсон Р. (Thompson R. H.) 32, 33, 35, 38

Торвальдсен 59

Третьяков П. Н. 34, 77, 116

Триггер Б. (Trigger B. G.) 32, 37, 40, 43, 44,
94

Трэйл Д. (Traill D. A.) 80

Тэйлор У. (Taylor W. W.) 15, 18, 36, 44, 81,
82

У

Уваров А. С. 64

Уиллер М. (Wheeler M.) 43, 51, 54, 63, 96,
102

Уилли Дж. Р. (Willey G. R.) 13

Уокоп Р. (Wauchope R.) 56

Уотсон П. Дж. (Watson P. J.) 67

Урбаньчик П. (Urbanczyk P.) 12, 13

Ф

Файнберг Е. Л. 45

Фармаковский Б. В. 73

Фейерабенд П. (Fejerabend P. K.) 103

Фелдман Дж. А. 48

Фидий 60

Филипп Македонский 60

Филлипс Ф. (Phillips Ph.) 13

Фиорелли Дж. (Fiorelli G.) 64, 65, 71

Фишер У. (Fischer U.) 41

Флэннери К. (Flannery K.V.) 101

Форд Дж. (Ford J.) 42

Фукидид 39

Фуко М. (Foucault M.) 37, 42

Х

Хааг В.-Г. (Haag W. G.) 31

Харрис Э. (Harris E. C.) 106

Хаттон Дж. (Hutton J.) 31

Хвойка В. В. 55

Хейдер К. (Heider K. H.) 38, 39, 41

Хейзер Р. (Heizer R. F.) 52, 106

Хенсель В. (Hensel W.) 91

Херасков Н. П. 117

Херсковиц Р. (Herskovitz R. F.) 37

Хилл Дж. (Hill J. N.) 33, 66, 86, 101, 106

Хинтон Дж. 48

Хлодвиг 59, 60

Ходдер И. (Hodder I.) 35, 39, 43, 60, 108

Хокс Ж. (Hawkes J.) 14, 60

Хокс К. (Hawkes C. F. C.) 19, 24, 25, 26,
30, 33, 35, 41, 43, 56, 57, 95

Хоул Ф. (Hole F.) 101, 106

Хроуда Б. (Hrouda B.) 18

Хьюитт К. 48

Ч

Чайлд Г. (Childe V. G.) 15, 39, 56, 78, 95

Чжан Гуанчжи (Chang K. C.) 30, 42, 44, 52,
53

Чернов С. З. 92

Черри Дж.-Ф. (Cherry J. F.) 89

Ш

Шатский Н. С. 36

Шварц Г. Т. (Schwarz G. T.) 74, 90

Шеннан С. (Shennan S.) 43, 47, 113

Шиффер М. (Schiffer M. B.) 30, 33, 38, 45

Шлиман Г. (Schliemann H.) 72, 73, 77, 80,
87

Штрейс Н. А. 117

Шэнкс М. (Shanks M.) 18, 42, 43

Э

Эванс А. (Evans A. J.) 73, 106

Эггерс Г.-Ю. (Eggers H. J.) 89

Эйнштейн А. (Einstein A.) 5, 6, 7, 19, 44,
92, 109

Энгельс Ф. (Engels F.) 109

Энналс Дж.-Р. (Ennals J. R.) 47

Ю

Юхансен А. Б. (Johansen A. B.) 45, 111

Я

Яншин А. Л. 36

Ярослав Всеволодович 59

ПРИЛОЖЕНИЕ

М. В. Аникович

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ И ПРИНЦИПЫ АРХЕОЛОГИИ

Новая работа Л. С. Клейна очень интересна прежде всего самой постановкой вопроса: основные принципы археологии выдвигаются как антиномии; две системы постулатов, каждая из которых внутренне логична и цельна, оказываются одинаково плодотворными в организации археологических исследований (одинаково истинными), невзирая на свою диаметрально противоположность. Такой подход многим может показаться странным, если не бессмысленным. А ведь первый шаг к диалектическому мышлению и заключается в осознании внутренней противоречивости целого!

Что ж — все мы в свое время сдали экзамен по диалектическому материализму; несметное количество публикаций посвящено восхвалению диамата как вершины философской мысли. А между тем диалектика как метод развивается легко, свободно, естественно отнюдь не в подобных работах, но прежде всего в трудах «махровых идеалистов», таких, как В. Соловьев, П. Флоренский, Л. Лосев, С. Франк. П. Флоренский отмечает диалектичность отцов церкви, разбирая, в частности, «блестящую религиозную диалектику» апостола Павла, писавшего за 1700 лет до Канта и Гегеля (см. Флоренский 1914: 162–165). Воинствующие материалисты предпочитают этого не замечать, в лучшем случае упоминая вскользь «зачатки» или «элементы» диалектического подхода у того или иного философа-немарксиста, хотя в их собственных трудах диалектические рассуждения редко идут дальше школьных примеров (знаменитый спор Ленина с Бухариным о том, что такое стакан). Превознося на словах диалектику как «теорию и метод», воинствующий материалист на практике обычно вспоминает о ней лишь тогда, когда

* В Приложении помещены некоторые отзывы и рецензии, полученные после обсуждения моих докладов «Принципы археологии» и «Принципы полевой археологии», прочитанных в Европейском университете в Санкт-Петербурге. (Прим. авт.)

ему нужно оправдать явную бессмыслицу, наподобие той, что «пролетарский» террор есть высшая форма современной демократии.

Видимо, прав был мой друг, продолжает Флоренский, сказавший мне много лет назад: «Ты считаешь себя диалектическим материалистом? Но само это сочетание — “диалектический материализм” — искусственная конструкция, нежизнеспособная и даже нелепая. Тебе все равно придется в конце концов выбирать, что дороже — материализм или диалектика».

Опыт истории человеческой мысли показывает, что, разбирая достаточно глубоко действительно серьезную, принципиально важную проблему — методологическую, философскую или религиозную, — мы неизбежно сталкиваемся с антиномиями. Вот почему антиномический характер основных принципов археологии для меня — совершенно естественный результат, обусловленный более глубинными причинами: принципиальной противоречивостью самого исторического познания. Вот почему я никак не могу согласиться с Л. Б. Вишняцким в том, что здесь вообще нет никакой проблемы, поскольку археологическое исследование вообще не обладает исходными основополагающими принципами. Иной вопрос, а правильно ли сформулированы в обсуждаемой работе эти принципы? Правильно ли построена антиномия? Но здесь я предпочитаю воздержаться от поспешных суждений — «за» или «против». Нужно обдумать положения статьи более тщательно, еще и еще раз возвращаясь к самому тексту.

Но одно замечание должен высказать уже сейчас. Только сформулировать антиномию недостаточно; необходимо предположить тот или иной вариант ее разрешения. Если Кант предлагает решение своих антиномий «чистого разума», если Флоренский пытается решить догматические антиномии христианства, то уж для археологических-то антиномий движение в этом направлении совершенно необходимо. Но и здесь я предпочитаю пока воздержаться от поспешных шагов, лишь отмечая, что шаги эти, так или иначе, неизбежны.

Статья Л. С. Клейна для меня интересна и дорога еще по одной причине. Примерно десять лет назад я тоже пытался сформулировать основные принципы археологии, но подойти к ним иным путем: «сверху», от основных принципов исторического познания. Тогда мне казалось, что работа эта не вызовет больших затруднений. Однако довольно быстро пришлось убедиться в том, что такие представления наивны. Предложить законченный вариант такой разработки я не могу и сейчас, но все же хотел бы поделиться с коллегами некоторыми соображениями, касающимися исторического познания в целом и определения в нем места археологии, поскольку последняя проблема затрагивается в обсуждаемой книге.

Возможно ли научное познание прошлого? Вопрос этот далеко не праздный. В самом деле, как можно говорить о научном познании объекта, принципиально недоступного непосредственному восприятию? Объекта, с которым не только невозможно поставить эксперимент, но который нельзя даже наблюдать в его полноте и цельности? Можно ли научно обосновать законы процесса, который сам по себе единствен, неповторим и даже недоступен непосредственному наблюдению? И как доказать истинность этих законов, если их все же удастся вывести, когда проблематичным является даже доказательство истинности исторического факта?

Для тех, кто свято убежден в том, что только научный способ познания адекватен реальности, для кого «научность» и «истинность» — синонимы, подобные вопросы, издавна стоящие перед философией и методологией истории, имеют роковое значение. Можно, конечно, ссылаться на то, что история слабо развита в научном отношении, и уповать на будущее, когда история, как и «всякая наука, должна определенным образом созреть для того, чтобы успешно пользоваться математическим аппаратом. Именно в этом смысле, как известно, высказался Карл Маркс, отмечая использование математики как уровня совершенства той или иной науки» (Колчин, Маршак, Шер 1970: 3). В этом гипотетическом состоянии, очевидно, история должна предстать в конце концов «настоящей» наукой — не хуже физики. Но сама возможность достижения такого состояния, или хотя бы приближения к нему, крайне сомнительна, ибо за две с половиной тысячи лет развития исторического познания она не находит сколько-нибудь серьезных подтверждений. Можно уверовать в то, что единственно подлинное научное историческое познание уже дано в системе исторического материализма; можно в качестве ответа на любой неприятный вопрос цитировать или пересказывать классиков марксизма-ленинизма. Однако опыт стран «социалистического содружества» показал, что такую веру можно культивировать лишь методами, не имеющими ничего общего с научным познанием. Причем вера эта в конце концов неизбежно терпит крах, невзирая на всю весомость «аргументации», проводимой тоталитарными режимами.

Приходится признать: если квинтэссенцией научного познания выступает «сильная версия» науки (а для отказа от этого постулата нет убедительных оснований), то, действительно, идеалом научного познания выступает физика. Для исторического познания, развертывающегося в совокупности общественно-исторических дисциплин, идеал этот недостижим по самой их природе, следовательно, дисциплины эти в данной оценочной системе неизбежно должны третироваться как науки даже не второго, а третьего сорта — где-то за биологией.

Но для тех, кто рассматривает научное познание лишь как одну из форм человеческого познания, отнюдь не обладающую исключительным правом выступать от имени истины, ситуация предстает совсем в ином свете. В историческом познании на первый план выступает то обстоятельство, что здесь отчетливо, «на равных», проявляются, действуют все эти формы: и научная — постольку, поскольку она действительна в этой сфере, и эτικο-эстетическая — особенно в гражданской истории, и философская — в методологии и философии истории, и религиозная — в том, что Даниил Андреев называет «метаисторией» (Андреев 1992). Адекватность исторического знания исторической реальности обеспечивается не какой-то одной из этих форм познания, но адекватностью применения каждой из них — в тех границах и отношениях, где данная форма имеет преобладающее значение; гармоничностью их сочетания и обоснованностью взаимодействия в общем процессе достижения исторического знания как целого. При таком взгляде само представление о физике как «идеале» лишается смысла: становится ясным, что ее развитие в рамках преимущественно одной научной формы познания есть, скорее, ограниченность, обусловленная сравнительной простотой предмета исследования, нежели совершенство.

В сказанном выше я вижу главный смысл и оправданность проводимого в английском языке терминологического разделения того, что мы называем «науками», на «Science» и «Humanity». Нужно только иметь в виду, что при достаточно глубоком рассмотрении вопроса, граница несколько расплывается: оказывается, что распространенные представления о верификационной строгости «science» сильно преувеличены. Мне уже приходилось писать о том, что убеждение в безусловной доступности объекта естественнонаучных исследований чувственному восприятию в очень многих случаях ошибочно, и потому отграничение его на данном основании от объекта исторических исследований некорректно (Аникович 1988а: 77–80; 1988б: 218–219). Более глубокие принципиальные обоснования исходной ограниченности научно-рационалистического познания «предметного мира» развивались неоднократно после Канта философами разных направлений, и эти обоснования звучат, для меня во всяком случае, несравненно убедительнее (особенно: Франк 1990) марксистской критики кантианской «вещи в себе» с помощью ализарина (Энгельс 1961: 284).

Конечно, проводимый здесь взгляд на историческое познание не имеет ничего общего с основными принципами исторического материализма. Воспитанный в советской школе, я предвижу одно из главных возражений: «Вы подменяете научный подход к изучению истории иррационализмом и мистикой!» Такого рода упреки несостоятельны во всех отношениях.

Во-первых, отрицать научное познание вообще и признавать его принципиальную ограниченность — вещи сугубо различные.

Во-вторых, признание ограниченности научной формы познания не только не препятствует ее развитию но даже способствует ему: исследователь, придерживающийся таких взглядов, не имеет и нужды вваливать на науку вопросы, находящиеся вне ее компетенции, а поэтому в пределах научного познания будет особенно стремиться соблюдать «правила игры», принятые в этой области, быть предельно строгим. И, напротив, тот, кто в познании придает серьезное значение только науке, неизбежно вынужден отступать от методико-методологической строгости — как в самой постановке вопросов, так и в способах их решения. Примерам такого рода несть числа, — вспомним хотя бы многостраничные очерки о «малосыйском искусстве» или ачинском «календаре пяти планет Солнечной системы», выдаваемые их автором за великие научные открытия (см. Ларичев 1978, 1980 и др.), но в действительности не имеющие к науке никакого отношения (см. Любин, Абрамова, Борисковский 1981).

В-третьих, если двести лет назад, может быть, и были основания видеть в религии непримиримого врага науки, то сейчас, в конце XX века, мы могли многократно убедиться в том, что атеистическое мракобесие ничуть не лучше мракобесия церковного. Пожалуй, даже хуже, ибо, борясь с наукой методами, ничуть не уступающими методам испанской инквизиции в период ее расцвета, оно лицемерно выдает себя за последнее слово в науке. Вспомним хотя бы гонения на теорию относительности, генетику, кибернетику... Достаточно жестко ограниченное собственными «правилами игры» (известно, что в науке способ достижения результата не менее важен, чем сам результат) научное познание совершенно не терпит постороннего идеологического диктата; в исследовательских направлениях и выводах оно должно быть абсолютно свободным от подобных воздействий. Религиозные мыслители давно осознали, что честное и свободное научное исследование никак не может повредить вере*, и не только не боятся достигнутых результатов таких исследований, но активно используют их в собственных разработках. Для воинствующих атеистов, напротив, характерно стремление во чтобы то ни стало «подправить» научные данные, если последние могут, по их мнению, хотя бы косвенно задеть основной символ атеистической веры: «Бога нет, это медицинский факт!». Так, для И. А. Кривелева

* Ученые всегда выдвигали новые теории, сменявшие одна другую, и лишь непонимание границ научного познания и веры провоцировало в прошлом конфликты между наукой и религией (см. Мень 1991: 294).

легче трактовать палеолитическую пещерную живопись как произведение «свободного художника, такого Модильяни XX тысячелетия до нашей эры, который «просто отдавал дань своему «хобби» в тех местах, куда забрасывала его судьба, и в тех случаях, когда у него было для этого свободное время» (Кривелев 1984: 50–51), нежели допустить мысль о связях этой живописи с магией и мифологией, вопреки всем имеющимся научным данным.

Итак, на вопрос, вынесенный в заголовок раздела, можно дать следующий ответ. Прошлое познаваемо, в том числе и научными методами. Прошлое в принципе доступно научному познанию лишь постольку, поскольку оно непосредственно включено в настоящее и тем самым доступно нашему чувственному восприятию.

Два пути самоопределения археологии как науки. Одно из наиболее широко распространенных в советской археологии и в корне ложных представлений заключалось в том, что именно марксистская, и только марксистская, археология способна формироваться и развиваться как историческая наука, выдвигающая и реализующая на практике требование «видеть за вещами человека», в противовес «буржуазной археологии», якобы занимающейся «чистым вещеведением», изучением вещей в отрыве от социально-экономических отношений, от исторического процесса. Пресловутый буржуазный археолог-вещевед, сознательно или по недомыслию служащий интересам буржуазии, на протяжении десятилетий выступал в нашей науке самым настоящим пугалом, с которым археологи-марксисты обязаны были неустанно бороться, руководствуясь идеями «самого передового в мире марксистско-ленинского учения».

Лично для меня самым убедительным опровержением таких воззрений явился собственный опыт. После окончательного разрыва с марксизмом мне пришлось пересмотреть многие прежние взгляды, но при этом не возникло ни внутренней потребности, ни логических оснований для отказа от тезиса, которому я следовал со студенческой скамьи: археология — наука, относящаяся к области исторического познания (или короче: археология — историческая наука).

Есть и более основательные, объективные аргументы. Так, ни один из русских археологов дореволюционной школы и не предполагал изучать вещи сами по себе, в отрыве от человека, от общественных отношений. Граф Уваров даже включал в круг интересов археологии некоторые письменные источники, поскольку в них отражен быт древних обществ, являющийся, по его мнению, предметом археологии (см. Уваров 1878). Историческая направленность явственно выступает и при разборе методологических концепций зарубежной археологии. Наиболее яркий пример — взгляды английского философа, историка и археолога

Р. Дж. Коллингвуда. Как философ истории он никогда не был близок к историческому материализму. А между тем ни один из археологов-марксистов не смог раскрыть значение археологии в процессе исторического познания так глубоко, как это сделал идеалист Коллингвуд: именно археология дает новое понимание роли источника в процессе исторического познания, лежащее в основе перехода от донаучной «истории ножиц и клея» к подлинно научной истории (см. Коллингвуд 1980).

Но при этом я считаю вполне реальным и очень важным вычленение двух основополагающих и сильно различающихся между собой направлений в формировании археологии как науки — только граница между ними проводится не по принципу: «марксистское — немарксистское», а на основе тех двух подходов к проблеме познания, о которых говорилось в предыдущем разделе. Учитывая большую широту русских терминов «наука», «научный», назовем одну из версий определения археологии «сайенсной», вторую — «гуманитарной».

«Сайенсная» версия археологии ориентирована на научность как на совершенную, по существу, — единственно «настоящую» форму познания, основанную на изучении объектов, непосредственно доступных чувственному восприятию. Не случайно в ней исключительно важное внимание уделяется таким непосредственным объектам исследования: особенности археологии как науки определяются в первую очередь особенностями археологических источников.

Любопытна история этого направления в русской и советской археологии. Впервые определение археологии на основе специфики вещественных источников было сформулировано еще в 1874 г. П. В. Павловым, четко связывавшим свой подход с гносеологией позитивизма. Павлов, однако, полагал, что археология должна изучать историческое прошлое, — насколько оно выражено «в материальных памятниках», — развиваясь, таким образом, параллельно истории, базирующейся на письменных источниках (см. Протоколы заседаний Съезда 1878: XVIII–XIX).

В дальнейшем эта концепция параллелизма, уже в качестве «марксистской» и без ссылок на первоисточник, многократно излагалась в советской науке в ряде «констатирующих определений», содержание которых сводилось к известной формуле: «археология — история, вооруженная лопатой».

Ю. Н. Захарук, попытавшись дать методологическое обоснование «концепции параллелизма», пришел к весьма нетривиальному выводу об отсутствии у исторического прошлого как онтологического, так и гносеологического статусов (см. Захарук 1981: 10). Правда, после столь радикальной расправы с прошлым теряют всякий смысл его собственные декларации о том, что археология — историческая наука, изучающая

«феномены прошлой исторической действительности», что необходимо стремиться к объективному и всестороннему отражению этой действительности, в силу чего возникает потребность в синтезе исторических дисциплин и т. п. Но зато такая трактовка исторического прошлого, превращающая его в абсолютно непознаваемое «ничто», может служить прекрасным методологическим фундаментом концепции, принципиально выводящей, удаляющей археологию из сферы исторического познания, трактующей ее как науку о вещном мире, «археологическом универсуме», в котором «исторической информации не содержится» (Григорьев 1973, 1981).

Базируясь на общей гносеологической платформе, сводящей объект науки к совокупности чувственно воспринимаемых объектов, Г. П. Григорьев более логичен в выводах по сравнению с П. В. Павловым, не говоря уже о Ю. Н. Захаруке. В самом деле, что общего между извлеченной из слоя совокупностью артефактов и текстом какой-нибудь летописи? И почему нужно думать, что изучение «археологического универсума» может дать достоверные сведения о чем-то ином, отличном от него, и к тому же недоступном никакому чувственному восприятию? Что же касается возможностей строго научного изучения закономерностей этого универсума, они поистине безграничны: ведь совершенно ясно, что одной только морфометрией каменных изделий можно заниматься до бесконечности. Так, в концепции Г. П. Григорьева «сайенсная» версия археологии приобретает наиболее обоснованное, цельное и законченное выражение; некоторые мелкие и второстепенные противоречия в его взглядах в принципе легко устранимы.

«Гуманитарная» версия археологии, напротив, ориентирована на специфику исторического познания. Конечно, здесь совершенно не достаточно заявить, что «археология — историческая наука», и на этом успокоиться. Необходимо прежде всего установить ее место в системе исторических дисциплин, обосновать методологические, методические и понятийные связи с другими дисциплинами, прежде всего с «соседними». Мои взгляды в этом отношении аналогичны взглядам Л. С. Клейна: археология как самостоятельная наука, отличная от других наук исторического профиля («археология в узком смысле слова», «археология de jure»), может реализовываться только как источниковедческая дисциплина, как один из разделов исторического источниковедения (см. Аникович 1988а, б). Такой взгляд на археологию также имеет исторические корни в отечественной науке: я усматриваю их во взглядах С. А. Жебелева и В. И. Равдоникаса, хотя четкая формулировка, тем более детальная разработка этой концепции, у них отсутствуют (см. Аникович 1989: 14–15; 1990: 26–27).

Разумеется, единство взглядов в главном — в определении археологии как источниковедческой дисциплины — не исключает возможности разногласий, в том числе достаточно серьезных. Рассмотрим некоторые из них.

Археология — «Science» или «Humanity»? При логическом разделении исторического познания на отдельные дисциплины («науки»), находящиеся во взаимной связи друг с другом, нетрудно заметить, что дисциплины эти «сайенсированы» в разной степени. На противоположных полюсах, очевидно, находятся: с одной стороны источниковедческие дисциплины, в первую очередь археология, «сайенсированность» которой особенно велика даже в ее гуманитарной версии, а с другой — метаистория, чья связь с научной формой познания на первый взгляд кажется равной нулю. Это обстоятельство вселяет надежды в сторонников формирования археологии как науки о закономерностях археологического универсума на то, что в конце концов она сможет оформиться как подлинная «Science». Оно же приводит Л. С. Клейна к стремлению снять сам вопрос, объявить его не имеющим значения применительно к археологии.

Такой подход представляется мне как стороннику «источниковедческой версии» непоследовательным. Главное в том, на что следует ориентироваться в первую очередь при разработке методико-методологических основ археологии и ее понятийного аппарата: на «сильную версию» науки или на методологию истории, реализующуюся в пределах «слабой версии»? Я считаю, что только во втором случае она сможет успешно и целенаправленно развиваться как историческая источниковедческая дисциплина. А поскольку для меня эти версии — отнюдь не «различные синхронные срезы на общем стволе развития научного познания» (Ракитов 1982: 130), а, скорее, срезы двух параллельно растущих познавательных стволов, то на поставленный вопрос я могу дать вполне однозначный ответ: несмотря на то что изо всех общественно-исторических дисциплин археология является наиболее «сайенсированной», она тем не менее по своей природе, методологическим основам, целям и задачам бесспорно относится к «Humanity».

Археология: фундаментальная или прикладная наука? С позиций сторонников «сайенсной» версии археологии фундаментальный характер этой науки достаточно очевиден, и спорить здесь, казалось бы, не о чем. Тем не менее я хочу обратить внимание на одно обстоятельство, которое, нисколько не лишая нашу дисциплину ее прикладного характера, позволяет одновременно увидеть в ней черты фундаментальной науки. Дело в том, что, как отмечалось в конце первого раздела, научное познание прошлого возможно лишь потому, что оно частично включено в настоящее, через исторические источники. В этом отношении комплекс

источниковедческих наук выступает не только в роли «обслуги» комплекса собственно исторических наук, но прежде всего как их фундамент, без которого немислима сама возможность научного познания прошлой действительности. Именно археологии принадлежит в этом отношении исключительно важная роль, что было раскрыто Р. Дж. Коллингвудом. Вот почему в ответе на поставленный вопрос я склонен быть менее определенным, чем Клейн, и сформулировать еще одну антиномию, археология является одновременно и прикладной и фундаментальной дисциплиной.

Две версии археологии как теза и антитеза. Если смотреть на каждую из двух версий археологии со стороны ее оппонента, она неизбежно предстает как заблуждение, ошибка: Для Григорьева заблуждаюсь я, для меня заблуждается Григорьев. Но гораздо интереснее посмотреть на обе версии со стороны, «извне»: при таком взгляде становится очевидным, что каждая из них способна выразить себя и в дальнейшем развиваться в качестве цельной, логически непротиворечивой концепции и по-своему успешно анализировать археологические источники. В совокупности они предстают как антиномия, как теза и антитеза, в основе которых лежат различные мировоззренческие взгляды на саму природу человеческого познания. Невольно возникает вопрос: не являются ли антиномии, сформулированные Л. С. Клейном, конкретным проявлением этой «большой» антиномии?

Такой взгляд на ситуацию важен еще и тем, что позволяет, наконец, в полной мере осознать, что в научных оппонентах, придерживающихся иных воззрений даже по основополагающим мировоззренческим вопросам, нужно видеть не врагов, которых следует во что бы то ни стало сокрушить, изгнать из науки, а коллег, чьи взгляды нужно прежде всего постараться адекватно понять, исходя из того, что они имеют точно такое же право на существование как и твоя собственная точка зрения. Убежден, что только такой подход обеспечивает успешное развитие любой науки.

Литература

- Андреев Д.* 1922. Роза Мира. М.: Иной Мир.
- Аникович М. В.* 1988а. О месте археологии в системе общественных наук // Категории исторических наук. Л.: Наука.
- Аникович М. В.* 1988б. «Три уровня археологического исследования» или три ступени исторического познания? // Советская археология. № 1.
- Аникович М. В.* 1989. Проблема определения археологии как науки в русской дореволюционной археологии // Истории об истории. Омск: Изд-во Омск. ун-та.

- Аникович М. В.* 1990. Проблема определения археологии как науки в советской археологической литературе тридцатых-шестидесятых годов // История археологических исследований Сибири. Омск: Изд-во Омск. ун-та.
- Григорьев Г. П.* 1973. О предмете археологии // Тез. докл. сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент: ФАН.
- Григорьев Г. П.* 1981. О предмете археологии // Описание и анализ археологических источников. Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та.
- Захарук Ю. Н.* 1981. Методологические проблемы археологической науки: Автореф. докт. дис. М.
- Коллингвуд Р. Дж.* 1980. Идея истории. М.: Наука.
- Колчин Б. А., Маршак Б. И., Шер Я. А.* 1970. Археология и математика (вместо предисловия) // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: «Наука».
- Крывелев И. А.* 1984. К вопросу о связи палеолитического искусства с первобытной религией // Религия первобытного общества в свете современных данных. Л.: ГМИРиА.
- Ларичев В. Е.* 1978. Скульптура черепахи с поселения Малая Сья и проблема космогонических представлений верхнепалеолитического человека // У истоков творчества. Новосибирск: Наука.
- Ларичев В. Е.* 1980. Пещерные чародеи. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное изд-во.
- Любин В. П., Абрамова З. А., Борисковский П. И.* 1981. Результаты ознакомления специалистов с материалами В. Е. Ларичева // Советская археология. № 4.
- Мень А.* 1991. Сын Человеческий. М.: P.S.
- Протоколы заседаний Съезда. 1878.* Протоколы заседаний Съезда. I. Общие собрания. 1878 // Труды Третьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года. Т. I. Киев: Типография Императорского университета св. Владимира.
- Ракитов А. И.* 1982. Историческое познание. М.: Изд-во полит. литературы.
- Уваров А. С.* 1878. Что должна обнимать программа для преподавания русской археологии и в каком систематическом порядке должна быть распределена эта программа? // Труды Третьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года. Т. I. Киев: Типография Императорского университета св. Владимира.
- Флоренский П. А.* 1914. Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М.: Путь. (Репринтное переиздание 1990. М.: Правда.)
- Франк С. Л.* 1990. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // Франк С. Л. Сочинения. М.: Правда.
- Энгельс Ф.* 1961. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. М.: Гос. изд-во полит. литературы.

В ЗАЩИТУ БЕСПРИНЦИПНОСТИ*

«Все мое», — сказала злато;
«Все мое», — сказал булат.
«Все куплю», — сказала злато;
«Все возьму», — сказал булат.

А. С. Пушкин

«Ну и что?» — сказала злато;
«Ничего», — сказал булат.
«Так ступай», — сказала злато;
«И пойду», — сказал булат.

А. К. Толстой

Обсуждаемая статья имеет два несомненных достоинства: она интересно написана и будит мысль. Для археологической литературы и то и другое — редкость, для работ Л. С. Клейна — неотъемлемое свойство, а для его читателей — нечто привычно ассоциирующееся с именем автора и потому заранее ожидаемое. Однако в данном случае перед нами не исследование в собственном смысле. Жанр «Принципов археологии» я бы определил, скорее, как размышление (или рассуждение). Разница между первым и вторым проста: для размышления достаточно иметь тему, для исследования же, кроме темы, необходима еще и проблема. Тема у статьи есть, и весьма увлекательная, а вот с проблемой, на мой взгляд, дело обстоит не столь благополучно.

Утверждение, что «в основе каждой науки лежит некий набор исходных принципов», и само-то по себе сомнительно (пусть оно и соответствует «европейскому пониманию»), но, даже если для некоторых точных наук это действительно так, непонятно, почему (и кем) то же «подразумевается» для наук гуманитарных. Равнение на физику — не более чем следствие комплекса научной неполноценности, которым страдают гуманитарии и чуть ли не в самой тяжелой форме — археологи. В этом смысле стремление обзавестись принципами сродни недавней моде на «формализацию», которую почему-то считали (или все еще считают?) критерием развития науки. «У них принципы — а мы чем хуже? У каждой порядочной науки должны быть принципы». Так возникает псевдопроблема. «Псевдо» — потому что действительные проблемы вырастают изнутри науки, из ее насущных потребностей и

задач, а не из желания уподобить ее некоему идеалу, чтобы все было «как у людей». Таким образом, я считаю, что «Принципы археологии» — это попытка дать ответ на вопрос в значительной степени надуманный и к тому же не слишком четко сформулированный. А каков вопрос, таков и ответ.

Те шесть пар взаимопротиворечивых постулатов, которые предлагает считать принципами археологии Л. С. Клейн, являются, по-моему, началами чего-то большего, чем археология. Да, их полезно иметь в виду археологу, но преимущественно тогда, когда он выходит за рамки своей основной профессии и выступает как преисторик, историк, культуролог. Неверно, что роль основных начал археологии играют «те законы, которые определяют интерпретацию археологических материалов, в частности историческую». Неверно хотя бы потому, что такая интерпретация находится за пределами самой археологии, науки историко-лингвистической, прикладной (что археологи осознали, кстати, благодаря самому Л. С. Клейну). Все шесть пар вполне применимы, скажем, к этнологии, а с некоторыми незначительными, не имеющими принципиального значения изменениями, и к другим наукам, к изучению культуры вообще. Собственно говоря, если не считать последнюю оппозицию (а ее вполне можно не считать, поскольку она никак не связана с предыдущими пятью и явно «не тянет» на «закон», т. е. не отражает никаких свойств древней культуры или культуры вообще), то ничего специфически археологического в перечне предлагаемых принципов просто не останется!

Есть ли вообще необходимость искать и надежда отыскать какие-то общие для археологии принципы? Я думаю — нет. Возможны, видимо, лишь принципы конкретных исследовательских операций, принципы археологических исследований, имеющих общую направленность, как то: принципы раскопок, классификации и разных ее видов, хронологии, периодизации, сравнительного анализа и т. д. Это методологические принципы, т. е. нечто совсем иное, чем приводимые Л. С. Клейном в качестве примеров начала термодинамики и законы классической механики, описывающие закономерности, выявленные в объективной реальности. С последними можно было бы еще сопоставить какие-то законы функционирования или исторического развития культуры и общества (если признавать существование таковых), но их никак не назовешь законами (принципами) археологии.

Впрочем, допустим все же, что единые принципы археологии существуют и что именно они выделены Л. С. Клейном. А что с ними делать дальше? У меня возникло впечатление, что автор сам не знает, куда их приспособить, как пристроить к делу, почему и ошарашивает читателя пассажем об «аналитической машине» и «искусственном интеллекте»

* Публикуемый отзыв полностью посвящен первой части труда Л. С. Клейна — «Принципы археологической интерпретации».

археолога» (неужели это всерьез?). Конец статьи вследствие этого явно «смазан» — он выглядит столь же искусственно и неубедительно, как и ее начало.

Нет, я не против принципов вообще. Более того, я знаю один, который обязателен для любой науки и любого исследователя. Он заключается в том, чтобы не связывать себя заранее никакими принципами, сколь бы фундаментальными и незыблемыми они не казались. При этом об их существовании или о попытках их выделения надо знать, и потому прекрасно, что в нашей литературе появилась такая работа, как «Принципы археологии».

В. А. Трифонов

ПОЛЕВАЯ АРХЕОЛОГИЯ: ПРИНЦИПЫ И ПРИОРИТЕТЫ

(по поводу доклада Л. С. Клейна
«Принципы полевой археологии»)

Едва ли те, кому впервые довелось слышать этот доклад, были готовы к достаточно неожиданному выводу о регламентации полевой археологической деятельности 22 принципами, взаимная связь и противоречивость которых определяют все многообразие полевой практики. Настороженность вызвало не столько число принципов, сколько отсутствие обычной для Л. Клейна изящной системности и логичности в обосновывании выделения принципов. По мере исчезновения первоначального обаяния фундаментальности анализа очевидным становится, впрочем, особенно и не скрываемый, метод выделения принципов путем скрупулезной фиксации исторически сложившейся практики принятия решений на разных этапах полевых исследований. Таких принципиальных поворотных пунктов процедуры Л. Клейн насчитал 22, не настаивая на полноте списка. Смущение, внесенное количеством принципов и неясной возможностью дополнений, усиливает туманность оснований, по которым принципы выделены. Ведь каким бы детальным не было описание процедуры, оно едва ли объяснит сущность ее структуры и содержания. Проще говоря, основания принципов полевой археологии лежат за пределами самой процедуры и зависят от целей этой деятельности и природы ее объекта. То есть в докладе Л. Клейна следовало бы ожидать прямого ответа как минимум на два нетривиальных вопроса: в чем основная цель полевой археологии и что представляет собой ее основной объект. Если я не ошибаюсь, этому, на мой взгляд, вполне очевидному подходу Л. Клейн предпочел тот, в результате которого и был получен

банально правдоподобный перечень целей, мотивов, правил и принципов полевой практики. Вполне понятно едва скрытое разочарование и упреки в непрактичности, с какими выводы были встречены аудиторией семинара. Инвентарная опись принципов, сколько бы полной она не была, еще не система принципов, знание которой открывает доступ к осознанию сущности полевой археологии и возможности преднамеренной корректировки полевой практики.

Универсальные принципы полевой археологии. Полевая археология — всего лишь разновидность научной деятельности, направленной на исследование и реконструкцию культурного пространства различных эпох, существующего в виде так называемых археологических памятников, культурно-исторических ландшафтов и прочих материальных проявлений человеческой деятельности. Из этого следует, что гуманитарность, или, иначе говоря, культурная антропологичность полевой археологии, является ее родовым признаком. Культурно-антропологический принцип означает, что любая археологическая деятельность (и в первую очередь полевая) невозможна прежде, чем явления культуры будут выделены из окружающей природы. Подобная классификация — естественное отражение глобального противостояния природы и культуры. Небанальность этой работы особенно заметна там, где приходится иметь дело с периодом становления самого феномена культуры (например, в нижнем палеолите) либо с явлениями, сильнейшим образом трансформированными природными силами (эрозия и проч.). Для реализации этого принципа археологическая практика выработала целый арсенал средств и приемов (анализы, зондаж, георадарное сканирование, аэрофотосъемка и проч.), совершенствование которых ведет к специализации и выделению в пределах полевой археологии как особой деятельности постоянного археологического мониторинга территорий с целью выявления, фиксации и охраны археологических памятников и зон.

Реализация культурно-антропологического принципа оставляет правильно сделавшего выбор археолога один на один с объектом его исследований, и регламентация действий в дальнейшем зависит от того, как он себе представляет цель (цели?) полевых исследований. При всем возможном многообразии определений наиболее полным, видимо, будет то, которое предполагает как конечный результат любого полевого исследования построение модели исследуемого памятника, отражающей характеристики его элементов, структуру, характер функциональных связей и параметры развития. Археологическая практика показывает, что исторически меняющиеся представления о полноте подобной модели совершенно не исключают универсальности самой цели, так как построение модели в этом случае равнозначно объяснению феномена. В

условиях, когда раскопки означают уничтожение памятника, особенно очевидно отсутствие выбора в определении целей его исследования, так как единственное, что остается вместо него — файл в архиве, — должно быть информационно достаточным для построения его модели, которая с этого момента является единственным источником и объектом дальнейших исследований. Интересно, что для того, чтобы преодолеть догматизм такого выбора, современная полевая археология выработала ряд приемов, смягчающих историческую ответственность археологов за неполноту и даже ошибочность выводов о характере памятника. Наиболее радикальным из таких средств стало развитие недеструктивных методов тестирования снимает проблему повторности исследований и корректировки системно-структурного описания памятника.

В рамках традиционной полевой археологии с той же целью оставляют нераскопанные контрольные участки, музеефицируют памятники или создают полномасштабные натуральные макеты. В последнем случае этот процесс вместе с моделированием различного рода деятельности (экспериментальная археология) парадоксальным образом сближается с его компьютерным аналогом. В обоих случаях очевидно стремление внести в моделирование элемент динамики.

Если цель полевой археологии действительно создание идеальной копии — модели памятника, тогда ее универсальный принцип целеположения можно записать как принцип полноты (информации).

Несомненно, представления о норме достаточной полноты информации исторически преходящи, как и представления о полноте объяснения. Поэтому принцип полноты фиксирует не объем или содержание информации, а базовые параметры, по которым она должна собираться. К базовым в этом случае относятся параметры, соответствующие трем фундаментальным характеристикам любого явления, в том числе и археологического памятника. Сюда входят: 1) структурная характеристика, 2) функциональная и 3) генетическая. В первом случае это данные об основных элементах, структурных единицах и связях между ними памятника. Во втором — это данные о функционировании памятника (например, поселения или могильника), т. е. о характере осуществления связей между структурными элементами. В третьем случае данные отражают структурные и функциональные изменения, а также любого рода природные трансформации в период с момента возникновения памятника вплоть до начала его раскопок. Наложите сеть из трех перечисленных базовых параметров на традиционную процедуру описания памятников и результатов их раскопок, и вы убедитесь в ее принципиальной полноте как классификационной основы информации, необходимой для построения модели любого археологического явления.

Иными словами, природа самого явления и цель исследования превращают структурный, функциональный и генетический принципы в универсальные принципы полевой археологии. Более того, диалектические противоречия, объективно существующие между структурой, функцией и генезисом, составляют основу для противоречий и между принципами, в конечном итоге даже между отдельными приемами. Так, например, традиционна пока проблема выбора между раскопками поселения большой площадью с целью выявления основных структурных элементов и связей между ними (дом, квартал и т. д.) и стратиграфическими раскопками для сбора данных о временных изменениях.

В то же время взаимные противоречия между принципами оставляют место для творческого маневра и возможности умеренного выбора. Это как раз пространство перехода из области принципов полевой археологии в область ее исторических приоритетов.

Приоритеты полевой археологии. Итак, в полевой археологии есть область принципиального выбора и область приоритетных решений. Первые — обязательны, вторые — предпочтительны. Похоже, что в списке принципов Л. Клейна оказались вместе и те и другие. Например, принцип сенсационности и ряд других такого же калибра — скорее исторически сложившиеся предпочтения, чем универсальные принципы. Видимо, следует различать области, где лежат принципы принципов, а где — источники приоритетов.

Практика отечественной полевой археологии отличается, например, от западной не принципами, а именно приоритетами. Мы отстаем от западной археологии исторически, так как до сих пор не завершили период Великих открытий на евразийском субконтиненте. Культурно-хронологическая систематизация — наш главный приоритет в первую очередь от того, что нет времени заняться другим. Западная Европа завершила этот этап к середине 1950-х, и система ценностей изменилась так, что для нее наша археология сегодня — старомодная штучка.

Различая принципы и приоритеты, мы создаем основу для взвешенной оценки сложившейся практики полевой археологии и ее гибкой корректировки. Не делая этого, мы остаемся в плену рутины.

Читая статью Л. С. Клейна «Принципы археологии», невольно киваешь головой в знак согласия с неумолимой логикой рассуждений. Но странное чувство неуверенности в том, что мы верно понимаем автора, возникает, как только глаза натываются на слово «принципы». Причина возникновения этого чувства открылась, когда мы прочитали английский вариант статьи и увидели, что «законы Ньютона» (выражение, знакомое каждому по урокам физики) по-английски — «принципы механики». Сразу стало понятно, что слово «принцип» употребляется автором в двух близких, но все-таки различных смыслах.

В своем первом значении «принципы» какой-либо науки — это система гносеологических установок, существующая в умах ученых. Для выяснения этих принципов необходимо науковедческое исследование, которое даст нам некий «портрет дисциплины». Во втором же значении, «принципы» — это общие законы, выведенные учеными для объяснения чего-либо. Именно в этом смысле мы используем слово «принципы», когда говорим о трех принципах механики и т. п.

Итак, есть принципы-установки. Они, по большому счету, недоказуемы и непроверяемы. А есть Принципы-законы, которые открывают, доказывают, опровергают (здесь и далее «принципы» в этом значении — с заглавной буквы). Первые существуют в любой области знаний, вторые... Со вторыми сложнее.

Например, в механике они есть. Более того, Ньютоновы Принципы, казалось бы, превратились в принципы-установки, став основанием для дальнейших научных построений, пока механика быстрых движений не поставила под вопрос их абсолютную непогрешимость. В археологии не раз предпринимались попытки найти Принципы-законы, которые могли бы стать фундаментом для археологии с большой буквы S. «Новую археологию» можно назвать крестовым походом за Принципами. Но насколько нам известно, Л. Бинфорду не суждено было повторить подвиг Ньютона. Так и прозябает археология без Принципов, и нам представляется сомнительной перспектива, что она когда-нибудь станет их счастливой обладательницей.

Две системы эпистемологических установок, выделенные Л. С. Клейном в качестве принципов археологии, вряд ли удовлетворили бы Л. Бинфорда и Д. Кларка. Им были нужны Принципы-законы и совер-

шенно чуждо мнение, что в единой и неделимой археологии могут сосуществовать два различных взгляда на культурно-исторический процесс. Но это мнение близко и понятно любому, кто взял себе за труд задуматься над тем, что гуманитарные исследования строятся на фундаменте из нескольких недоказуемых положений, касающихся культуры и общества. И, на наш взгляд, констатация этого факта, печального для любого, кто мечтает увидеть в археологии Science, на сегодняшний день нужнее, чем пребывание в плену позитивистского оптимизма.

Представляется дискуссионной мысль автора о возможности доверить выбор между двумя системами принципов компьютеру. Кажется, что этим Л. С. Клейн оставляет Д. Кларку надежду на превращение процедуры исследования в единственно правильный аналитический механизм. К сожалению или к счастью, компьютер не может решить за ученого, является ли последний на данный момент позитивистом или релятивистом, оптимистом или скептиком, и соответственно не может назначить ему подходящие принципы. Так же как компьютер не может помочь судье решить, заслуживает ли обвиняемый смерти или нет. Принцип определяет поведение человека, даже если это принцип свободной воли.

* Среди пришедших отзывов оказался один неподписанный. Несмотря на длительные розыски и расспросы его автор так и остался неизвестен. Тем не менее содержание отзыва показалось нам весьма интересным, и отзыв публикуется здесь. (Прим. авт.)